

Эдуард Голубев

СМОТЯЩИЙ

16+

Эдуард Константинович Голубев Смотрящий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57198010

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой совершает непредумышленное убийство криминального авторитета и ему приходится скрываться в лесу, где он сталкивается с одним человеком и неестественным поведением животных, объявивших им обоим войну.

Содержание

Глава 1. Щенок	4
Глава 2. Новое жилище	25
Глава 3. “Империя” наносит ответный удар	43
Глава 4. Выстрелы о помощи	63
Глава 5. Рассказ	78
Глава 6. Открытие	92
Глава 7. А в это время...	106
Глава 8. Атака	125
Глава 9. Засада	148
Глава 10. Выбор тактики	164
Глава 11. Бой на опушке	182
Глава 12. Представление	202
Глава 13. Ночной бросок	218
Глава 14. Отвлекающий маневр	232
Глава 15. Встреча	249
Глава 16. Ответ на вопрос	276

Глава 1. Щенок

Этот сентябрьский день не отличался ничем примечательным от всех остальных за последние пару лет. Два года прошло, как закрыли единственный небольшой сталелитейный завод в городке, и депрессивная отрешенность местных жителей разряжала воздух своей пустотой. Счастливицами считали тех, кто вовремя покинул это место, избежав быть поглощенным только одной целью – найти хоть какую-нибудь работу. Большинство оставшихся по той или иной причине уже по-другому, как “тупик”, не называли свой некогда любимый, напоминавший маленького трудолюбивого муравья, город. И это слово имело как жизненный, так и географический подтекст. С южной стороны практически сразу начинался довольно длинный и крутой склон, продолжением которого был такой же подъём, а на дне этого земляного ущелья протекал небольшой ручеек, образованный несколькими родниками. Эти холмы пользовались популярностью у владельцев четвероногих друзей. Идеальное место вымотать собаку, при этом затратив небольшое количество собственных сил, стоя наверху и просто бросая палку вниз. С востока было небольшое дикое поле, где любители поохотиться на зайца частенько совершали свой променад и, пройдя чуть больше двух километров до стоящей природным частоколом чащи деревьев, разворачивались назад. Так начинался

лес, вглубь которого уже давно не заходил никто из местных. Труднопроходимые заросли всевозможных кустарников высотой с человеческий рост спокойно прятались в тени целой команды смешанных в хаотичном порядке лиственных и хвойных деревьев не испытывая никакого дискомфорта. Ещё три года назад ценители грибов с большим удовольствием отправлялись сюда насладиться их поиском, неспешно прогуливаясь и тихо общаясь между собой. Тогда они знали, что находятся под невидимым наблюдением егеря, молчаливого крупного старика с неизменной седой бородой, под которой проглядывалась добродушная улыбка, и ружьём на плече. Он мог в любой момент появиться из ниоткуда, внимательно посмотреть, чуть наклонив голову, поздороваться и также незаметно скрыться в ближайшей гуще. Кто-то называл его леший, кто-то, улыбаясь, "йети", кто-то просто лесничий. Вся его жизнь была секретом, и даже имя. Когда спрашивали, как его зовут, он всегда отвечал одной фразой: "Какая разница? Нарекайте, как вам угодно".

Несмотря, как положено настоящему леснику, на отшельнический образ жизни и задумчивую угрюмость, в городе он снискал огромное уважение. Почто каждый год, кто-нибудь из непоседливых детей обязательно терялся в лесу, ночь в котором, благодаря широким листьям вязов и дубов, стремительно наступала далеко до заката. Стоило толпе, собравшейся на поиски, подойти к опушке, как их уже встречал этот дед. Догадываясь, что произошло, он просто спраши-

вал, сколько заблудилось людей, потом отходил в поле и начинал пристально наблюдать за верхушками деревьев, сурово требуя всех не галдеть. Лесник, словно чучело с опущенными руками, стоял неподвижно среди высокой сорной травы на фоне заката, угасающий свет которого обхватывал его силуэт, придавая этой картине мазки таинственности. Спустя некоторое время, он уверенным шагом направлялся к лесу, не обращая ни на кого внимания, и все, подобно безвольному стаду, словно под гипнозом, молчаливой змейкой начинали следовать за ним в пущу. В этот момент даже командирский запах участкового исчезал вместе с последними выбивающимися далеко на западе из-за горизонта лучами солнца. Не успевало пройти и два часа, как потерявшихся находили. Старик всегда безошибочно показывал направление и район поисков. Естественно, мнения горожан насчет этих способностей были разные. Подавляющее большинство считало, что лесник понимает языки животных и птиц, которые рассказывают ему всё, что происходит в лесу. Некоторые приписывали ему экстрасенсорный дар, а были такие, кто уверенно полагал, что он обычный оборотень, только добрый, а превращается в человека лишь при людях, не обращая никакого внимания на время суток и полноту луны.

Каждую пятницу, раз в две недели, уже много лет подряд, несмотря на ветер, температуру, снежный буран, град или проливной дождь, дед неизменно приходил в минимаркет заправочной станции на окраине города за солью, иногда при-

обретая ещё что-нибудь мелкое для хозяйства. Однажды, в начале июня, он не появился, а на следующий день его тело нашли две русских борзых выпущенных в поле загнать зайца недалеко от местного кладбища. Когда хозяева собак, видя неестественное поведение своих питомцев, вскинув наготове ружья, подошли к ним, в небольшом рве они увидели лесничего. Он как будто спал, лежа на спине и скрестив кисти рук на груди. Лишь муравьи, смело шагающие по лицу, изучая новый для них рельеф, свидетельствовали, что жизнь покинула эту плоть, оставив только материю для разложения.

Через сорок минут, под присмотром полицейского, который ещё раз перечитывал записку, найденную в кармане, труп уже грузили в специальную санитарную машину. На клочке бумаги простым карандашом, почти печатными буквами, некоторые из которых старик наводил снова, было написано:

«Чувствую, конец близок. Не хочу, чтоб он пришел внезапно в лесу, и потом быть съеденным волком. Поэтому немного себе помог. Не обессудьте».

Вскрытие показало повышенное содержание в организме конваллятоксина, растительного яда содержащего в безобидных на вид белых колокольчиках майского ландыша, повлекшего за собой остановку сердца. Словно человек, который потеряв всё и сдавшийся злодейке судьбе на милость, перестаёт следить за собой, так и лесные тропы после смерти старика начали зарастать непроходимыми кущами, отби-

вая желание местных жителей погулять в дубраве. Все начали забывать о лесе, и на это была ещё одна причина. Закрытие сталелитейного завода, оставив короткий тормозной путь, очень быстро застопорило размеренную жизнь. Многолетний утренний рабочий ритм людей, идущих на смену, заставлял, как будильник, просыпаться весь город, а теперь всё превратилось в стихийный базар, где продавцов всякого хлама было гораздо больше желающих приобрести его. Прибавилось работы и у здешнего отделения полиции. Мелкие кражи, драки, подпитанные дешевым кустарным алкоголем, происходили по несколько раз каждый день, и участковый, устав от таких будней, вскоре просто перестал обращать на это внимание. Деграция одной личности – это отдельный случай, поэтому не так страшен, а здесь она захватила большинство, не собираясь останавливаться. То, что прекрасное далёко хлопнуло дверью, заколотив её толстыми досками, понимали все, но только единицы не смирились, всеми силами стараясь смягчить удар от падения на бетонную плиту смутного настоящего. В их числе был и я.

Причины, которые держали меня в городе, были просты и заурядны. Практически все, кто бросился в поисках теплого пристанища, вернулись назад. Из их рассказов следовал только один вывод – без денег на собственное жильё там делать тоже нечего. Аренда квартиры забирала львиную долю небольшого заработка, а цены на недвижимость в городке стремительно приближались к нулевой отметке, не давая

возможности приобрести её в другом месте. Вторым фактором была моя специальность. Некогда заслуженная и производимая с гордостью профессия сталевара стала менее значимой, чем почтальон или молочник. Лишь только в общении с людьми старшего поколения, я чувствовал и видел в их глазах уважение к моей бывшей работе. Для меня не было большой проблемой удалить серу из металла, победить фосфор и выпустить любую марку стали, от обычной рядовой до высокопрочных. Но с таким узким направлением ты не нужен там, где время развернулась вспять, навстречу 19-му веку, навстречу ремесленному труду.

В это время каждый становился сам за себя, стараясь не рассказывать о своём заработке на жизнь. Кому-то было просто стыдно за своё достоинство, а кто-то считал, что появится конкурент. Вечерами на улице уже не было слышно шума веселых компаний и стоило только солнечному свету покинуть город, как в наступивших сумерках открывал глаза мелкий криминал, в большинстве связанный с тем, что плохо лежит. Кто, собравшись в небольшие группы, а кто просто соорудив себе тачку, по немного начали разбирать завод на металлолом. Но и этот небольшой доход вскоре закончился. Теперь, в заброшенных цехах и между ними можно было встретить спортивных молодчиков, которые, без всяких объяснений сразу начинали избивать добытчиков лома. Поставленные удары, ломая носы и челюсти, а в лучшем случае просто оставляя темную синеву под глазами, играючи сыпались

на головы, отбивая желание следующего посещения территории завода. В конце концов, кто жил на улице, ведущей к проходным, и подружившиеся с бессонницей, всё чаще по ночам стали замечать черный фургон в сопровождении двух джипов. Они заезжали в промышленную зону и через час, в том же составе и порядке, покидали её.

По всему периметру, за бетонным забором, иногда можно было услышать рычание служебных собак, а железнодорожный заезд с северо-западной стороны полностью зашили листами металла, оставив только единственный вход на завод через бывший центральный пропускной пункт. То, что здесь наладили подпольное производство, в городе никто не сомневался, споры рождались только касаясь продукта. Начальник местной полиции вместе с мэром уже давно пустили всё на самотёк, оставив только важный вид, испорченный за последнее время отеками на лице, свидетельствующие о проигранной борьбе печени с алкоголем и пряча в карманах дорогих пиджаков дрожащие не по возрасту кисти рук.

В какой бы части городка я не находился никак не мог отделаться от произвольных бросков взгляда в сторону сталеплавильного цеха. Ностальгия за местом, где были сделаны первые шаги настоящей взрослой жизни, не покидала меня. Именно там привили те принципы и законы, когда о тебе просто говорят, он настоящий мужчина. Именно там научили с улыбкой смотреть на кричащих истеричных представителей сильного пола, мысленно переводя их в категорию сла-

бого. Постоянная близость к жидкому, накрытого огненным одеялом, металлу, заставляла принимать разные и не очень приятные ситуации проще. В такие моменты иногда чувствуешь себя старым мудрецом, который никогда не будет делать из мухи слона, опираясь на утверждение, что главное – это спокойствие. Сталь не любит суету, и ты тоже начинаешь её тихо ненавидеть.

На заводе я не был с его закрытия, а не примкнуть к батальону сборщиков металлолома мне помог старый друг. Имея собственный бокс около дома, Иван занимался установкой газобаллонного оборудования на автомобили, производя иногда небольшие ремонты. Несмотря на то, что его бизнес также сбавил обороты в это время, он, доведавшись о моих трудностях, предложил потрудиться подмастерьем. Заказы не отличались стабильностью, и только по телефону, вечером, я узнавал о наличии работы на завтра. Пусть это был небольшой и непостоянный заработок, но его вполне хватало на жизнь, и даже позволял мне после очередной установки баллонов выпить две или три баночки холодного пива. Во время работы мы постоянно обсуждали и комментировали происходящее вокруг, находя много общих тем для разговора. Конечно, не обошли стороной и то, что сейчас происходит на заводе. Слухов по городу ходило много, но включая логику, всё чаще приходили лишь к одному выводу, что так охраняться, словно секретный военный объект, может только производство наркотиков. Это было идеальное место.

Помню, как я, находясь в смотровой яме гаража и закручивая в неудобной позе болты крепления, услышал небольшой рассказ Ивана, занимавшегося под капотом двигателем, который спокойным голосом, как будто ставил перед фактом, сказал:

– Ты знаешь, давно не ходил на охоту, а вчера взгрустнулось. Достал ружьё, почистил и думаю, пройдусь в подлесок, может, парочку фазанов подстрелю иль зайчишку. Последний раз был в той стороне месяцев десять назад, и ты знаешь, не могу это объяснить. Вроде всё, как всегда, но поведение птиц, зверей, какое-то странное.

– Они что, строем ходят? – с улыбкой спросил я.

– Да, нет. Тут другое дело. Вчера Чак учуял зайца и рванулся, я следом. Смотрю, он стоит, как вкопанный и даже начал немного пятиться назад. Моя первая мысль – гадюка. Я бегом к нему, а там заяц, который не то, что не дрожал, он даже не собирался убегать, а просто лежал и смотрел на него. И только когда подошел поближе, “косой” соизволил подняться и медленно, не подпрыгивая на задние лапы, а перебирая их, направился в сторону леса.

– Я думаю здесь всё понятно. Скорей всего травма позвоночника.

– Не буду спорить, вполне возможно. Но как ты объяснишь это. Небольшая стая пернатых, облепившие одно дерево, когда приблизился к лесу, не сорвались вверх, предупреждая о моём появлении, а наоборот, словно спелые яблоки,

только не по одному, а все вместе, осыпались с веток. Честно, я такого не видел никогда.

– Даже не знаю, Ваня, что сказать. Но думаю, здесь найдется вполне простое объяснение. Может, поклевали всей бандой что-то не то или в воздухе была доза какого-нибудь усыпляющего газа, который человек переносит легко, а для маленькой птички это уже чересчур. В конце концов, магнитные бури. Много можно найти причин.

– Не знаю, дружище. Но мне кажется, здесь что-то другое. Помнишь главного терапевта, который живет на самой окраине перед полем?

– Наш Айболит, – улыбнулся я в ответ, – да, конечно.

– Так вот, я вчера проходил мимо и случайно встретил его во дворе, занимающегося хозяйством. Мы разговорились, и он мне сказал, что уже больше полгода, как его собака чуть ли не каждый день садиться и, вытянув шею, около часа внимательно смотрит в сторону леса, не отводя взгляда. И когда он отпускает её, она не убегает, как раньше, порезвиться в поле, а гуляет только в близости от дома. Честно, не верю во всяких оборотней, ну, кроме, как в погонах, но в лесу что-то изменилось.

Этим словам я тогда не придал должного значения, и они быстро отправились на полку под названием “забыл”. Проблемы зайца с перебитым позвоночником и птицы, падающие с ветки, поведение собаки “доктора Хауса”, на тот момент меня интересовали так же мало, как дата основания во-

енно-воздушных сил Финляндии.

Так, без изменений, жизнь городка остановилась на этом уровне, и дни незаметно переходили в недели, а те, в свою очередь, в месяцы. Лишь смена поры года подтверждала, не требуемое доказательств лауреатов Нобелевской премии, постоянство течения времени.

Итак, вернусь к началу моей истории. Этот сентябрьский день не отличался ничем примечательным от всех остальных за последние пару лет. Около пяти вечера, закончив установку газового оборудования на небольшой грузовик и получив свою часть денег за работу, я направился домой. Небольшая усталость вместе с вечерней свежестью предрасполагала сделать несколько глотков холодного пива в старом небольшом парке, который давно потерял свою привлекательность неухоженными дорожками, заросшими кустами и наполовину сломанными лавками. Когда позволяла погода, я часто заходил сюда, печально наслаждаясь пустынностью некогда людного места. После работы сознание вело сюда, требуя уединение и тишины для очищения, как внешней оболочке требуется горячий душ. Две алюминиевые банки “Bud” отдавали приятной прохладой в ладонях, вызывая желание скорее сбить небольшую жажду и расслабиться, думая о чем-то умиротворенном. В такие моменты мысли могли преодолеть расстояние от устройства Вселенной по мотивам Стивена Хокинга до белой зависти к людям, которым работа приносит настоящие удовольствие, таким, как ведущие “Top gear”

и “Разрушители легенд”. Конечно, я не мог пропустить уникальность и просчитанную бесшабашность Беара Гриллса. Как часто, после очередной серии “Выжить любой ценой”, в моей голове не укладывалось, на что способен человек и насколько существует много способов не сдать природе на милость. Пытаясь пережить вместе с ним каждое приключение, я отчетливо понимал, что экран телевизора не в состоянии передать всю сложность ситуации. И там, где Беар слегка морщился от боли и отвращения, обычный человек взвыл бы или потерял сознание.

Баночка пива в руках приятно прошипела, выпустив давление, чем обратила на себя внимание маленького черного щенка с белым пятном, который спрятавшись, отдыхал под кустом напротив лавки. Он высунул нос из-под листьев, посмотрел на меня и, виляя хвостом, подбежал. Усевшись напротив, в его глазах читалось два самых главных желания любой собаки – покушать и поиграть. С первой была проблема по причине отсутствия, а со второй, мне просто не хотелось, о чём с улыбкой и сказал щенку. Он ещё немного посидел рядом и, поняв, что толку не будет, смешно подпрыгивая, побежал на поляну, где скрылся за высокой травой в поисках хоть какого-нибудь развлечения.

Тень от деревьев увеличивалась обратно пропорционально оставшемуся количеству пива и вскоре наступившая серость шептала, что пора идти. Оставив пустые банки прямо на лавке для облегчения работы собирателей вторсырья,

я, испытывая небольшое блаженство, расслаблено направился домой. Незаметно стало темно, и только свет, работающих через одного, уличных фонарей, разбавлял наступающую ночь. Выйдя из парка, повернул налево и направился вдоль проезжей части. На другой стороне улицы я увидел недавнего знакомого щенка, который был рад снова встретиться и, подняв ещё не окрепшие уши, все также, слегка подпрыгивая, побежал через дорогу навстречу мне. Только он пересёк разделительную полосу, как из-за небольшого холма, метрах в ста или чуть больше, вылетела, на несколько сантиметров оторвавшись от асфальта, машина. Скорость была далеко за сотню, и до встречи протектора широких колес BMW седьмой серии с собачонкой оставалось не больше двух секунд. Решение, о котором буду помнить всю оставшуюся жизнь, ворвалось спонтанно и мгновенно. Мне хватает секунды добежать до него, и, не останавливаясь, на ходу, словно отдать легкий пас, надо будет отбукснуть на другую сторону дороги. Я резко сорвался с места и на пятом шаге, вывернув ступню, мягко “щечкой” пнул щенка. Этого хватило более, чем достаточно. Он отлетел почти до бордюра, перевернулся боком, поднялся и выпучил глаза, не понимая, за что его ударили.

Судя по всему, водитель автоматически дёрнулся и, явно не имея навыков Микки Хаккинена, неумело пытался справиться с потерей управления на такой скорости. Машину всё больше начинало носить из стороны в сторону и,

поняв, что ситуация с каждой десятой долей секунды уходит из-под контроля, он резко нажал на тормоз, одновременно вывернув руль. Пролетев в метре от меня, автомобиль развернулся поперек дороги и остановился, как вкопанный. Только скрупулезно просчитанный немцами центр тяжести не позволил ему стать перевертышем. В резко наступившей тишине я услышал мягкий звук открывающейся двери. Затем в свете фонаря появился силуэт хозяина машины. Это был типичный для того времени представитель вида “бандит обыкновенный” или как выразился бы биолог, который с умным видом любит выбрасывать слова на латыни – “*Ordinarius Varabbas latro*”. В его раскачивающейся правой руке был пистолет, увеличенная тень которого упала на крыло машины. Не надо было быть наркологом, чтобы сразу понять присутствующую, мягко сказать, неадекватность, вызванную, скорей всего чрезмерной дозой алкоголя.

– Слышь, ты, придурок! Тебе что, жить надоело? Так я помогу! – Его наигранный гнусавый голос резал слух. – Отвечай!

Слегка сутулившись, он направился ко мне не переставая размахивать стволом. Моё молчание его бесило.

– Я повторяю. Отвечай! Сейчас прострелю тебе колени, чтоб такие уроды, как ты, больше никогда не ходили по дороге. Ты меня слышишь?!

Он поднял пистолет и, не целясь, выпустил пулю мне под ноги. Затем перевел дуло на щенка, который сжавшись в вы-

сокий бордюр, испуганно смотрел на происходящее.

– Ты его хотел спасти???

Раздался второй выстрел и отлетевший небольшой осколок бетона ударил собачонку, которая, заскулив ни сколько от боли, а от страха, кинулась без оглядки прочь. Понимая бесполезность каких-либо разговоров о скоростном режиме в городе и отсутствие желания поиметь свежее пулевое ранение, выход из этой ситуации представлялся только один. Не прошло и секунды, как я уже сблизился с ним и, не дав ему возможности развернуть оружие обратно в мою сторону, схватил левой рукой запястье, а ребром правой ладони нанес удар по сонной артерии. В глазах блеснула и тут же скрылась за хлопнувшими веками бычья ярость, а в горле хрипом спустился на тормоза крик. Неожиданность выполнила свою функцию на “отлично”. Чувствовалось, что он не один раз был в передрягах, и поэтому тело автоматически сработало на выход с линии удара, сделав шаг назад, стараясь выкинуть вперед правую руку с пистолетом. Но потеря сознания подкосила ноги и громила всей своей массой начал падать на спину. Вполне возможно, что на этом всё и закончилось бы. В его состоянии он вряд ли вспомнил меня и эту ситуацию, но поэтому в нашей жизни скрытно и обитает “господин Случай”, который любит неожиданно появляться из засады. Если бы кто-то сказал этому бандиту, что его убьёт дверца любимого BMW, я думаю, в трезвом состоянии он рассмеялся бы в лицо, а в таком, как сейчас, сделал

бы этого человека инвалидом. Как известно, размякшее тело при падении не приносит организму значимого урона по причине полной расслабленности мышц, но черепная коробка даже в таких случаях не любит встреч с твердыми предметами, коим сейчас оказался угол открытой водительской двери. Удар головой был глухим и он начал сползать, давя всей массой на дверцу, которую, казалось, сейчас на изломе вырвет из кузова вместе с шарнирами. Даже в этом блеклом освещении я увидел, как за ползущей вниз головой на стекле оставался вязкий жидкий след отбрасывающий темные блики. Эта расплывчатая полоса крови, словно рисунок невидимого злобного художника-авангардиста, говорила только об одном, что случилось необратимое. Я стоял и смотрел, пока тело не замерло в сидячем положении под звук легкого скрежета скользящей вороненой оружейной стали об асфальт, протянув ноги, а спиной, упершись в подлокотник. Во мне не было никакой жалости, никакого гнева, вообще ничего. Два выстрела отбили охоту у любого, кто хотел бы посмотреть, что произошло и, оглянувшись вокруг, передо мной предстала пустынная улица без единого намёка на лишние глаза. Логика дальнейших моих действий, вызванная малым количеством времени для размышлений, была такова. Первое, это забрать пистолет, и тогда, если не копать, картину можно представить, как несчастный случай с пьяным водителем, который вышел из машины и упал, разбив голову об дверь. В этом случае никто не будет искать свидетелей, ко-

торые расскажут о двух выстрелах. Я нагнулся и, аккуратно вытаскивая спусковую скобу с указательного пальца, увидел, как из бокового кармана легкой дорогой кожаной куртки выглядывала пачка купюр. Наверное, все-таки бытие определяет сознание. Два года назад моя рука никогда бы не потянулась за ними, но последние месяцы в пребывании, когда ты мог позволить себе лишь пару банок пива и то, не всегда, сделали своё дело. Две запечатанные стопки стодолларовых банкнот уютно расположились с мобильным телефоном, спрятавшись под молнией внутри мастерки, а пистолет, поставленный на предохранитель, заставил расслабить ремень на джинсах. Подобранные гильзы были выброшены в решетку водостока.

Я уходил, не оглядываясь и не ускоряя шаг. Только сейчас меня начало поедать волнение. Решив, что ещё литр холодного свежего пива не помешает досконально обдумать произошедшее, сидя в кресле и успокоившись на лоджии своей квартиры, зашел в небольшой круглосуточный магазинчик. До дома было около пятнадцати минут ходьбы. Путь не долгий, но в этот момент меня что-то на подсознательном уровне тормозило преодолеть его. Свернув в ближайший темный дворик, я присел на одиноко стоящую скамью и достал баночку из пакета. Облокотившись на спинку, закинул голову и уставился в черное небо, рассматривая беспорядочное расположение звезд. Никогда не задумывался об этом, но только сейчас понял, что придуманные людьми созвездия, это

единственный способ хоть как-то упорядочить хаос Вселенной. Даже, забыв про тревогу, успел немного пожалеть о том, что вижу и знаю всего лишь Медведицы с их Полярной звездой и Кассиопею.

Через двадцать минут я продолжил свой путь, а внутреннее беспокойство завоевало всё тело, заставив непроизвольно сбавить шаг и направиться через дворы пятиэтажек, освещенные только тусклым синим светом телевизоров из окон. Пришлось сделать небольшой крюк, и поэтому к своему дому подошел с другой стороны. Остановился. Чувство опасности вызывало мурашки и инстинктивно, в этой темноте, укрылся под ветками большой ивы, не сводя взора со своего подъезда. Постепенно глаза окончательно привыкли к темноте, а звезды, казалось, прибавили яркости, став отличным помощником. С первого взгляда всё было, как всегда, ничего примечательного, но ощущение, что меня кто-то скрытно ожидает, не покидало. Я положил пакет с оставшейся банкой около ствола и решил залезть на дерево, где знал каждую ветку, так как много времени провёл здесь в детстве. Со стороны, безусловно, это показалось бы неадекватным поведением. Взрослый мужчина поздним вечером лезет на дерево, вряд ли вызвало понимание, но мне на тот момент было всё равно. Каких-то шесть метров над землёй и картина двора сразу представилась в полном объеме.

Вдруг, справа от ивы, в полной тишине я услышал с разницей в секунду два мягких благородных звука закрываю-

щихся дверей, присущий недешевым автомобилям. В двадцати метрах, за стеной из кустов, стоял, укрывшись с выключенными габаритами явно в ожидании кого-то, судя по высоте, большой внедорожник. Вспышка зажигалки осветила лица и вскоре темноту разбавили огоньки сигарет, поочередно вспыхивая во время затяжки. Мой слух напрягся, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Где он пропал? Что-то долго нет? Может мы пропустили его?

– Нет, братан, я не сводил глаз с подъезда, да и в окнах никакого движения.

То, что во мне всё сжалось до предела, не сказать ничего. Пальцы до боли впились в кожу и, казалось, что даже уши, как у кота, поднялись, поворачиваясь в их сторону. Лишь одна мысль болезненным стуком в висках, отдавая глубоким эхом, крутилась в голове – как они так быстро меня нашли? Ответ не заставил себя долго ждать, породив следующий, уже более глобальный вопрос – что делать дальше?

– Хорошую штуку придумали, этот видеореги­стратор. Если бы не она, хрен бы его нашли.

– Та да. И мент красавец, сразу всё пробил об этом типе. Где служил, где работал, где живёт. Кстати, у Толяна ствола не было, а он после тех разборок в ресторане, носил его с собой всегда.

– Думаешь, он забрал?

– Уверен. Он из разведроты, значит с оружием на “ты”

и держать в руках не боится. Вопрос в другом, зачем оно ему? Если мы не найдем это солдатика, чую, будут большие проблемы с «цетральными».

В этот момент один из них, который делал постоянно выводы, достал мобильный и уставился на засветившийся прямоугольник экрана.

– Слушай, Башкир пишет. Нашли какого-то бомжа, который клянется, что слышал два выстрела. Ну, теперь всё понятно. Этот тип забрал пистолет из руки, чтобы закосило под несчастный случай, как будто там никого, кроме Толяна не было. Не учел только двух вещей. Первое, это то, что мы ехали навстречу и были там через несколько минут, а второе, видеорегистратор.

Телефон в его руках продолжал отдавать зеленым цветом и навёл меня на мысль, что надо избавиться от своего, который я тут же достал из кармана и отключил. Не хотелось, чтобы второй гаджет за сегодня сдал меня с потрохами. Следующее моё пребывание под печально опущенными ветками старой ивы уже не принесло бы никаких дивидендов, и аккуратно спускаясь с дерева, решил, что на данный момент первое действие, это как можно дальше уйти от своего дома. Прекрасно понимая, что максимум через час к ним придет мысль о бесполезности их наблюдения, я за это время должен покинуть город, так как все свои силы вскоре они бросят на поиски. Выдвигаться к северо-западной стороне, где была единственная дорога, связывающая с цивилизацией, было

равносильно самоубийству. В южной балке меня заметили бы за сотни метров. Оставался только восток со своим лесом, уж где-где, там найдётся местечко спрятаться, пересидеть и подумать, а тяжесть за поясом изделия Николая Макарова начала обретать свой смысл.

Под ногой тихо прошелестел пакет с баночкой пива, о котором я забыл в свете полученной недавно информации, прося не забыть его взять с собой в ночной путь.

Идти по открытому полю освещенный яркой луной, которая благодаря обману зрения за городом кажется больше и гораздо ярче, не было лучшим вариантом, и я решил проложить свой путь вдоль границы кладбища, скрываясь в силуэтах молодых деревьев, стоявшие, словно задремавший караул на страже порученных им могил. Вскоре передо мной черной широкой полосой предстал ров, в котором когда-то собаки нашли старого лесничего. Спустившись в него, я присел на склоне и достал банку пива, ухмыльнувшись от дикой для такой ситуации с оттенком черного юмора мысли, что теперь никто не знает, когда в моей жизни будет следующая. Две пачки купюр и мобильный вряд ли могли оказаться хорошими помощниками в лесу, и вскоре этот набор перекочевал в опустевший пакет, который неглубоко закопал на дне оврага, прикрыв лежащим рядом, небольшим валуном. До опушки оставалось метров четыреста.

Глава 2. Новое жилище

Азы пребывания в сложных условиях мне привили ещё в армии, поэтому никакого страха перед ночной дубравой не испытывал. Конечно, на службе в разведроте мотострелковой дивизии “курсы выживания” не были настолько экстремальны, как демонстрировал Беар Гриллс, но их вполне хватало при сложившейся обстановке. Я на всю жизнь запомнил слова своего командира, что только две вещи в этом мире, которые на 100 процентов разрушают всё вокруг благодаря цепной реакции, это паника и атомная бомба. Ни того, ни другого, у меня не было.

Последний раз в этом лесу я был ещё в детстве, когда на велосипедах юнцами мы приезжали сюда не, сколько погулять, а сколько проверить себя на трусость, углубляясь всё дальше в гущу, оставив своих верных двухколесных коней в зарослях кустарника на окраине поля. Ещё тогда, в отличие от своих сверстников, для меня не было большой проблемой определить стороны света в темноте крон, спрятавших солнце, не выискивая мох на деревьях. В очередной раз, когда правильно показывал в какой стороне город, они шутили по поводу проглоченного мною, ещё маленьким ребенком, компаса. На каком-то подсознательном уровне, уже в этом возрасте, я автоматически всегда выбирал и запоминал ориентир, который для многих не был заметен. Распределение

мегабайтов в моей голове большим количеством склонялось к фотографической памяти, чем к запоминанию имён и названий, оставляя только те, которые меня заинтересовали.

Не забуду появление в моей старой школе одного военного средних лет, который набирал группу в “Кружок юного разведчика”, куда не задумываясь не секунды, записался. Он умело сочетал теоретические и практические занятия. Только там я с огромным удовольствием рисовал таблицы, схемы и четко выводил текст в тетради, запоминая всё на ходу, что с большой неприязнью получалось на обычных уроках. Уже в шестом классе максимальное расстояние до видимого огонька сигареты в полной темноте и сколько метров до трехэтажного дома, который по высоте равнялся ногтю большого пальца вытянутой руки, не было для меня загадкой. Азбука Морзе, движение без компаса – это всё на удивление давалось очень легко. Помню, как спросил, когда нам дадут настоящий автомат вместо этих деревянных и его слова о том, что лучший друг разведчика это нож, запомнились навсегда. Он как-то принес его на занятия и мы не могли оторвать взгляд от холодного лезвия с черной пластмассовой рукоятью. Тогда, по своей детской наивности, я с умным видом продекларировал, что это “финка”. Майор запаса (это узнали позже) улыбнулся и красиво ненавязчиво поставил меня выскочку на место, рассказав, что между ними очень большая разница. Во-первых, длина лезвия, во-вторых, наличие гарды и, в-третьих, материал рукоятки. Финский служит только

для хозяйственных и бытовых целей, а этот с необычным названием “Вишня” из-за похожего клейма, самый настоящий нож разведчика.

Мозг этими воспоминаниями целенаправленно намекал, что пистолет, это неплохо, но наличие в руках куска закаленной острой стали не было бы лишним, и в подсказку выкинул мне ещё одно воспоминание. На тех занятиях впервые узнал слово “схрон” и его значение. Военная романтика в том возрасте легко поглощала всех мальчишек, и я был в первых рядах этого марша. Решив, что просто обязан иметь собственный тайник с оружием, приступил к поискам. На так называемой барахолке, около рынка, по словам всех мужчин города, здесь можно было найти всё и поэтому, это стало постоянным местом моего ежедневного променада. Каждый раз, рассматривая лежащий на земле товар, я привлек внимание одного старика, который внимательно посмотрев на меня, заговорщически тихо спросил:

– Что ищешь, внучок? Может дед тебе поможет?

С небольшим трепетом, боясь следующих вопросов, я всё-таки через силу проговорил:

– Мне нужен нож разведчика.

– Извини, такого нет. Но в сарае у меня завалился старый штык-нож. Можешь подождать. Через полчаса я пойду домой. Здесь недалеко.

– А сколько будет стоить? – украдкой спросил я, сжимая кулаком в кармане шорт, колоссальную для меня сумму в

пять рублей.

– Я бы подарил, но нельзя. Поэтому десять копеек, – старик прищурился и внимательно с лукавством посмотрел на меня, наслаждаясь тем, как загорелись мои глаза. – Он без ножен, поэтому проволоку не перекусишь, ещё надо будет почистить и заточить.

В моих широко открытых веках не скрываясь, читался знак согласия, и я уже представлял, как буду хвастаться им перед друзьями.

Через час, спрятавшись в высокой траве парка, вдалеке от аллей, радостные эмоции переполняли меня. Сколько мало надо было в те года для счастья! Темно-бурый цвет лезвия полностью скрыл стальной блеск, но эта проблема легко решалась с помощью пасты ГОИ, которая была у меня дома. В пластиковые боковины рукоятки за многие лета уже намертво впиталась промасленная грязь, и все попытки содрать её ногтем не приносили результата. И даже это не расстраивало. Главное, что у меня, двенадцатилетнего пацана, был свой штык-нож! А всё остальное – ничто.

Естественно, в том возрасте, более таинственного и лучшего места для схрона, кроме, как кладбище, сложно было придумать, и на следующий день я уже бродил среди памятников, ища подходящее. Моё внимание сразу привлекла одна неухоженная старая могила на восточной окраине городского погоста. Было заметно, что к ней уже давно никто не приходил, кроме сторожа с дежурной палкой, отпугивающих

стуком ворон, который обрывал бесконечно растущую траву. Ржавая оградка, наполовину выдавленная из земли разросшимся стволом и корнями старого дерева, ровесника захоронения, образовала небольшое углубление в земле. Эта пустота и стала искомым местом.

Вскоре начищенный до заворачивающего блеска клинок и заточенный глухонемым стариком около базара на ножном станке, приковывал завистливые взгляды моих друзей, когда в парке, хвастаясь, давал подержать в руках. Эти дни получалось его прятать дома, но я понимал, что это ненадолго и мать во время генеральной уборки квартиры обязательно найдет и, даже не сомневаясь, выкинет, а тайник уже был готов. На занятиях майор рассказал, что существуют специальные контейнеры для долгой сохранности содержимого в тайнике, но можно его сделать и самому. Картон явно не подходил для этих целей, и ничего лучше, чем взять дерматиновую коробку от автомобильной аптечки, я не придумал. К ножу присоединилась ещё одна моя гордость – бензиновая зажигалка из гильзы автомата Калашникова, сделанная по моей просьбе соседом часовщиком. А также целая упаковка сухого спирта, цыганская иголка с капроновыми нитками, бинт, кусок ваты, зелёнка, увеличительное стекло и ещё один предмет самодовольства, плоская, выдавшая лучшие времена, карманная фляга, купленная на той же барахолке. Аптечка была помещена в полиэтиленовый пакет, который для большей надёжности и защиты, стянув, обмотал изоляцион-

ной лентой.

Откопать и очистить изгиб бокового корня, под которым образовалась удобная ниша, мне помогла детская алюминиевая лопатка для песочницы, которая также нашла своё место в аптечке. Итак, схрон был готов. Засыпав его землёй, посадил два пучка травы и аккуратно притоптал, представляя, как в будущем, когда что-нибудь понадобится, я под восхищённые взгляды друзей, словно настоящий герой, вроде Зорро или командира партизанского отряда, с серьезным лицом извлеку свой клад из земли.

Спустя шесть месяцев, наш кружок прекратил своё существование. Директор школы не был красноречив, в двух словах объяснив, что преподаватель уехал и вести занятия никому. Было очень обидно, что майор даже не попрощался, и вскоре каждый из нас нашел новые интересы. Только через два года мы узнали, что он тогда обратился в областной военкомат с просьбой отправить его в Афганистан, где и погиб, подорвавшись на mine.

Я занялся легкой атлетикой и ежедневный преодоленный на тренировках километраж заставил забыть о своём ребяческом увлечении. Теперь в голове крутились мысли только о соревнованиях и показаний стрелок секундомера. Пришла молодость и время, проведенное в “Кружке юного разведчика”, вместе с тайником канули в прошлое. Затем был городской техникум, военкомат, где меня сразу приписали в разведывательный батальон (видно характеристика со шко-

лы сделало своё дело), а дальше два года службы и сталелитейный завод.

И вот спустя девятнадцать лет сложившиеся ситуация открыла этот файл в голове. Пакет с деньгами и мобильным обратно решил не доставать, поскольку не знал, какое состояние старого детского тайника. Полная луна оказалась хорошим помощником, и я без труда нашел ту самую могилу, с удивлением отметив, что, по крайней мере, в свете самого преданного спутника Земли, по большому счету ничего не изменилось с того времени. Абсолютно безобидный предмет для потребностей человека, коим был полиэтиленовый пакет, в отличие от всего в этом мире, оказался не подверженный биологическому разрушению и, собрав на себе грязный конденсат, внутри был сухой, полностью защитив аптечку с содержимым от почвенной коррозии, что не могло не радовать. Штык-нож теперь уютно располагался в ладони взрослой руки, которая на инстинктивном уровне, играючи, прокрутила его острие в воздухе, перейдя с хвата клинком верх на положение клинком вниз и затем с выбросом лезвия вперед. Всё остальное осталось в аптечке. Природа легко могла заменить её высушенным в тени очищенным кусочком мха, обернутым нитями паутины. Я не знал, что ждёт впереди, но сейчас было известно только одно, это полное отсутствие страха, а значит, направление правильное.

Углубляться ночью в темные дебри было равносильно брожению слепого щенка среди заваленных книг взорванной

библиотеки. Твоему продвижению бесконечно мешают одни и те же вещи, которые ты не видишь. Поэтому обосновываться в лесу решил начать с первыми лучами солнца, а сейчас, подмяв под себя высокую траву и скрывшись за кустарниками на опушке, я лег на спину, уставившись в звездное сентябрьское небо. Благо, погода ночью ещё радовала теплом. Это нельзя было назвать сном, так, дремота с включенным в голове датчиком сигнализации на движение. Меньше всего на тот момент я хотел услышать треск ломающейся ветки или резкий повторяющийся птичий крик, сигнализирующий тревогу. Легкий ветерок напоминал профессионального пианиста, который выдавал пассажи, играя листьями деревьев, словно клавишами рояля. И эта музыка убаюкивала, заставляя забыть то, что привело меня сюда.

Шум двигателя автомобиля в предрассветной тишине, вдалеке от города, слышен за многие сотни метров и он сразу привлек моё внимание. Очень тихо, стараясь не зацепить кустарник и тем самым потревожить какого-нибудь спящего зяблика, медленно перевернулся на живот, но обзора мне не добавилось. Взгляд нашел прямой коридор среди веток и сразу уперся в высокую степную траву. Я специально закрыл глаза, пытаясь хоть на немного обострить слух. Рокот дизельного мотора вскоре прекратился, и уже не было никаких сомнений, это по мою душу. Картина происходящего по ту сторону поля сразу предстала передо мной во всех мелочах. Три человека вышли из машины, оглянулись по сторонам,

один из них достал бинокль и с видом капитана подводной лодки, который после всплытия, открыв верхний рубочный люк, протер холодные линзы и прильнул к окулярам, внимательно с угрюмо серьёзным лицом начал обводить территорию. Единственная вещь, которая успокаивала, не слышно лая собаки. Будучи на их месте, я бы ночью вскрыл квартиру и прихватил бы что-нибудь из моей одежды, желательно не стиральной, а найти четвероногих служивых, умеющих идти по следу, в нашем городке, где было целое общество охотников, не проблема. Затем вернуться к начальной точке, и там, где развернулась BMW, взять мой след острому нюху не представляло глобальных трудностей. Хорошо заплатить за ночные неудобства и обязательно найдется желающий помочь в поисках, но, судя, что прошло уже более четырёх часов, шансы найти меня по следу с наступлением дня стремительно неслись к нулю. Как хорошо, что они до этого не додумались.

Спустя минут пятнадцать машина снова завелась, и по слабозаметному столбику поднявшейся пыли грунтовой дороги было видно, что они направились на юг, в сторону балки. На востоке солнце тёмно-оранжевым пятном уже поднималось из-за горизонта, а я, сгорбившись, словно снежный человек на знаменитом видео, с оглядкой, входил в заросли леса. Моему клинку срочно требовались ножны. Средних размеров кусок свежей бересты с тремя изгибами сложенными внутрь, длинные тонкие ленты из неё же в качестве

шнурков, этого было больше, чем достаточно. И через двадцать минут штык-нож преспокойно расположился по левую руку на кожаном ремне джинсов. Кобуру решил сделать попозже, после того, как обустроюсь в лесу и тогда появиться уйма времени для такого рода занятий, а сейчас все силы бросить на полноценную спокойную подготовку ночлега, пока погода была благосклонна. И сразу возникла дилемма в поисках места. В разведроте нас учили изначально искать такой участок, который не вызывал бы никакого желания его посещать, а наоборот, только мысль обойти стороной. Это мог быть бурелом или гниющая плоть дикого зверя. Я решил отказаться от такой “защиты”, компенсировав её более глубоким погружением в чащу, стараясь держаться подальше от обнаруженных парочку звериных троп. Спустя три часа мои глаза уткнулись в островок лиственных деревьев посреди хвойного подлеска на небольшом уклоне. Это говорило только об одном, процентов на девяносто пять, рядом вода, а значит исходя из правила “трёх троек”, двадцать один день минимум у меня есть. Этот закон очень прост: обычный неподготовленный человек может прожить три минуты без воздуха, три дня без воды и три недели без еды. Спустившись по склону, который становился всё резче, я уперся в овраг, откуда исходило приятное тихое журчание живительного родника. Удовлетворение найденным местом и целый день впереди позволили не спеша, имея понимания строительства временного сооружения в данных условиях, соорудить

дить двухскатный шалаш из хвойных веток, учитывая все известные мне нюансы. Спустя несколько часов я уже рассматривал своё детище со стороны, словно художник, склонивший голову набок перед мольбертом и любующейся новым шедевром. А лесная прохлада вместе с полной безмятежностью в работе позволила сохранить достаточно сил для обеспечения себя влагой.

Ручеёк на дне оврага притягивал своей свежестью и чистотой. Не понаслышке зная, что прозрачность воды может быть обманчива, так как её путь под землёй не был известен, а наличие кладбища и бывшего сталелитейного завода вполне могли принести неприятные сюрпризы для желудка, кипячение не стало бы лишним действием. И снова глаза пробежались вокруг в поисках самого универсального материала для поделок в лесу – бересты, отличающейся своей гибкостью и стойкостью к изломам. Наши прадеды недаром много веков использовали её во всевозможной кухонной утвари. В таких ситуациях одноразовый котелок из кожи молодой берёзы был незаменим и прост в изготовлении. Квадратный кусок коры, четыре нехитрых прищепки из палок, четыре распорки внутри получившийся емкости, костёр, разведенный в секунды, стоило лишь увеличительному стеклу поймать хоть один луч солнца, и я уже наслаждался лесным чаем из сосновых иголок, расположившись в тени около шалаша. Заполнив флягу под самый край остатком хвойного бальзама, мне осталось сделать только одну вещь – определить свои коор-

динаты. Выбрав довольно высокую сосну и взглядом проложив возможный путь наверх, я с разбегу, упершись подушечками опорной ноги в ствол, выпрыгнул и с первого раза зацепился за нижнюю ветку на высоте более двух с половиной метров. Остальное уже было делом техники. Подо мной растелилась зеленая пучина и верхушки деревьев, обдуваемые ветерком, прокатывались легкими волнами, напоминая морской бриз. В эти моменты хочется забыть обо всём, заполнив образовавшуюся пустоту шелестом листвы, всячески пытаюсь понять, что она хочет тебе сказать.

Ориентиры не пришлось долго искать, с западной стороны ими оказались две трубы моего цеха, которые встали в одну линию, а с севера столбы электропередач, выполнявшие поворот в сторону города. Довольный результатом и продуктивностью сегодняшнего дня, я остался сидеть на дереве, прикрыв глаза, сквозь веки, наслаждаясь мягким оранжевым теплым светом готовящегося к заходу солнца.

Костер догорал, слабо подсвечивая затухающими угольками, прося спуститься и продлить ему жизнь, а редкие кучевые облака убеждали в неизменности погоды. Ночь, как и предыдущая, должна быть теплой.

Треск объятых огнём сухих палок разбавлял тишину и только сейчас обратил внимание на долгое отсутствие криков или пение птиц, что в отличие от цвета заката и типа облаков, говорило о приближении холода. Сойдясь на мысли, что ошибаться у крылатых шансов больше, расположился в

шалаше, вытянув ноги в сторону костра. Наконец-то, усталость взяла своё, и вскоре я уже спал, вдыхая свежий воздух пропитанный запахом хвои, наслаждаясь единением с природой. Мой сон не отличался оригинальностью. Это были пейзажи, которые резко менялись без плавного перехода от одного к другому, как будто в мгновение перемещался на большие расстояния. Сначала иду по степи, оборачиваюсь ... и уже нахожусь на рабочей площадке около электродуговой печи в каске с темно-синими очками на козырьке, делаю шаг в сторону пульта, и он превращается в гараж, а углеродные электроды, висящие над сводом, вытягиваются в большой тополь, и теперь я стою на неизвестной мне дороге. Оглядываюсь, чувствуя опасность, и вот прямо на меня мчится черный автомобиль, за рулём которого никого нет. В последний момент он исчезает, а клубы поднявшейся серой пыли превращаются в белоснежные облака и сейчас меня окружают небольшие холмики с аккуратно подстриженной зелёной травкой, напоминая поле для гольфа. Вдруг резко становится темно, а сильные короткие порывы ветра приносят беспокойство и холод.

Я открыл глаза и нажал подсветку на часах, где в правильном порядке расположились четыре цифры: ноль, один, два, три. Сон пропал, но неприятное чувство тревоги осталось. Там, далеко в подсознании, без какого-либо повода, зародилось ощущение, что рядом есть ещё кто-то и правая рука машинально нащупала пистолет за поясом. Стараясь сде-

лать бесшумно минимальное количество движений, я присел прямо на выходе из шалаша. Глаза довольно быстро адаптировались к окружающим меня темным контурам кустов и деревьев, благодаря пробивающимся пучкам слабого неонового света полной луны. Гробовая тишина вокруг больше напрягала, чем успокаивала. Медленно переводя взгляд, всеми силами старался заглянуть глубже в лесной мрак, но он не пускал. Разворошив угли и обнаружив, что в некоторых из них ещё теплятся огоньки, я кинул жменю хвороста и как веером, поддал воздух остатком куска бересты. Вспыхнувшие маленькие ветки мгновенно сузили мои зрачки, на пару секунд ослепив и передавая огонь более крупным, которые были заготовлены ещё днём. Недаром человечество всегда поклонялось огню, как защитнику от всего нелюдского. Тревога внутри, под приятный треск костра, начала уступать место спокойствию и в какой-то момент даже начал забывать про неё, хотя понимал, что уснуть до утра теперь уже не получится.

Пламя всегда отличалось таким умением, как гипнотизировать всё живое и я в этот момент не стал исключением, бессмысленно уставившись на него, любуясь необычным танцевальным движением темно оранжевых языков. Не забуду, как в цеху, на одном из выпусков металла, также, не отрываясь, уставился на струю, вылетающую из сталевыпускного желоба в ковш, и настолько сфокусировался взглядом, что в какой-то момент передо мной, словно голограмма, откры-

лась совершенно иная картина. Это уже был не просто поток расплавленного железа. Я четко видел сквозь защитные очки подобие чешуи, словно огромный бело-синий удав, вращаясь, медленно спускался вниз. Зрелище впечатляло. После смены, восстанавливая водный баланс организма бутылкой холодного пива, рассказал об этом на проходных. Кто-то из коллег улыбнулся, кто-то промолчал, но на следующий день многие подошли ко мне с неподдельным удивлением, что за столько лет работы и, видя тысячи выпусков стали, они никогда не замечали ничего подобного.

Край глаза зацепил изменившийся порядок прыгающих теней от костра и выхватил из темноты небольшое движение. Я в мгновение поднял голову и резко, от неожиданности, отпрянул назад. По ту сторону пламени напротив меня стоял волк. Кисть автоматически выдернула пистолет из-за пояса, а большой палец по ходу опустил флажок предохранителя и лег на курок, готовый взвести его в любой момент. Когда пролетели первые секунды такого “сюрприза” и мозг перешёл в рациональное поле, я медленно поднялся, не сводя глаз с серого непрошеного гостя. Только сейчас стала понятна вся неестественность данной ситуации. Встречать волков мне приходилось и до этого, но никогда, ни один из них не вёл себя так. Они не подходят к людям, уже на геномном уровне считая человека смертельно опасным. Они, как любой зверь, панически боятся огня. Здесь же было всё наоборот, но самым странным выглядели его зрачки – они были огромные,

когда при такой близости к костру, должны сузиться. Сначала я решил, он слепой, но эта мысль была откинута тем, что случилось дальше. Волк смотрел куда-то сквозь костёр, меня и шалаш, будто находился в другом пространстве, где в полной тьме его глаза прорезали два тонких тоннеля, словно лазерный прицел, не чувствуя преград. Затем он медленно поднял правую лапу и вытянул вперёд прямо в огонь. Только я почувствовал мерзкий запах жженой шерсти, как серый также, неторопливо, воротил её обратно, вывернул, поднёс к морде и стал облизывать подушечки когтей. Мало того, что зверь ничего не видел, он ещё не чувствовал боли и страха. Это выглядело более, чем ненормально. С другой стороны, и это успокаивало, в поведении волка не было не единого намёка на агрессию. Затем, продолжая всё также не замечать меня, лесной хищник опустил на передние лапы, уткнулся носом в землю, прикрыв его той, что была подпалена. Глаза закрылись. Казалось, он уснул в этой странной позе, и только неадекватное, как и всё происходящее с ним, движение ушей говорило об обратном. Я не имел научных званий в зоологии, тем более, в одном из её разделов – этологии, изучающей поведение и инстинкты животных, но основные понятия в этом вопросе не были для меня чужды. Мало нашлось бы людей, кто смог сразу объяснить происходящее. Одно ухо волка было прижато, что говорило об угнетённом состоянии или о болезни, когда второе стояло торчком, слегка вращаясь, явно прислушиваясь к чему-то. Секунд через тридцать

его глаза резко открылись, словно экран включившегося по будильнику телевизора, заставив меня дёрнуться от неожиданности. Теперь зрачки сузившись, среагировали на огонь, и в них появилось осмысление происходящего. Он посмотрел на меня, встал на передние лапы и медленно задом начал отходить, с неподдельным трепетом постоянно озираясь направо в непроглядную тьму кустарника. Серый явно чего-то боялся и это был не я, не костёр. Это был кто-то скрывающийся рядом. Темнота медленно поглотила обратную силуэт волка, и в такой ситуации меня уже согревало не пламя, а щёчки с перекрёстной насечкой и рельефом звезды рукоятки пистолета Макарова.

Даже не знаю, как объяснить, но не было чувство страха, это было ощущение непонятной опасности, которая вызывала напряжение, особенно в большом пальце кисти правой руки, лежащем на взводе ударника. Понимая бесполезность созерцания стены кромешного мрака в глубине чащи, я полностью переключился на акустическое восприятие, снова присев около входа в шалаш. Вокруг стояла гробовая тишина, разбавленная только легким треском тлеющего костра. Если этот кто-то и прятался в пуще, то надо отдать должное, делал это искусно. Ночью, передвигаясь в лесу и даже стоя на месте, практически невозможно сохранить полное безмолвие. Всегда найдется маленькая ветка, которая предательски хрустнет под твоей ногой, вспугнув спящую птицу, и хлопанье крыльев взорвут воздух также резко, словно аплодис-

менты в зале после классически выдержанной актёром театральной паузы. Как не напрягался слух, молчание леса было стабильно мертвым – полный штиль по шкале Бофорта. Ощущение чужого присутствия постепенно покидало, и я решил, что днём обязательно загляну в эти заросли кустарников в поисках чьих-либо следов. С приходом этой мысли тело сбросило немного напряжение, периодически давая прикрывать глаза в приятной дремоте и позволив себе моментами немного расслабиться, оставив только на боевом дежурстве дар слышать.

Глава 3. “Империя” наносит ответный удар

Оставшаяся часть ночи пролетела в полной тишине и вскоре серый утренний лес начал обретать цвета, раскрываемый пробивающимися сквозь кроны деревьев лучами восходящего солнца. Маленькие глотки свежего хвойного чая не только приятно согревали, но и придали насыщенность окружающему меня природному очарованию. В такие моменты я всегда вспоминал картины Ивана Шишкина, прекрасно понимая, какая сила тянула его на создание своих шедевров.

Даже эта гипнотизирующая живая красота не способна была утихомирить возрастающее чувство голода, поэтому сегодняшний день тоже должен был пройти не менее продуктивно, чем вчерашний. Но сначала, надо исследовать не только кустарник слева, а и всю округу. Решив заняться этим через час, когда станет ещё светлее, я прилег около шалаша, уткнувшись взглядом в продирающиеся из-под веток куски чистого синего неба. Чуть сэкономить сил никогда не помешает.

Теплая сухая погода, присутствующая последние дни, не была хорошим подспорьем для следопытов. Прекрасно это понимая, мои глаза начали искать не отпечатки на траве

(этим займусь позже), а любое изменение, где явно присутствовало внешнее воздействие. Зайти в орешник и не сломать маленькую веточку, заставив листок висеть в неприродном положении, практически невозможно. Посреди зарослей я нашёл место, откуда, как на ладони просматривался мой лагерь и, застыв, пристально начал изучать окружающие кусты. Когда знаешь, что искать, то на это не требуется много времени, в конце концов, это не чёрная кошка, которой нет в тёмной комнате. Один надломленный отросток сразу бросился в глаза и, судя по неизменившемуся цвету листочков на нём, это случилось не так давно, а судя, на какой высоте находилась ветка, резюме поисков заставило пробежать по коже небольшому отряду мурашек, это был человек, которого хорошо знает и боится ночной волк. Человек, который в отличие от меня, явно не первый день в лесу. Человек, который обладает непонятной силой и влиянием на диких зверей. Человек, который бесшумно передвигается в полной темноте. Если сказать мягко и без лишнего пафоса – необычный человек.

За кустарником, что и требовалось доказать, я не нашел никаких поверхностных следов. В низкой траве при сухой погоде уже через два часа они становятся почти незаметными, а спустя четыре, полностью исчезают. Пришлось перейти ко второй фазе плана на сегодня – обеспечить работой соляную кислоту желудочного сока. Найти несколько белых грибов и подберезовиков не составило много хлопот и через час,

нанезанные на своеобразный шампур из заостренной ветки, они, с приятным вкусом костра, уже усиливали слюноотделение. Загнав назад в угол проснувшееся чувство голода, я занялся анализом произошедшего. То, что «Империя» должна нанести ответный удар, не было никаких сомнений, вот только при выборе способа возникла дилемма, у которой с обеих сторон были свои плюсы и минусы. Первая мысль говорила, что лучшая защита, это нападение и надо, не теряя времени, отправиться на розыск жилища ночного наблюдателя. Вторая же вступала в дискуссию, доказывая, что лучшая защита, это хорошо подготовленная оборона с ярко выраженным акцентом на контратаку, на данный момент – засада.

Самым большим минусом поисковой операции было полное отсутствие представления, в каком направлении её совершать. Также, она бы потребовала затратить много сил и оставить лагерь без присмотра на долгое время, что в теперешней ситуации было небезопасно. Вернувшись, я не знал бы, что меня здесь ждёт, а неожиданности за эти два дня уже поднадоели. С другой стороны, следующей ночью использовать разведенный костёр и шалаш в виде наживки, а самому замаскироваться поблизости, выглядело более рационально, но здравый смысл подсказывал, что сегодня никто не придёт. Не было никаких сомнений, что ночной гость видел, как я в свете костра пристально всматривался в скрывающую его тьму кустарников, явно что-то заподозрив. Поэтому любой осторожный человек, коим бесспорно был он, не будет по-

вторять свой маневр, но и бездействовать также не будет. В конце концов, выбор был сделан, и время позволяло спокойно, с расстановкой, заняться повышением обороноспособности своего лагеря. Часть мотка капроновых ниток превратилась в четыре ловушки-петли, основной функцией которых было не захват или причинение вреда, а сигнализация. При срабатывании должен был раздаваться громкий звук, как будто кто-то напролом лезет через кусты, вызванный скрытой в них и лежащей неглубоко на листьях палкой. Сухие ветки я рассыпал по всему периметру, спрятав их аккуратно в траве, треск которых под ногой выдал бы незваного гостя. Место для лёжки было выбрано в тридцати метрах левее от входа в шалаш, на склоне к ручейку. Сползающее в овраг уже не один год старое большое бревно оставило за собой нишу в земле, которую пришлось немного отредактировать под себя с помощью детской лопатки. Отсутствие поблизости магазинов с постельным бельём вынудило в качестве матраса использовать сухой мох, а вместо одеяла еловый лапник.

День, как и вчера, пролетел незаметно и довольный проделанной работой, я снова заваривал лесной чай. Согреваясь внутри горячим напитком мне очень хотелось ни о чём не думать, но мысли сами наполняли образовавшуюся физическим трудом пустоту в голове. Когда информация о противнике настолько скудна, просыпается злость от ощущения слепоты и невозможности спрогнозировать его поведение. Поэтому, оставалось только одно, чему усиленно обучали в

разведке – терпеть ожидание, превратившись в пень или камень, а действовать придется по обстановке. Единственное, что знал точно, всю ночь придется бодрствовать и четыре часа до полной темноты, пока есть возможность, надо потратить на сон.

Глаза, словно по щелчку гипнотизёра, открылись, когда всё вокруг начало окрашиваться в серый цвет. До наступления полной темноты оставались считанные минуты и вскоре, я уже лежал в засаде, ощущая тонкую горечь запаха оружейного масла пистолета Макарова, приютившегося рядом с головой. Специально соорудив пирамиду перевернутого костра, который не требует вмешательства всю ночь и самостоятельно регулирует горение, передо мной, как на ладони, тусклым светом освещалась поляна перед шалашом. Спустя три часа, напряжение на подсознательном уровне начало вбрасывать в кровь свою дозу адреналина, затачивая все чувства до бритвенной остроты. Наступала глубокая ночь. Сколько их похожих было проведено в армии на учениях, но эта отличалась кардинально – впервые я был один, без поддержки и с неприкрытым тылом, что не придавала позитива моему настроению.

Он, как вчера, снова появился бесшумно, медленно вытягивая своё тело из темноты, словно она его порождала, и направился к костру, похрамывая на переднюю правую лапу. Ожог давал о себе знать, но волк не придавал этому никакого значения, опять остановившись перед огнём и замерев в сто-

ячей позе, смотря прямо перед собой. Я не видел его глаз, но уверен, они были точно такими стеклянными и отсутствующими, как прошлой ночью. Спустя несколько минут, он резко, наострив уши, повернув голову в мою сторону, заставив затаить дыхание, а затем, как горный козёл, подпрыгнул с места на прямых ногах и начал бег по кругу, постоянно увеличивая скорость, что его заносило на поворотах, при этом, абсолютно не обращая внимания на рану. Не выдержав заданного темпа, он упал и, перевернувшись, лихорадочно замотал головой и стал крутить лапами в воздухе, словно педали велосипеда. Я думаю, даже директор Кунсткамеры оценил бы такое поведение, как ненормальное.

Затем волк, словно замёрз. Продолжая лежать на спине и вытянув вверх прямые лапы, он замер в таком положении, напоминая опрокинутое чучело из местного краеведческого музея. По всему было видно, что зверь отключился и через минут пять, потеряв равновесие, свалился набок. Это привело его в чувства, и он тягуче стал поднимать своё тело с земли. Встав в полный рост, волк снова медленно повернул голову в мой бок и, как вчера, неуклюже стал пятиться назад. Только теперь его взгляд был направлен не на кустарник, а в обратную сторону, что говорило только об одном – вчерашний ночной гость снова здесь, всё-таки он пришёл и сейчас где-то рядом. Я перевёл взгляд в ночной мрак прямо перед собой, моля глаза, как можно быстрее после света костра, привыкнуть к темноте.

Еле слышный хруст сухой ветки рядом, в метрах семи, прозвучал для меня равносильно раскату грома. Тело напряглось, но это никоим образом не повлияло на мою уверенность. Сегодня мой выход на сцену в роли охотника, а будет это провал или успех, покажет ближайшее будущее. Луна, словно желая помочь всеми силами, отбросила скрывающее её облако, протиснув, насколько была способна, свой синий свет сквозь кроны деревьев и я увидел его силуэт. Он сидел на одном колене, выглядывая из-за дерева и наблюдая за поляной со странным приспособлением на голове. Кто-то по незнанию или очень впечатлительный в этот момент увидел бы перед собой, как минимум, инопланетянина или киборга из фантастического фильма, но мне это устройство было хорошо знакомо. Армейский старый прибор ночного видения с непонятным по сей день для меня названием “Квакер”. Расстояние и моё лежачее положение не позволяло совершить внезапное нападение, поэтому, как терпеливому хищнику, пришлось выждать подходящий момент. Ночной наблюдатель явно нервничал, так как его голова постоянно вертелась не только по причине малого обзора “Квакера”, который составлял лишь сорок градусов, но и отсутствие меня в прямой видимости. Я был уверен, он не уйдет, пока не обнаружит моё пребывание или не начнёт светать. Волк больше не появлялся, и мы сейчас напоминали двух гроссмейстеров в пустом зале, один из которых сделал первый ход, но даже не догадывается, что соперник абсолютно не желает переводить

партию в позиционную борьбу, готовя ответ в виде молниеносной атаки с объявлением шаха и мата.

По ощущениям, прошло около получаса, и незнакомец решил сменить дислокацию. Он поднялся с колена и, как можно мягче ступая на землю, направился прямо на меня, видимо, желая подойти к лагерю с тыла. Каких-то секунд пять, и его нога аккуратно встанет на мою голову. В этой ситуации действия были отработаны до автоматизма. Первое, в последний момент схватить стопу, и, не имея возможности дотянуться до колена, чтобы использовать его в качестве упора для рычага, резко вывернуть её на 180 градусов. При таком приёме, ночной наблюдатель, потеряв равновесие, должен был упасть назад на живот, развернувшись в полёте. Второе, мгновенно покинуть земляную нишу и оседлав сверху, сделать удушающий замок, а дальше, всё будет зависеть от его поведения.

Армейский ботинок на правой ноге, зависший в воздухе прямо перед моим лицом, удобно расположился в захвате кистей рук. Стремительным рывком, не жалея силы, развернул его внутрь. От неожиданности гость, как я и задумал, упал навзничь, подставив спину, успев в последний момент подложить под себя руки. Первая часть атаки была выполнена на “отлично” – пять баллов за внезапность и столько же за проведенный приём. А вот вторая желала лучшего. Каждое дело состоит из такого огромного количества мелочей, что просчитать их практически невозможно. Сейчас этим нюан-

сом стало большое отличие протектора на моих, далеко не новых кроссовках, от тех же “берцев”. На службе такая атака из засады вызвала бы смех. Согнув левую ногу для толчка, словно при низком старте на беговой дорожке и сжавшись, как пружина, я бросился вперёд, но сцепление стёртой подошвы со слоём мха равнялось нулю, а склон в этом случае только усугубил положение. Ступня поехала вниз и следом за ней, также с пробуксовкой, выпрямилась правая нога. Нельзя сказать, что теперь я стал добычей, но уничтожив эффект неожиданности, между нами снова был паритет. Момент для нейтрализации был упущен и в данной ситуации, ничего не оставалось, как защищаться. Я схватил лежащий над плечом пистолет, направив ствол вверх, где уже стоял во весь рост незнакомец, который опустив голову, смотрел на меня через прибор ночного видения и даже линзы окуляра не помешали ощутить, как встретились наши взгляды. Затем он развернулся и, прихрамывая, через несколько секунд исчез в темноте вместе с тусклым мерцанием луны, которая укрылась очередным облаком.

Произошедшее создало больше вопросов, чем ответов. Если не задумываться об опять аномальном поведении волка, то сильно интересовали только два, не откуда у этого человека “Квакер”, а как он заряжает аккумулятор? И много ли он наследил, уходя с растяжением связок голеностопного сустава? Мне было известно только одно, сегодня отправлюсь на поиски его жилища, которое не должно быть дале-

ко. Человек с такой травмой не способен проделать длинный путь и тем более путать следы и пытаться их скрыть. Я снова стал охотником, и эта мысль вызвала нездоровую ухмылку одержимого – две таких ночи в лесу давали психическому здоровью знать о себе. Поневоле превращаешься в зверя.

Поджаренные на камне личинки жука короеда с двумя большими белыми грибами придали требуемое количество калорий для сыскного променада, который решил начать с места ночной засады. Перенос полностью всего веса на левую ногу заставил возмутителя моего спокойствия оставить довольно глубокие отпечатки на пожелтевшей сентябрьской траве. Теперь только постоянный посетитель кабинета окулиста не смог мы распознать их. Четко просматривалось, как он делал остановки для отдыха, опершись рукой на дерево. А через пару сотен метров я обнаружил на одном из стволов свежий излом от ветки, которую странный гость начал использовать в качестве посоха или костыля, оставляя в земле глубокие вмятины. Не открою большой тайны, что в такой ситуации раненый зверь вдвое опасен, а человек, тем более больше ещё в пару раз. Судя по тому, сколько прошло времени с начала поиска, преодоленное расстояние уже приближалось к километру и как бы ни хотелось, но волнение потихоньку начало давать знать о себе, обостряя все чувства. На подсознательном уровне это означало только одно – его логово совсем рядом.

Теперь моя скорость снизилась до 4-5 метров в минуту.

Я каждый шаг останавливался, с пристрастием вглядываясь во всё окружающее, выискивая любой мельчайший намёк на ловушку, и только потом делал следующий. Вскоре впереди между деревьями появилась ровная стена из высоких кустов боярышника. Они были посажены по одной линии, выполняя функции частокола, что без лишних сомнений говорило только об одном, это было сделано искусственно, а значит, где-то есть вход. Уже на подходе к этой живой изгороди, за стволом большого старого вяза увидел рысь, лежащую на боку с прижатыми к телу лапами. С первого взгляда она казалась мертва. Подняв с земли тонкий сплюснутый орешек, бросил в неё. Никакой реакции, семя вяза осталось лежать на густой шерсти. Я присел на корточки и аккуратно, ожидая в любой момент выпад дикой кошки, медленно начал приоткрывать ей веко. Увиденное заставило отпрянуть и быстро встать на ноги. Зрачок, словно сошедший с ума метроном с маленькой амплитудой, произвольно совершал колебательные движения с огромной частотой. При этом рысь даже не шевельнулась. Такое я видел впервые, и это вынудило погрузиться в небольшой ступор с одной мыслью, в лесу не только безумный волк, здесь всё неправильно. Сразу вспомнил рассказ Ивана о странном поведении зайца в поле перед лесом и падающих с веток птицах. Да, лес, который должен был стать убежищем на первое время, явно не отличался безопасностью. Теперь запах непонятной, и поэтому более выраженной угрозы, как озон после дождя, ощущался в

каждом глотке воздуха, насыщая все клетки моего организма, заставляя аналитическое подразделение мозга включиться на полную мощность, выставляя приоритеты для дальнейших действий. Я не забыл, зачем сюда пришёл и теперь понимал, что ночной гость, даже если не связан с таким поведением животных, то всё равно знает об этом больше меня, поэтому первая цель предельно ясна.

Проход через зеленую стену боярышника, к которому привели следы, был искусно спрятан и уже с небольшого расстояния незаметен. Только в непосредственной близости бросался в глаза один куст, который посажен не на одной линии со всеми остальными, а на метра полтора вглубь. И зайдя в эту нишу, слева образовался узкий, но вполне подходящий для человека проём, по бокам которого было несколько недавно надломленных веток. Я стоял и представлял, какой отличной мишенью будет моё тело, стоит лишь сделать шаг из этого прохода, поэтому первой реакцией на такую мысль стало извлечение пистолета из-за пояса. Внутри двора росло дерево, ствол которого не был виден в проёме, но судя по веткам выступающими над кустом, оно находилось метрах в восьми, и вполне могло послужить укрытием от выстрелов. У меня не было никаких сомнений, что если у человека в лесу есть армейский прибор ночного видения, то огнестрельное оружие и подавно. В такой ситуации просматривалось только одно действие. Два быстрых прыжка с кувырком вперёд и максимум через три секунды меня будет за-

щищать деревянный щит толщиной сантиметров сорок. Закончив про себя обратный отсчёт с цифры пять, как пловец стартующий с тумбы, нырнул из проёма. Если бы прозвучал выстрел, то мои действия выглядели оправданно и профессионально, а в полной тишине получились немного комические. Прижавшись спиной к стволу, я улыбнулся, представив себя со стороны, как нарушая спокойствие пустого двора, длинными кувырками с пистолетом в руке ввалился в него. С другой стороны, правило про береженного никто не отменял. Совершая перевороты, глаза мельком зацепили небольшое строение и, теперь выглядывая вполоборота из-за дерева, начал изучать его.

Передо мной была боковая сторона хижины. То, что она в возрасте, и довольно приличном, сразу бросалось в глаза, но также было заметно, что её давно не поддерживают в функциональном состоянии. Несомненно, это и был дом лесника, который в детстве мы с пацанами безуспешно пытались найти. Грязное окно, скорей всего специально не мылось, будучи своеобразной тонировкой. Даже если кто-то стоял внутри впритык и рассматривал весь двор через тонкую, незаметную извне, полоску на запыленном стекле, его было не видно. Не лучшая, но и далеко не худшая маскировка для наблюдения. С первого взгляда казалось, что на данный момент никого нет, однако приведшие сюда следы упорно убеждали в обратном. Как я понял, вход, через который попал, был не центральный. Скорей всего, точно такие

проёмы в кустах, находились по каждую сторону периметра. Явно, человек, который обитает здесь, всячески пытался показать заброшенность хижины, что говорило только об одном – он, как и я прячется в лесу и не хочет быть обнаруженным. Если запущенность избы и двора можно было списать на огромную лень постояльца, то отсутствие собаки являлось железобетонным аргументом его скрытности. Также про себя отметил небольшую высоту лесничего домика. Как правило, чем ниже крыша, тем больше подвал, и этим объяснялась вся картина.

Я вышел из-за дерева, держа расслабленно пистолет в согнутых руках на уровне солнечного сплетения, и направился в сторону хижины. Остановившись сбоку от лутки, обернулся и ещё раз оглядел округу. Полная тишина, которая, исходя из опыта, всегда предшествовала какому-нибудь сюрпризу, заставила крепче сжать рукоятку ствола. Ржавые петли смотрели на меня, как будто с ухмылкой, показывая, что они первые нарушат это безмолвие. Не обманули. Я дотянулся до ручки, лишь стоило чуть приоткрыть дверь, как мерзкий скрип гниющего металла вызвал неприятную вибрацию барабанных перепонок и взрывным эхом отразился внутри помещения. Если был хоть небольшой шанс на внезапность, то он окончательно растворился, и ничего не оставалось, как перейти к дипломатии.

– Знаю, что ты здесь. Надо поговорить, – как можно уверенней и спокойней запустил слова в темноту хижины.

Пауза с ответом начала затягиваться, вынимая мысль, что ошибаюсь и сейчас здесь совершенно один. Еле слышное шевеление внутри избы мгновенно спрятало это суждение назад.

– Стой там, сейчас выйду.

Я отошел от входа метра на три и уставился на приоткрытую дверь, спрятав пистолет за пояс. Открытое оружие, как оголённая женщина, притягивает взор, заставляя напрячься, и мешает диалогу, сбивая мысли с верного пути. Дверь открылась, снова издавая раздражающий скрип, и на пороге с самодельной тростью появился он.

Это был сухой мужчина с небольшой лысиной среднего роста возрастом больше сорока. В глаза сразу бросилось небольшое искривление носовой перегородки, которое даже не пытались исправить и наколотые перстни на пальцах правой руки. Левую кисть держал в кармане. Слегка наклонив голову вбок и немного опустив, он, внимательно изучая меня уже при дневном свете, смотрел из-под лба. В его колющем взгляде сочеталось холодное безразличие с решительной опасной твёрдостью, присущие тем, кто воочию видал жизнь во всех её низменных “прелестях” и поступках. Но при этом остался при своём мнении, что свойственно только людям с сильным духом. Я чувствовал, что убить для этого человека не слишком сложная задача, его больше будет волновать причина, что говорило о высокой мозговой деятельности. Сумма всех этих талантов и внешних признаков

равнялась одному выводу – передо мной стоял не обычный уголовник, из-за которого я оказался здесь, а авторитетный блатной, судя по всему, находящийся в бегах.

Уголовная романтика, которая была не чужда в юности моим ровесникам, обошла меня мимо. И хоть, не без удовольствия я пару раз перечитывал шедевр Марио Пьюзо “Крёстный отец”, каждый раз проникаясь огромным уважением к Дону Вито Корлеоне, уже тогда считал, что разница между итальянской мафией и нашей бригадой, такая же, как между Alfa Romeo и Жигули. Одна вызывает уважительное преклонение, вторая же, неудобство, напряжение и головную боль. Поэтому его заслуги в криминальном мире для меня были также безразличны, как успехи душевнобольного в изучении таблицы умножения. В первую очередь, передо мной стоял человек, как и все, состоящий из воды, костей и кожи, который не может прожить без воздуха.

Так случилось, что в армии я уже сталкивался с беглецом из тюрьмы. Однажды летним вечером, перед поверкой, нас подняли по тревоге на поимку одного заключенного, который тяжело ранив заточкой двух охранников, бежал из зоны, находящейся по ту сторону леса. Задача была проста – заблокировать всю его граничную линию в двух заданных квадратах, чтобы мышь не пробежала. Ночь тогда была темная, но очень тихая и приближающиеся резкие крики пуганых птиц, говорили, что он следует прямо на нас. Остальное уже было дело техники, за что, кстати, потом объявили бла-

годарность и поощрительный отпуск домой на десять суток. Но само ярко запомнился момент, когда мы его брали. Рецидивист без страха смотрел на наведенные автоматы в свете фонариков, вытянув вперед руку с окровавленной пикой и, сквозь слюну, хриплым рыканьем пытался угрожать, когда в темноте за нашими спинами раздался властный, не терпящий возражений, голос комбата:

– Что ты там шипишь? Эти пацаны по одному моему щелчку пристрелять тебя, как бешеного пса. Поэтому, закрыл пасть, откинул нож в сторону, уткнулся мордой в землю и клешни за голову.

В тот момент я увидел, как изменились глаза уголовника, в них отразилось доселе неизведанное его сознанию – послушание. Один раз битый волк становится собакой.

И сейчас я также не чувствовал никакой боязни перед новым знакомым. Мы, молча, смотрели друг на друга, и первое мнение уже крепко отпечаталось в мозгу. Каждый ждал, кто заговорит первым.

Не поднимая головы, он хозяйским голосом произнёс:

– Знал, что ты меня найдешь. Рассказывай, коль пришёл. Весь во внимании.

Я не знал, что говорить, лишь по одной причине. Об этом варианте встречи не задумывался, полностью отдавшись поиску, поэтому, понимая, что дальнейшее молчание будет только усугублять этот зародившийся скользкий мир, ответил первым пришедшим в голову вопросом:

– Как будем лес делить?

– А зачем делить, – на его лице появился ухмылка, – лес большой, на всех хватит.

– Договорились, но в гости только со стуком, – выдержав паузу, с улыбкой добавил, – ... сосед.

– Решено... хм, сосед, – он развернулся и направился в хижину, демонстрируя, что переговоры окончены, а контракт подписан.

В свой лагерь я возвращался не спеша, собирая по пути обед и ужин из даров природы. Под деревом, где лежала рысь, осталось пустое место, и только примятый маленький куст папоротника напоминал о её пребывании. Лишь сейчас понял, что по сути, ничего не узнал. Опять количество вопросов с подавляющим преимуществом превосходило численность ответов, и анализом этой встречи я решил заняться не на голодный желудок. Было твёрдое ощущение, многое не сойдётся в происходящем. Но что именно? В одном у меня была полная уверенность – сегодня будет спокойная ночь.

Сделав поточные дела в лагере, я занялся облицовкой шалаша дёрном для защиты от будущего дождя, который может прийти в любой момент всерьёз и надолго, не спрашивая разрешения. И, как вчера, день пролетел незаметно. Умиротворенность вечерней лесной глуши не вызывала желание думать о своих проблемах, а несла мысли о чём-то неземном и духовном, заставляя отторгаться от действительности. Но эта самопроизвольная медитация, на данный момент, не

принесла бы мне душевное равновесие, а только забрало бы время, поэтому резко мотнув головой, я отогнал эти философские раздумья прочь и достал штык-нож. Ничто так не возвращает к происходящей реальности, как наличие в руках холодного лезвия, которое передаёт свою остроту каждому нервному окончанию. Таким образом, что мне известно.

Мой новый знакомый по всем признакам связан с криминалом и уже долго скрывается в лесу. Ему явно помогают извне, то есть потаённая связь с городом присутствует. Это было заметно по не старым армейским брюкам прямого покроя с набедренными нашивными карманами, в народе называемые “афганкой” и ботинками из того же комплекта полевой формы, а наличие заряженного прибора ночного видения окончательно цементировало этот вывод, который сразу прогрессировал в следующий – он знает, кто я и что делаю здесь. Причинно-следственная связь, словно тутовый шелкопряд свивала дальше свою прочную нить, требуя новых пояснений. Сразу напрашивался вытекающий из недавнего умозаключения вопрос, почему “братва” до сих пор не нашла меня и не закопала в таком идеальном месте, как этот глубокая чаша? Почему? Когда это можно было сделать на раз, два, три. И снова нет ответа. О поведении животных старался не задумываться, остановившись на мысли, что они “подсели” на какие-то галлюциногенные ягоды или грибы. Да, этот лес, как и раньше, хранил известные только ему секреты. Уходя в это море лиственных и хвойных дере-

вьев, я рассчитывал на спокойное осмысление того, что мне делать после непреднамеренного убийства и неожиданно для себя ошибся, лишившись безмятежности даже во сне.

Глава 4. Выстрелы о помощи

На следующий день, лучший друг осени дождь зарядил на целую неделю, превратив дни в монотонный скучный фильм со сжатым бюджетом и сценарием. Никаких смен декораций, никаких событий. В такую погоду легче всего было подхватить что-нибудь из простудных заболеваний, поэтому в редкие перерывы, пока тучи набухали новой порцией водяного пара, я сразу разводил огонь для рассеивания влажности рядом с шалашом. Сделать костёр в такую погоду не было великой проблемой, тем более что этому обучали. В этой ситуации лучше всего подходила так называемая “финская свеча” или её подобие, когда вместо расколотого вдоль бревнышка использовалось несколько средних поленьев. Единственное, что пригодный для розжига и на запас хворост надо было искать на стволах деревьев выше, чем полтора метра от земли. Всё, что ниже уже было беспощадно промокшим. Линзу, которая без солнца превратилась на время в самую ненужную вещь, заменила самодельная зажигалка из гильзы. И пусть бензин в ней испарился ещё много лет назад, кремьё исправно выдавал требуемую искру.

Ночи по ощущениям становилась всё холоднее, и утеплиться свитером с длинной зимней курткой мне не помешало бы, а для этого надо будет посетить тайно город. По этому поводу я рассматривал несколько задумок, но основная —

дать знать о себе Ивану. Конечно, самым безопасным и поэтому менее проблематичным вариантом, была бы встреча на поле перед лесом, где на выходных он иногда охотился. Но пока небо каждый день методично сбрасывало на местную округу тонны воды, все эти планы приходилось оставить до лучшей погоды.

Волк больше не появлялся, и моё одиночество разбавляли лишь высоко вверху звуки раскачивающихся веток, вызванные очередными порывами ветра. Я спокойно относился к ним, потому что перед тем как выбрать место для лагеря убедился в отсутствие сухостоя и поэтому не боялся внезапно обвалившегося дерева на мою голову во время сна. Батарея на часах была поменяна три месяца назад, лишив меня, как минимум на пару лет, “удовольствия” попавших на необитаемый остров вырезать ножом календарь на коре. Вот в такой серости и сырости прошло восемь дней, где начал скучать не за телевизором, не за интернетом, не за общением, а за ... баночкой свежего светлого пива, рок-н-роллом и пропущенных матчах Лиги чемпионов.

Будущее виделось только после выхода на связь с Иваном. Двадцать тысяч долларов под камнем около кладбища свободно давали возможность прожить несколько лет в другом небольшом населенном пункте за тройку областей отсюда, неофициально снимая квартиру за неимением паспорта оставшегося дома. От старого друга нужна была не только теплая одежда, но и содействие в побеге из города. Я пре-

красно понимал, что за ним следят, однако эта проблема была решаема. Ничто в этой жизни так легко не рушиться, как планы на будущее и карточный домик.

В то утро два подряд выстрела прозвучали раскатистым эхом на самой заре. В них не было той четкости и треска присущие автомату Калашникова или другому нарезному оружию. Это были отголоски обычного охотничьего ружья, и скорей всего, двустволки ИЖ-27. По своему опыту знаю, что сразу дуплетом стреляют либо новички, либо человек, выведенный психологически из равновесия в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с риском для жизни. Я выскочил из шалаша и застыл словно сурикат, прислушиваясь в ожидании следующего выстрела, но лес, проглотив причину моего беспокойства, снова окутался утренней гробовой тишиной. Вывод был один, с моим новым знакомым произошли события, выходящие из его зоны комфорта.

Дождь, морозящий всю ночь, прекратил своё выступление и впервые за эти дни, разбив сплошную стену серых облаков, начали пробиваться на сцену желто-зелёного театра лучики восходящего солнца, как бы соглашаясь с моими мыслями, что надо действовать. Увеличив скорость кровотока круговыми движениями рук, тем самым взбодрившись, и размяв шейные позвонки, я потуже затянул шнурки с поясом. Потерянные пару-тройку килограммы за последнее время придали телу легкость и скорость. Как бы это не казалось смешным, но в свой тридцать один год почувствовал себя

гораздо моложе. Также снова тянуло на приключение, только теперь оно было взрослое с не детскими игрушками и далеко не безобидное.

Мокрая трава со скрытыми под опавшими листьями лужами заставляла следить за каждым следующим шагом. Нащупывая палкой твердую землю впереди, моё продвижение в сторону дома лесника нельзя было назвать быстрым, но я старался, как мог. Именно незаметно пролетающие секунды и их доли решают в этой жизни очень многое. Вскоре между деревьев показался знакомый кустовой часток кол боярышника. Присев на одно колено и задержав дыхание, начал вслушиваться в окружающую обстановку. Ещё в армии я выдвинул для себя теорию, что звук не останавливается на пороге слышимости, равному нулю децибел, а может уходить и в отрицательные значения, когда тишина начинает давить и вызывать дрожь. В аккурат это состояние ощущалось сейчас. И вдруг в гнетущем тяжелом воздухе донеслись еле слышимые звуки, напоминающие медленное чавканье. Они исходили со стороны хижины. Бесшумно подкравшись к проходу в кустах, взял, как и в прошлый раз, пистолет в руку. Договоренность без стука не входил отбросил в сторону, считая, что сейчас не время для нашего церемониального обряда. Только теперь моё вторжение на территорию соседа было мягким и аккуратным, без резкого выпада и кувырков. Медленно сделав шаг из проема с повернутой головой направо в сторону хижины, я увидел бегущего на меня с ускорени-

ем волка, чьи оголённые клыки не предрасполагали к дружелюбию. Он не рычал, а влажная трава на земле заглушала его галоп. Всё это выглядело, как немое кино, где не хватало только аккомпанемента пианиста с взъерошенными волосами, играющего с размахом острую кульминацию. Расстояние между нами стремительно сокращалось и когда осталось метра три, я поймал его голову в прицел и мягко нажал на курок, но выстрела не последовало. Тишину нарушил лишь хлопок ударника об капсуль, прозвучавший тупо и бессмысленно, породив небольшой дымок. Перезарядки и досыла следующего патрона не произошло, а гильза осталась на месте. Сведущие люди называют такое явление петардным выстрелом, причиной которого скорее всего стали, благодаря влажной погоде последних дней, отсыревшие патроны. Этот пустой звук заставил волка резко остановиться и прикрыть глаза. Он, словно поняв, что смерть прошла мимо и удача на его стороне, ещё злее оскалившись, снова бросился в атаку. Курсы по нейтрализации натасканных псов мне всегда приносили удовольствие. Только там ты начинаешь понимать, что собаки довольно примитивны и предсказуемы в своих действиях, а опасность от них предрассудки неопытных в общении с ними людей. Но это когда ты один на один. Времени снять и обмотать курткой руку, было явно недостаточно, поэтому пришлось выставить согнанную в локте, как есть. Клыки волка безжалостно вонзились в запястье и, не успев сжаться до предела, остановились обрушенной со всей силой

рукояткой пистолета по голове. Надо отдать должное серому санитару леса, он выдержал мой выпад и лишь чуть ослабил хватку. Удар оказался слегка смазанным, и волк успел опустить череп под руку, избегая повторения. Я откинул оружие на землю, быстро нагнулся, схватил за заднюю лапу и резко задрал её. Когда псовые не чувствуют земли и голова находится ниже тела, они теряют координацию и бросают свою цель. Этот момент нельзя упускать. Я освободился, и теперь крепко на вытянутых руках держал обе лапы, на долю секунды залюбовавшись, как извивается в беспомощности висячее верх ногами тело лесного зверя. Затем сделав три шага в сторону знакомого уже дерева, начал производить обороты вокруг себя, придавая волку ускорение. Через пару витков он, уже вытянувшись параллельно земле, летал по кругу, напоминая летчика-испытателя в центрифуге, испытывая на кончике носа максимальную перегрузку. У меня было два варианта. Первый, отпустить лапы, бросив его далеко в сторону, после чего он вряд ли захочет повторить такое приключение, но выбрал второй, против которого однозначно выступили бы защитники животных. Я приблизился ещё на шаг к дереву, так, чтобы траектория головы прародителя собаки пересекла ствол. Звук удара в унисон с хрустом проломанного черепа закончил наш поединок и только сейчас, за углом хижины напротив входа увидел, что там находилось ещё несколько волков, которые абсолютно спокойно наблюдали за происходящим. В их действиях не было никакой агрессии,

никакого страха, они, повернув головы, смотрели на меня, надев маски обычного праздного интереса. Я уже начал привыкать к неадекватному поведению местной фауны. Подняв пистолет с земли (такими вещами не разбрасываются) и, вложив за пояс, достал штык-нож и, прикрыв лезвие ладонью, медленно пошёл навстречу. Они переглянулись между собой и как свора уличных трусливых собак, попятились назад, не сводя с меня взгляды. Картина, открывшаяся передо мной на поляне напротив двери, нельзя было назвать доброжелательной. Большой мощный белый волк с серым пятном в районе холки, явно вожак стаи, с огромным аппетитом обглаживал голову своего собрата, кровь которого зловеще выглядела на белом цвете его морды. Остальные же стояли рядом, ожидая крохи со стола своего предводителя, прижав хвосты. Полгода, проведенные миротворцем ООН в Югославии, подарили более нелицеприятные реальные картины, так что эта зарисовка не сильно повлияла на моё психологическое состояние. Лишь только сейчас вожак оторвался от трапезы и поднял голову. Наши взгляды встретились. Он, задрав верхнюю губу, обнажил хищный оскал и ... поперхнулся, отхаркав в ту же секунду пулю, которая со слабым звоном приземлилась на остатки голого расколотого черепа убитого сородича. Волк снова поднял глаза, и глубокий рык наполнил возникшую паузу тяжестью неумолимого будущего с душком смерти. Он выпрямился и явно недовольный моим вторжением медленно выступил навстречу. Это был действительно

огромный экземпляр, раза в полтора крупнее убитого мною. Его высота в плечах составляла около одного метра и, судя по телосложению, масса давно перевалила за центнер. Сбивая его расчеты на успешную атаку, также сделал шаг вперёд и опустил левую руку, обнажив клинок. Он с упрёком кинул взгляд на холодный металл, как бы говоря, что это не по правилам, и остановился, явно знакомый с опасностью данного предмета. Поселить сомнение – сильное действие. Оно может не ослабить человека, но зверя всегда. Волк оглянулся на вход хижины, затем снова на меня, развернулся задом и возобновил застолье. Вес его вид демонстрировал, что я уже не интересен ему и путь свободен.

Дверь оказалась слегка приоткрытой. Что меня ждало внутри, я не знал и поэтому для начала, как можно спокойно позвал:

– Сосед. Ты здесь?

– Да, проходи прямо, – в томном голосе чувствовалось не усталость, это было сказано через боль, – там увидишь.

Полоса света на полу в конце комнаты маяком указала прямую линию фарватера, и только я наступил на старые доски, как он снова меня направил.

– Это люк. Открывай и спускайся. Я здесь.

Подвал оказался довольно просторным и глубоким, тускло освещенный обычной лампочкой. Отвыкнув за эти дни от даров двух непримиримых оппонентов Николы Тесла и Томаса Эдисона, я с удивлением посмотрел на неё. Лежащий

на кровати в дальнем углу и укрытый одеялом по пояс, хозяин, прочитав мой интерес, сказал:

– Самодельный ветрогенератор. Там, за домом, на дереве. Предыдущий хозяин был изобретательным мужиком. Но сейчас не об этом. Расскажи, что ты видел наверху.

– Может, сначала познакомимся?

– Не стоит.... Зови меня Лесник... или Леший... или сосед. Мне всё равно.

– Как скажешь.

Он очень внимательно, прикрыв глаза, выслушал мой рассказ, не перебивая и не задавая никаких вопросов. В подвале наступила тишина.

– О чём молчим, Лесник? Может, расскажешь свою историю. Что здесь вообще происходит?

– Не спеши, боец. Это успеется, время терпит. Здесь что-то не так. Я хорошо знаю белого волка и такое поведение на него не похоже, – он замолк, ища ответ в собственных мыслях. Спустя минуту его глаза открылись, демонстрируя озарение, и в согласии с самим собой, утвердительно кивнул головой.

– Он специально пустил тебя сюда, чтобы мы оба были в этой ловушке, – теперь в его голосе появилась уверенность. – Хочешь, поднимись, проверь.

– Почему бы и нет.

Я не верил, что меня переиграла какая-то большая дикая собака, и стал подниматься наверх. Подходя к плотно закры-

той двери, посмотрел в боковое окно, где около дерева вытянув лапы, словно полностью расслабившись, лежал убитый мною волк. Рядом не было никого. Я остановился, прислушиваясь к звукам наружи. И опять эта гнетущая тишина, скрывающая за своим занавесом непонятную угрозу. Правая кисть плотно заполнилась рукояткой ножа, а левая легла на дверь и медленно, с небольшим усилием, начала приоткрывать. Когда ширина щели уже позволяла выскользнуть из дома, с обратной стороны произошёл мощный толчок, закрывая её обратно, и сразу воздух наполнился уже знакомым мне зловещим рыком. Лесник был прав, но сдаться без боя не в моих правилах. Прямой удар ногою распахнул дверь настежь, которая едва осталась висеть на петлях, сломав одну из досок пополам. Открывшийся вид не сулил ничего хорошего. В метре от порога стоял белый волк, и сейчас его абсолютно не смущало лезвие ножа, а за ним полукругом расположилась вся стая, готовая в любой момент броситься в атаку по его команде, лишь стоило выйти наружу. Проём защищал меня с трёх сторон и это понимали все присутствующие на этой, далеко не деловой, встрече. Вожак спрятал оскал и смотрел на меня. Зрачки его туманных глаз дёрнулись вверх на крышу, и это спасло меня от потери скальпа, подсказав о приближающейся опасности. Я резко отдёрнул голову назад, как в ту же секунду, в считанных сантиметрах, пройдясь легким дуновением по волосам, рассекли воздух когти большой кошки. Без сомнений, это была рысь. Белый волк явно не

остался довольным её промахом и, сделав шаг вперёд, хлопнул дверь передо мной правой лапой, демонстрируя, что моё место там и пытаться покинуть его будет дорого стоить. Это ещё был не плен, но осада точно.

Начинать открытый бой с противником, имеющим колоссальное численное преимущество, безрассудно. К этому надо основательно готовиться, изучить его и просчитать уязвимые места. А то что, это не люди, а дикие звери, не меняет ничего. Враг может выглядеть как угодно, и только недооценка его возможностей погубит тот час же.

– Я был прав, – в хриплом голосе Лесника слышался не вопрос, а утверждение.

– Более чем, – и я, закончив рассказывать свежий репортаж о недавних событиях на крыльце, спросил, – может уже пора ввести меня в курс дела? Теперь мы в одной лёжке.

– Располагайся поудобнее. Занимательная будет история. Сосед не успел начать свой рассказ, как наверху послышался скрип открывающейся двери, а затем мягкая поступь волка с тихим цоканьем когтей по деревянному настилу. Он подошёл к подвальному люку, и мы ясно слышали его сопение. Я стоял прямо под ним и сквозь просветы видел движение его черного носа на фоне дневной серости, наполнившей комнату. Волк нашел самую широкую щель и, уткнувшись, жадно принюхивался, медленно передвигаясь вдоль неё. Это можно было назвать необдуманное решение, но оно было от сердца. Клинок бесшумно неглубоко зафиксировался в этой

расщелине, и только зверь переместился над ним, как ударом тыльной стороны ладони по торцу рукоятки, вонзил лезвие в любопытный нос. Волк по-детски взвизгнул, напомнив мне щенка, спасая которого я оказался здесь, и словно ударенный током, отлетел от люка. Но эту проявившуюся произвольно слабость он мгновенно погасил, и комната наполнилась гневным рыком и звуками падающей утвари.

– А он нервный, – ухмыльнулся я.

– Та да. Что есть, то есть.

Мы с сарказмом слушали происходящий погром наверху, упиваясь истерией лесного хищника, что говорило о его бессилие перед нами в эти минуты. Шум падающей мебели прекратился, но ненадолго, его заменил скрежет, и, судя по топоту, волк позвал остальных.

– Что они задумали? – я вопросительно посмотрел на соседа.

– А что бы ты сделал на их месте? Они заваливают люк, запирая нас здесь. Поверь, Белый умнее и опаснее большинства людей. Но, как видишь, поддается эмоциям, а значит, не идеален.

– Конечно, очень интересно, но лежать на кровати под одеялом не улучшит нашу ситуацию.

– Согласен, боец. Но сейчас я плохой помощник, я больше обуза, – он откинул одеяло, демонстрируя правую ногу. Даже тусклый свет не смог скрыть проступившую кровь сквозь белую тряпку, обмотавшую ногу чуть ниже колена, на кото-

ром грубой синевой была выбита восьмиконечная звезда. И хоть не сильно разбираясь в тюремных знаках отличия, знал, что обладатель такой наколки никогда не встанет на колени, и являлся весьма авторитетным человеком в своём мире.

– Это он? Сегодня утром?

– Так точно. Волк перед входом, которого я пристрелил, по его команде бросился на меня. Кстати и тот, которого ты убил, были охранниками в стае. На Белого пули не хватило, и сбоку вцепился в икру. Я пытался отбиться ружьём, но он перехватил его, и этого времени хватило, чтобы скрыться за дверью.

– Связки целые?

– На удивление, но клыки вошли глубоко. Досталось моей лапе за эти дни. Да, боец? – Лесник с натянутой улыбкой фыркнул.

– Я не видел во дворе ружья, – не обращая внимания на его иронию, с сомнением заметил.

– Это же собака, скорей всего закопал. Он понимает исходящую от него опасность, а пользоваться не может. Так что ближайшую неделю я не слишком быстр. Надо отлежаться. Всё, дай поспать, а потом, как и обещал, расскажу, что здесь происходит.

Присев на старый деревянный стул (точно такой был у моей первой учительнице в школе), под тихое сопение соседа, отдавая должное его спокойствию в сложившейся, не отдающей запахом позитива, ситуации, начал визуально изучать

обстановку подвала. Справа от кровати стоял старый высокий шкаф под самый потолок из натурального дерева. Стены были обложены кирпичом, судя по сколам и остаткам раствора, уже бывшего в использовании. На низком стеллаже лежали два картонных ящика с маркировкой армейской тушенкой, один из которых был запечатан, так что ближайшие дни чувство голода могло спать спокойно, не поднимая своей головы. Рядом с ними были аккуратно сложены в алюминиевую кружку чистые вилка, ложка, кухонный нож и открывалка для консервов. Во всём чувствовался порядок, поэтому лежащая на полу крышка от большой кастрюли, также должна была нести пока неизвестную мне полезную функцию. Я, стараясь не шуметь, дотянулся и поднял её. То, что увидел сразу сняло самый первый и самый глобальный вопрос находящихся в осаде. Под ней была зарыта железная бочка без дна, наполняющаяся грунтовыми водами. Такой себе мини колодец. Это подвал уже напоминал бункер, только с одним недочётом – отсутствие отхожего места. Провод для лампочки выходил из трубы небольшого диаметра в стене под потолком. Прислонив ладонь, я ощутил легкий сквознячок. Наличие хоть какой-нибудь вентиляции тоже радовало. Идеальное место скрыться от общества с его законами и понятиями. Также там ещё находился небольшой шкафчик с тремя выдвижными ящиками. Скорей всего прибор ночного видения лежал там, а остальное, думаю, покажет сосед.

Движение мебели наверху прекратилось минут десять на-

зад, лишь только изредка прослушивалась тихая поступь бродящих без дела волков на улицу и обратно. Затраченная утром энергия с ограниченным количеством кислорода в подвале и блёклым освещением, сливающим день с ночью, начала вызывать не подсознательно дремоту, сопротивляться которой у меня не было никакого весомого аргумента. Веки закрывались, и последнее на что взглянул, были наручные часы. Судя по ним, солнце на улице сейчас было в зените.

Глава 5. Рассказ

Я проснулся от запаха этанола и даже не слышал, как поднялся Лесник. Открыв глаза, застал его за перевязыванием. Он сидел на кровати и, наклонив голову, с любопытством рассматривал аккуратные точки запёкшей крови на икроножной мышце, держа в одной руке открытую банку со спиртом.

– Как нога?

– Я думаю, обойдётся. Большой опухоли нет, на заражение тоже не похоже. Сейчас ещё раз пройдусь этим магическим раствором, потом нарисую йодную решётку..., не поворачивается язык назвать это сеткой, – он с удовольствием фыркнул от своего шутливого вывода и протянул банку мне. – Будешь? Тот, что надо. Медицинский. Такой на зоне дорого стоит.

– Нет, не хочу.

– Как знаешь, а я глотну немного для анестезии.

Три часа крепкого сна смыли усталость, и мне даже в первую секунду после пробуждения показалось, что произошедшие сегодня утром события были дурным сном. Но нет, подвал и сосед, обрабатывающий рану, говорили о настоящей действительности. Полная тишина наверху служила подспорьем для спокойного рассказа, о чем и сказал Леснику.

– Даже не знаю, с чего начать... Ты, наверно, догадался, что я здесь не по своей воле и давно. То, что привело меня сюда, мы опустим. Сейчас это не имеет никакого отношения ко всему этому цирку. Мне придется рассказать тебе кое-какие вещи, но с одним условием, если выберемся отсюда, никому об этом не болтать.

– Вообще, не вопрос.

– Ну, что же, поверю на слово, хоть это не в моих правилах, но по-другому, увы, никак. Как ты там сказал, мы теперь в одной лёжке.

Он, наложив новую повязку, прилёг, снова укрывшись одеялом по пояс и прикрыв глаза, размеренным с хрипотцой голосом начал рассказывать свою историю.

– Полтора года назад, на заброшенном заводе, была открыта лаборатория по производству наркоты. Место идеальное. Городок вымирает, далеко от центра и лишних глаз, одним словом, тишина, то, что нужно для таких дел. Я к этому моменту, назовём это “освободился” и был поставлен “смотрящим” за бизнесом. Покуда был в бегах, даже здесь находиться на виду было небезопасно. “Доброжелателей” всегда хватает: и среди своих, и среди чужих. Поэтому решил скрыться в лесу. Только пару человек знают, что я где-то здесь, а об этом месте никто. Десятого числа каждого месяца мы встречаемся на опушке в трёх километрах на север отсюда. Там проходит старая заросшая просёлочная дорога. Мне передают провизию, вещи, которые заказываю, и рассказы-

вают, как идут дела в лаборатории, какие возникают проблемы. А я своей рукой пишу маляву и говорю, кому передать, чтобы вопросы решались. Как видишь, следующая встреча через три недели, поэтому пока не знаю, как буду, или будем прорываться. Дорога длинная.

– А как ты всё это тащил? – я кивнул на картонные ящики с тушёшкой.

– Наверху, за столом, стоит тачка и санки. Ты не заметил.

– Да, не обратил внимание. Не до этого было.

– Ещё вопросы есть? Потому что дальше начнётся самое интересное.

– Как ты нашёл этот домик?

– А, не поверишь. Пацаны высадили меня на окраине, как сейчас помню, был солнечный апрельский день. Я стоял и ждал, когда машина скроется из вида, потом повернул голову в сторону леса, и мне навстречу из кустарника выбежал Дурачок.

– Кто? – спросил я, мотнув головой тоном человека, который теряет нить разговора.

– Помнишь волка, который был около твоего шалаша. Вот это он. Я его так называю.

– Кстати, его не было там, среди остальных.

– Он одиночка, как говорится, не от мира сего. Ходит сам по себе, ест всякую хрень, то корни, то шишки грызёт, то на дерево пытается залезть, то на дятлов лает. Убогий, одним словом Дурачок, его никто и не трогает. Ты, наверно, заме-

тил. Так вот, он выбежал, виляя, как уличная дворняга хвостом, затем развернулся и не спеша пошёл в лес, постоянно оглядываясь на меня, зовя за собой. Он казался абсолютно не опасным. Вот так и привёл меня сюда, за что отломал ему кусок колбасы и даже почесал за ушком. Днём, он, как и все волки, где-то спит, а вечером иногда приходит сюда. Наверно, бывший хозяин его приручил.

– Скорей всего. Пока вопросов больше нет.

– Ну, что же, тогда продолжим. Первое, с чем мы столкнулись, это найти хороших химиков. Приехать в такую дыру и рисковать получить конкретный срок, даже за хорошие деньги, желающих мало. Мы не могли создать конкуренцию чехам и эстонцам, куда готовые заработать таким способом специалисты уезжали толпами. Качество нашего продукта хромало. И я вспомнил про одного человека из деревни, получившего пять лет по 225-ой за выращивание опиумного мака. Интересный был экземпляр. Самородок. У него не было специального образования, химию изучал по книжкам и эксперименты проводил на домашнем скоте, веселя нас рассказами о том, что вытворяют свиньи, коровы, собаки, особенно петухи под кайфом. Его срок должен был подходить к концу, и я дал команду привести сюда сразу, как выйдет из зоны. Все равно в селе ему нечего делать, кроме как бухать. Через пару месяцев он уже обжился на заводе и довольно скоро клиенты были довольны нашим качеством. Дела пошли в гору. И вот когда всё настроилось, мне стало скучно.

Я вспомнил его рассказы о животных под наркотой и заказал что-нибудь для Дурачка. Как уже говорил, он часто вечером заживал. Мне передали какие-то таблетки, никогда не мог запомнить эти химические термины и в тот же день, положив на ладонь, дал этому сумасшедшему волку. Он без всякого страха слизал и словно конь во весь апорт, ринулся в лес. Я не видел его три дня. А когда снова пришёл, был полностью истощён. Такое ощущение, что все эти дни Дурачок бегал, не останавливаясь. Наверно, был перебор. Он вырубился прямо у двери и проспал больше суток, а когда пришёл в себя, с взглядом попрошайки хотел ещё. Я вынес ему, только теперь половинку. Как и в первый раз, он сразу бросился в лес, а вернулся на следующий день с белым волком, тогда и увидел его впервые. Дал им по дозе и заметил, что они не глотали, а прижали таблетки нёбами и понесли в лес. Так продолжалось неделю. Из двора я практически не выходил, но однажды решил прогуляться подальше и наткнулся на небольшую стаю волков, где во главе был белый с пятном. Он дружелюбно подошел ко мне и уткнулся носом в колено, прижав хвост, демонстрируя своё поклонение. Остальные, окружив меня, сделали тоже самое. Я стал для них тем единственным, кто может угостить очередной дозой. И теперь вся стая приходила ко мне сюда, и они, ожидая, садились в ряд, согласно своей иерархии. Первым вожак, затем охранники или воины, потом опекуны, это юнцы, которые ещё не стали воинами, но уже не щенки. А, чуть не забыл, еще сигнальщик был, это

глаза стаи, он предупреждает об опасности. Матерей никогда не было, они оставались следить за потомством. Иногда вместе с ними приходил и Дурачок. Чувствовать власть над волчьей стаей, то ещё ощущение. Меня это забавляло.

– Честно сказать, Лесник, никогда не поверил бы в эту историю, но ты не похож на сказочника.

– Меньше текста, – резко оборвал он меня, – дальше ещё интересней. В одной из редких дальних вылазок в лес я натолкнулся на дикого кабана, который явно был не рад нашей встречи. Он, ускоряя шаг начал бежать на меня в атаку. Вскинув ружьё, я готов был уже размножить его толстую лобную кость, как услышал зловещее шипение и тут же из-за дерева, словно тень, пролетел силуэт рыси. Она запрыгнула ему на спину и оседлала, словно всадник. Кабан не понимая, что произошло, остановился, как вкопанный, и сразу когти большой кошки трезубцем вонзились снизу в районе шеи. Она лапой, словно работая заточкой, несколько раз с молниеносной скоростью, продырявила толстую кожу, превратив его шею в лоскутки. Затем спрыгнула с него, вальяжно отошла в сторону и тупо смотрела, как он умирает. Кабан продолжал стоять на месте, не двигаясь, а из дырок небольшими струйками текла темно багровая кровь. Потом он рухнул набок. Я перевёл ружьё на рысь, но она, не обращая никакого внимания на это, опустив голову, пошла ко мне.

Несколько таблеток теперь я всегда носил с собой в накладном кармане сзади и она, будто знала об этом. Наверно,

по запаху. Как кошка, начала тереться об ногу, выгибая спину, а мордой уткнулась в карман, оставляя носом влажный след. Я достал одну и положил на ладонь, с которой тут же её слизала. В отличие от волков, рысь не ушла сразу в лес, а присев на задние лапы, уставилась в небо, не обращая никакого внимания на меня.

На следующей встрече братва, помимо всего, передала ещё полный пакет крупы с приветом от химика и словами, что это для птичек и проверено на воробьях. Около хижины я видел висевшую на дереве дряхлую кормушку, которая уже давно не наполнялась. В этот же вечер насыпал туда горсть, а на утро она уже была пустая. И только днём, недалеко, увидел небольшую стаю синиц, которые напоминали разбросанных под деревом чучел, лишь только еле заметные дергающие лапки говорили, что они ещё живы. На следующий день их уже не было.

Дальше, больше. Я начал замечать, что хищники этого леса, которые на генном уровне враги, начали находить общий язык. Волк спокойно мог вместе с рысью обглаживать убитого зайца, как будто они заключили мировую. Но поражало другое. Наркотики в этом лесу стали самой твёрдой валютой. Их количество у меня было ограничено, и теперь я давал только Белому, его бойцам и Дурачку. Поверь, я видел, как одна волчица, прямо за кустами на заднем дворе, зарабатывала полтаблетки, подставляясь по очереди под трёх волков. Прямо, как у людей, за дозу готова на всё. Белый стал в ле-

су непререкаемым авторитетом и даже рыси, после ночной охоты тянули ему убитую косулю, чтобы обменять на кайф. Не мне тянули, а ему. До меня поздно дошло, что за год я для них не стал хозяином, а был источником, который надо тщательно оберегать. Хотя со стороны казалось по-другому. Белый и его стая всегда беспрекословно слушали меня, часто дежуря около хижины в роли охраны. И это спокойствие расслабило, давая ощущение, что всё под моим контролем. Так я думал до сегодняшнего утра.

В последний раз братва мне не привезла ничего. В городе начались разборки и все легли на дно. Лабораторию остановили. Догадываешься, почему?

– Да, – я кивнул в ответ и спросил с сомнительным непониманием, – в чём проблема была выдать меня?

– Толян, которого ты отправил к праотцам, не нравился мне. Вроде и предъявить ему нечего было, но гниловатый он. Когда-то мы начинали с ним вместе. Меня закрыли, и он сразу переметнулся к “центральным”. Они помощнее, да и дела у них посерьёзней. Думаю, он сюда ехал с посланием на языке, что бы отвести меня в сторону и самому заниматься лабораторией. Очень любит деньги и власть, а природа одарила его только бычьей силой, прокинув с мозгами. Кстати, знаешь, как его иногда называли?

– Откуда?

– Толик “Две пачки”. Догадываешься, почему? Он упорно считал, что у настоящего мужчины постоянно в карма-

не должны лежать не меньше 20-ти тысяч долларов и всегда таскался с двумя упаковками стодолларовых купюр. Меня не интересует, куда ты их спрятал, это были не мои деньги. А выдать тебя? То это на данный момент было бы ошибкой. В ходе разборок “центральные” обязательно перейдут черту, и вот тогда, мы находим тебя, показываем в качестве нашего алиби и на сходке предъявляем претензии за беспредел. По крайней мере, до сегодняшнего утра, план у меня был такой.

Ладно, вернёмся к нашим волкам. Вчера вечером вышел во двор и увидел Белого, который пришел со своей стаей за очередной порцией. Я постучал по пустому карману, показывая, что сегодня они ничего не получают и пусть уходят. Впервые за это время Белый приподнял губу и обнажил оскал, высказывая недовольство. Со мной так не надо. Я направил на него ружьё, показывая, кто здесь хозяин, и он, тихо рыча, медленно попятился назад, явно не готовый к такой ситуации. За ним последовали другие. Немного посидев на улице, удостоверившись, что они ушли, спустился сюда и лёг спать. Последние дни просыпался рано утром. Из-за постоянных дождей, здесь в подвале влажность зашкаливала, и приходилось вставать, выходить наружу, чтобы отхаркаться. Камера, а особенно карцер, не лучшее место для профилактики здоровых лёгких. Иногда казалось, что выплуну их, аж в глазах звёзды появлялись.

Недалеко от дома есть небольшой овраг, куда я ходил постоянно справлять нужду. В лесу было тихо, небо наконец-то

избавилось от туч, ничего не предвещало беды. И только возвращаясь к хижине, почувствовал, что за мной следят. Ты знаешь это ощущение. Делая вид, что ничего не замечаю, я дошёл до входа в кустовой забор и увидел на крыльце совершенно одного Белого. Он стоял с высокой осанкой и смотрел на меня, хвост медленно покачивался из стороны в сторону. Всё говорило о его агрессивном настрое. Сзади услышал небольшой хруст, обернулся и понял, что два патрона в моём ружье будет маловато. Остальная стая, уже не скрываясь, стояла полукругом сзади в метрах тридцати. Я поднял ружьё и быстрым шагом направился к Белому, который, чувствуя, что свинец в его голове будет лишним компонентом, резко отскочил в сторону и скрылся за углом хижины, открывая мне дорогу к двери. И ту же раздался топот бегущих волков. До входа оставалось метра три, когда я услышал дыхание сзади. Развернулся как раз в тот момент, когда один из охранников стаи готов был уже свалить меня на землю. Дальше тебе рассказывал.

Я, с трудом воспринимая, переваривал услышанное, не зная, что и сказать. Не каждый день слушаешь такие истории, но и не верить у меня не было не единого повода. Вытянув пистолет из-за пояса, достал магазин и положил его на колено.

– Здесь осталось пять сырых патронов. Высушить не проблема. Ещё надо прочистить ствол. Это всё, что у меня есть, ну, кроме ножа. Не густо для такой войны. Слушаю предло-

жения, Лесник.

– Сам не знаю, что делать. Впервые у меня такое. Надо тщательно обдумать. Там в ящике, рядом с тобой, лежит сигнальная ракетница с тремя патронами.

– Зачем она тебе здесь?

– На всякий форс-мажор. Я должен был дать знак и меня начали бы искать. Как говорится, пригодится. Не бог весть что, но мало ли.

– Да, с ней много не навоюешь. А что ещё в ящиках?

– Прибор ночного видения, аккумуляторные батареи к нему. Пару фонариков – динамо, пару дымовых шашек, также на всякий случай, свечи, спички, несколько книг. Короче, боец, гранат и Калашникова там нет.

– Догадался.

– Да, задача нелёгкая. Волки не уйдут и я уверен, что они сейчас обдумывают, как нас отсюда выкурить. Есть какие-нибудь соображения?

Все до единого лучшие мои преподаватели с университета под названием “Жизнь” вдолбили мне, что выхода нет только из гроба, и то не факт, были случаи. Он всегда рядом, его не надо долго искать, всего лишь, быть внимательным и тогда найдешь. А самое главное, это не теория, это закон, он работает в 99 процентах, то есть смело можно назвать наукой, в отличие от пустых разговоров лженаучных психологов. Никогда не понимал, как можно выучиться на эту профессию. Дар понять правильно человека, увидеть его насквозь, даёт-

ся от рождения в сочетании с огромным жизненным опытом. Таких очень мало и люди, во все времена, называли их мудрецами. А эта “наука” предоставляет возможность в уютно обставленной комнате копаться в чужой душе и давать с умным видом дежурные советы любому юнцу с улицы, получившему диплом. В отличие от медиков, они не отвечают за последствия, а их книги всегда благосклонно опишут причину ошибки, дабы не упала самооценка. Вообще, само стремление человека всю жизнь залазить в сердца незнакомых людей уже говорит о необходимости посещения отделения психиатрии. Но “пациенту” от этого не легче, с таким же успехом он мог сходить к гадалке или астрологу.

Именно спокойный тон соседа выдавал в нём мудрого человека, который также считал, что выход всегда есть. И отсутствие его сейчас, никоим образом не может повлиять на психологическое состояние. Я уставился на люк подвала и представлял картину, происходящую наверху: разбросанная по всей комнате мебель, пару дремлющих, скрученных в калачик, волков и наступающая темнота. Никакой зацепки. “Смотрящий” же снова прикрыл глаза, и его лицо не отражало ничего. Но без сомнений, он тоже сейчас упорно ищет решение нашей проблемы.

Я перевёл взгляд на деревянный шкаф и только сейчас поймал себя на мысли, что это излишний атрибут в подвале. Тем более, чтобы спустить его сюда потребовалось бы немало усилий. Думая об этом, как бы невзначай спросил:

– А что в шкафу?

– Нам это не поможет. Теплые вещи, – не затрудняя себя открытием глаз, ответил Лесник.

– Как ты его сюда затащил?

– Это не я, это прежний хозяин. Судя, что он сбит гвоздями, то в разобранном виде.

– И что он в нём хранил?

– Без понятия. Он был пуст, когда я появился здесь. Может банки с законсервированными ягодами или ещё что-нибудь подобное. Кто его знает.

– Как-то странно. Банки хранят на полках.

– К чему ты ведёшь? – он приоткрыл глаза и бросил внимательный взор на меня.

– Ещё сам не знаю. Разреши посмотреть и фонарик возьми.

– Валяй, – и его веки, словно дверь лифта, снова медленно захлопнулись.

Я встал со стула и услышал, как наверху поднялись волки, обеспокоенные моим движением. Аккуратно вытащив полный комплект зимней военной формы, под прерывистое жужжание фонарика, начал изучать шкаф изнутри. Ничего необычного. Тут меня осенило, и дабы проверить свою догадку с левой руки нанёс прямой удар кулаком в заднюю стенку. От неожиданности отпрянул на шаг, и сосед, словно мертвец из дешевого фильма ужасов, поднял верхнюю половину тела и уставился на меня.

– Ты это слышал? – волнительно спросил я, чувствуя впрыск адреналина в кровь.

– Да... там пустота. Мне очень хорошо знаком этот звук, – и видя моё нарастающее возбуждение, он в мгновение потушил своё, а затем невозмутимо продолжил, снова принимая лежачее положение, – этим надо будет заняться завтра, сейчас поздно, да и волки уже на стрёме. Не надо лишний раз их беспокоить. Ночь всё-таки скоро. Уберём шкаф днём, когда они хотят спать.

Его доводы было более чем доходчивые, а, понимая, что долго ещё не смогу уснуть, занялся изъятием пули из ствола, разложив оставшиеся патроны на сушку и иногда бросая взгляд на резную дверь шкафа, гадая, что скрыто за ним.

Насыщенный выдался день.

Глава 6. Открытие

Мне всегда хватало хотя бы одной точки опоры для сна, поэтому спать на стуле не было большим неудобством, а в такой ситуации, это даже роскошь. Я знал людей, которые умели спать стоя, а были и такие, кто в дрёме мог ходить в карауле. Организм человека ещё тот механизм. Прекрасно помню слова своего командира о двадцатиминутном сне, что каких-то тысяча двести секунд, и ты восстановлен на сорок процентов, которых вполне хватить на требуемую концентрацию сил и внимания, чтобы остаться в живых. Сейчас этих секунд было больше в десятки раз и, открыв глаза, я чувствовал себя так, как, наверное, ощущает болид 24-часовой гонки Ле-Мана с залитым полным баком высококачественного любимого бензина и новыми прогретыми покрышками в ожидании взмаха стартового флага. Единственная разница, в отличие от меня, четырёхколесный чётко знал план действий, требуемых для победы.

Сосед уже проснулся и с отрешенным взглядом человека, уставившегося на водную гладь озера после тяжелого рабочего дня, смотрел в потолок.

– Доброе утро, – тихо усмехнулся я.

– Ну да, как-то так.

– Что слышно наверху?

– Ночью немного бродили, такое ощущение, как смена ка-

раула, а под утро полный штиль. Не нравится мне всё это.

– Ты не спал всю ночь?

– Нет, просто очень чуткий сон. Привычка. Я думаю пора посмотреть, что там за шкафом. Один справишься? Нога ещё не чешется.

– Легко.

Как оказалось, с ответом я погорячился, пришлось приложить немалые усилия, чтобы сдвинуть эту, как выразилась бы моя мама, гробину. Отодвинув шкаф на ладонь от стены, подвал сразу наполнился затхлым холодным воздухом. Лесник глубоко втянул его ноздрями.

– Запах рыхлого цемента. Его я знаю хорошо. Почему остановился, продолжай. Слышишь, зашевелились, – он поднял палец вверх, указывая на потолок.

И, действительно, в возникшей тишине четко были слышны цоканье когтей быстро перемещающихся по небольшому кругу. Волки явно волновались, не зная, что делать. Дальше дело пошло легче и через двадцать минут мы смотрели на темный тоннель с рост среднего мужчины.

– Как думаешь, боец, что там? – сосед присел на кровать, взявшись рукой за раненую мышцу.

– Сейчас узнаю.

Прерывистые пучки света выхватывали лишь только серые забетонированные стены коридора и полностью растворялись дальше в темноте. Метров через пять появились очертания прохода, наполовину закрытого стальной дверью.

Я вернулся назад за свечкой и решительно направился в темноту проёма, прикрыв ладошкой ещё не разгоревшееся маленькое пламя. То, что увидел, впечатлило. Передо мной предстала комната площадью около пятнадцати квадратов, полностью предназначенная для жизни. Небольшой стол, стул, две вместительных больничных тумбочки, металлическая кровать со скрученным на ней матрасом и другими постельными принадлежностями, полки на стене. В дальнем углу ниша, плотно закрытая брезентом, обустроенная под туалет с выгребной ямой и небольшой в диаметре вентиляционной трубой с прикрепленной на цепочке заглушкой. Света от одной свечи было недостаточно для полного изучения помещения и, оставив её на столе, я вернулся ещё за двумя. Этого добра была целая коробка.

– Что там? Не томи.

– Ещё одна комната. Сейчас полностью осмотрю и всё расскажу. Лежи, не напрягай ногу. Быстрее залечишь, быстрее двинемся отсюда.

Три огонька восковых продолговатых изделий осветили бункер, другое название было сложно подобрать этому помещению, и сразу натолкнули меня на давно услышавшее рассуждение (уже не помню кем), вызвав ухмылку, что доходнее торговли наркотиков и оружием является именно торговля свечками в церкви. Прибыль в сорок раз и в сотню безобидней. Но сейчас не об этом. Справа от входа за дверь с большим засовом только изнутри, опершись под углом

на бетонированную стену, стояла добротно сделанная лестница. Причина её присутствия открылась сразу. Прямо по центру в потолке был врезана металлическая крышка, очень напоминавшая верхнюю створку люка десанта БТР 80. Судя по всему, выход наверх был сразу за домом в метрах восьми.

Я открыл первую тумбочку. На верхней полке в глаза бросился забытый с детства вид килограммовых пачек соли с синим цветком на посеревшем картоне и пожелтевшие упаковки сахара с указанной ценой 94 копейки за килограмм. Низ полностью занимала высокая деревянная коробка, под завязку наполненная сухой фасолью. Как говорится, дешево и сердито. Разогретое не на шутку любопытство сразу переключило моё внимание на вторую тумбочку. Здесь, на верхней полке, уже было всё гораздо интереснее. По пять штук в три ряда стояли плотно запечатанные полулитровые бутылки со слегка желтоватой жидкостью, заложенные сверху упаковками сухого спирта. Без всяких сомнений, это был керосин. Надо отдать должное заготовителю, никакого запаха и место для его хранения было выбрано идеально: полная темнота и прохлада. На дне тумбочки нашел своё место старенький по возрасту, но молодой по виду примус, рядом с которым лежала керосиновая лампа. Было заметно, что порядок здесь постоянно поддерживался. Под кроватью я обнаружил ящик с инструментами и только сейчас заметил, что весь бункер на самом деле был обшит досками с нанесенным на них слоем цементного раствора. Также там стоял сред-

них размеров тазик, судя по всему для гигиенических нужд. На подсознательном уровне открытие этого сооружения мне упрямо вторило, что это и есть тот искомый выход из сложившегося положения.

Потушив свечи, я вернулся и подробно описал всё увиденное. Сосед внимательно выслушал, изредка открывая глаза, как будто удостовераясь, что это не сон и после окончания моего повествования рассудительно проговорил:

– Ты, сто процентов, застал лишь те времена, когда Горбачёв за ручку ходил с Рейганом по Рейкьявику, а я постарше тебя и прекрасно помню, что не всё было так мило. Знавал я одного похожего экземпляр. Тот панически боялся ядерной войны, и подвал своего гаража прямо во дворе нашего дома превратил в подобный бункер. Он даже тихо тронулся со своей этой паранойей. Всем ходил и рассказывал, кого он возьмёт с собой, когда сбросят бомбу, а кого нет. К нему даже с “конторы” приезжали, обсматривали всё, потом оставили в покое. Не буйный, безобидный, а самое главное, ненавидит американцев. Такие, тогда как раз и нужны были. Правда или нет, но говорили, что у него там бюст Ленина стоит. Смотрю, здесь похожий случай, главное, что от этого есть польза. Волки, конечно, не бомба, но тоже смертельно опасны, а значит, нет никакой разницы.

– И что дальше случилось с твоим соседом?

– А, там всё просто. Через год попал в аварию на машине и погиб. А жена продала тот гараж, хм, вместе с бюстом или

нет, не знаю. Вот как-то так.

– Интересная история.

– Только для тех, кто не живёт сегодняшним днём. За свою жизнь я поверил в провидение. Этот параноик, сам не подозревая того, уже похоронил всех вокруг, представляя, как он единственный останется в живых на районе. Не надо было баловаться такими мыслями, неправильные они.

– Я думаю, ты в своей жизни тоже делал много неправильных вещей.

– Хочешь пофилософствовать? Давай. Что такое в твоём понимании правильно и неправильно? Начнём с этого.

Надо признать его вопрос поставил меня в тупик. Ответить, что надо лишь соблюдать законы, которые в свою очередь также могут делиться на эти две категории и так до бесконечности, было бы, по крайней мере, глупо. А найти формулу, описывающую эти понятия, было бы бесполезно. Я сам поднял эту тему и загнал себя в глухой угол. “Смотрящий” видя мои блуждания в поисках хоть какого-нибудь вразумительного отзыва, голосом, которым произносят обыденные истины, сказал:

– Чем сложнее вопрос, тем проще ответ. Правильно, это когда ты не думаешь о причинении боли или убийстве людей, которые этого не заслужили. И тем более не делаешь этого. Как видишь, ничего замысловатого. Неправильные мысли рожают плохие поступки.

– А кто определяет степень вины этого человека?

– Тут тоже всё однозначно, только ты сам, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, полностью проверив и удостоверившись.

– Тогда поставим вопрос по-другому. Кто дал тебе право судить человека?

– Зачем мне кто-то, если я сам с этим отлично справляюсь? Хорошо, ответь тогда, кто даёт право судье выносить приговор?

– Государство, законная власть.

– А кто даёт такое право государству?

– Народ, – неуверенно ответил я, не понимая, к чему он клонит.

– В политическом смысле, народ понятие абстрактное, а значит – никто не даёт это право, посмотри на свой город, – он кивнул в сторону него. – Что и требовалось доказать. Но это ж тебя никогда не смущало. Ещё есть вопросы, разведка?

– А наркота? Она не приносит боль людям, которые этого не заслуживают?

– Например?

– Одинокая мать, хорошая женщина, а сын наркоман.

– Ты, боец, здесь не путай святое с праведным. Боль ей приношу не я, а отпрыск, которому, заметь, не силком засовываю эту дрянь внутрь. Это ему плевать на неё, а не мне.

– А воровство, грабёж? – у меня создавалось чёткое впечатление, будто он знает все мои вопросы.

– По крайней мере, отвечу за своих пацанов. Ни один из

них не украдёт пенсию у бабушки, зарплату у работяги, который живет от получки до аванса, потому что они знают, что для этих людей это будет тоскливо. А выставить хату мажора, который, абсолютно не переживая, завтра выклянчит деньги у папочки, почему бы и нет?

– Прям Робин Гуды.

– Брось болтать. Нищим мы не раздаём, своих надо греть.

Его доводы в моём понимании не были столь убедительны, но и не вызывали резкое отрицание. Во многом он был прав. Это его мир и там такие законы, которые в любом виде, кроме точных наук, всегда подвергаются сомнению в своей правоте. Но если такая жёсткая сфера, как криминальная, держится на них, не вылетая из орбиты, говорит только о жизнеспособности этих правил.

За последнее время мой желудок уже привык к небольшому количеству пищи, а вот заживление раны на ноге требовало от организма соседа двойной порции и отдыха. С аппетитом проглотив банку тушёнки, он снова задремал, и я, присев на стуле, начал более тщательно анализировать всё увиденное в бункере. Больше всего мне понравились пятнадцать бутылок с керосином, а в придачу с дымовыми шашками это давало возможность устроить красивое пиротехническое шоу для волков, которое они никогда не видели. Первое и последние в жизни для некоторых из них. Об этом и задумался. Нехватка в полной мере кислорода начала вызывать зевоту и вскоре я задремал под рисуемую в своём воображе-

нии картину пылающей хижины, сопровождающаяся звуками трескающихся брёвен и визгом объятых огнём хищников.

Как минимум ещё требовалось дней пять для моего соседа, чтобы он встал на ноги, но я был уверен, что Белый не даст столько времени. Поэтому вечером, разложив всё, что было в ящике с инструментами на полу, пристально рассматривал, соображая, какую защиту или ловушку можно из этого изготовить. Понемногу план начинал обретать чёткие очертания. Естественно, основную роль в нём сыграет керосин.

Вполне возможно, что уже завтра волки пойдут на прорыв, пытаясь очистить от завала и открыть люк подвала. Их тихое поведение целый день очень настораживало. Моя задумка заключалась в следующем. Попытаться разозлить их, и когда ярость затмит самоконтроль, дать им без проблем спрыгнуть в подвал, а самим укрыться в бункере. Но перед этим по всей комнате на полу разложить куски подпаленного сухого спирта. На потолке подвесить емкости с керосином, связав их в одну цепь и перед тем, как захлопнуть дверь в бункер, бросить дымовую шашку и одним движением, дёрнув за проволоку (была в ящике), перевернуть, вылив зажигательную смесь на спины. Было бы неожиданно. Вот над этой системой и придётся поразмыслить. А во время

Выслушав мои задумки без всякого энтузиазма, “смотрящий” в своём стиле, хрипло и спокойно, ответил:

– Это всё равно лучше, чем ничего.

А вот с моими доводами по поводу переселить его в бункер и пусть отлёживается там, пока я буду заниматься здесь, да и отступить одному здоровому всегда легче, он полностью согласился.

Задача оказалась сложнее, чем я думал, и мой план постоянно претерпевал изменения. Единственным оставалась только цель – пожар с волками внутри подвала. Отказавшись от идеи с горящими кусками сухого спирта на полу, так как они легко могли потухнуть во время атаки, вместо них было решено использовать завязанные на узел тряпки пропитанные керосином. А вот идеи по созданию душа из горючей жидкости каждый раз откидывал по причине сложности конструкции, а значит её уязвимости. Всё должно быть максимально просто и надёжно. И вот её величество – “Эврика”, она всегда придёт к тебе, если ты не сдаёшься в своих поисках.

Я вспомнил про тазик, который оставил стоять под кроватью, даже не прикоснувшись к нему и с (не побоюсь этого слова) вдохновением, которое тут же прогнало вон мозговую усталость, принялся за конструкцию. Перед входом в коридор из подвала будет брошен факел из тряпок, который приостановит волков. В этот момент я буду находиться в дверном проёме бункера. Наверху прохода, сразу за костром, и будет место для моей затеи. Всего понадобится четыре согнутых гвоздя в потолке, по два на каждую подвеску из провода, на которые ляжет полка от тумбочки с прибитым на ней

тазиком, керосин будет налит в самый последний момент. К ближней подвеске, по её центру, я прикручу проволоку, она и послужит дистанционным спусковым механизмом, дернув который заставит полку сорваться, сделав амплитуду в воздухе градусов на двести пятьдесят, так как дальняя сторона будет зафиксирована вместе с поддерживающим её проводом.

Я слышал, как моя работа заставила волноваться наверху четвероногих осаждающих “друзей”. Удары молотка явно раздражали их, что по-детски меня даже забавляло. Враг не должен спать спокойно, это первое правило, а тем более, когда он не понимает, что задумал противник, вообще обязан забыть о таком понятии, как сон. Прошло три часа и моя конструкция уже радовало глаз. Всё чётко и без лишних сложностей, осталось только провести испытание, но, естественно, с пустым тазиком. Я открыл дверь в бункер, зажав в пальцах конец натянутой спусковой проволоки.

– Подожди, Кулибин, я хочу на это посмотреть, – Лесник тяжело поднялся с кровати и хромая подошёл ко мне, – ну показывай, как этот... огнемёт будет работать.

– С удовольствием, – не без гордости ответил я и дернул проволоку.

Всё прошло, как и рассчитывал. Полка сорвалась с передней подвески и устремилась в круговое движение. Немного покачавшись, она уныло повисла с тазиком на закреплённом проводе.

– Впечатляет. То есть ты хочешь спалить их здесь, в коридоре?

– Да, перед коридором сделаю небольшой костер и до этой двери разбросаю подпаленные тряпки пропитанные керосином и буду стоять, как сейчас, вызывая их на себя, а в сам подвал брошу дымовую шашку. Если позволит время, неплохо было бы поджечь и тот шкаф.

– Да, разведка, ты оказывается довольно жесткий человек. А дальнейшие действия? Мы не сможем находиться в бункере, когда за дверью всё будет пылать.

– Это понятно. Берём только то, что поможет защититься, поднимаемся наверх, и совершаем прорыв в сторону города.

– Здесь я с тобой не согласен. Наверху запущу сигнальную ракету, и уходить будем на север. На моё место встречи, дополнительная помощь и машина нам понадобятся.

– Ты уверен, что её заметят? – этот вопрос был задан больше по инерции, чем вызванный сомнениями.

– Если нет, то на это должны быть очень веские причины.

– Как скажешь, здесь мне без разницы. Хотя если никто не приедет, то нам придется километров пять двигаться по той заброшенной дороге вдоль леса.

– Приедут. На крайний случай прибегут.

– Пусть будет так.

Обсудив наш отход, я начал складывать на тумбочки, всё, что нам понадобится для его реализации. И, опустошая ящики в подвале от дымовых шашек и ракетницы, наткнул-

ся на книжки, о которых упоминал “смотрящий”, перечисляя вчера своё имущество. Надо признать ни одну из них я не читал, но успокоившиеся наверху волки, дали повод подумать о литературе.

– Сосед, что посоветуешь почитать? – видя, что он ещё не уснул, обратился я.

– Не знаю твои вкусы, но думаю “Каторга” Валентина Пидуля подойдет. Хотя, какой смысл, все равно не дочитаешь.

– Пока начну, а когда вернусь в город, схожу в библиотеку и дочитаю. Как тебе такой план? – спросил с улыбкой.

– Оптимистичный, не поспоришь, – и еле заметная улыбка заняло своё место на его лице, которое явно было обделено частым выражением радости и тут же сошла. – Человек бывает сильным, когда становится одинок. Одиночка отвечает только за себя. В толпе же индивидуум обречён жить мнением толпы... стада! А лучшие мысли всё-таки рождаются в трагическом одиночестве.

– Это из книги?

– Да, боец. Там есть ещё одна хорошая фраза, но тебе она может не понравиться... “Какие мы тебе люди? Мы солдаты”.

– Расплывчатое выражение. В Югославии я видел, что творят, так называемые, мирные жители. Куда там солдатам.

– В принципе, согласен. Нет разницы в профессии, есть только разница в проценте содержания человечности.

– Да, я как раз об этом.

К концу подходил второй день осады, который также не прошёл даром. Уже собираясь выйти из бункера в подвал, всё-таки не сдержался и спросил:

– Как ты считаешь, когда они начнут? Ты их лучше знаешь.

– Честно, то думал, что уже сегодня. Если завтра будет также тихо, значит, происходит что-то такое, о чём мы даже не догадываемся. Иди, засыпай под книгу, шконок нам теперь хватает, а завтра, будет день и будет пища.

Глаза уже привыкли к постоянному тусклому свету и лишь только часы методично разделяли день и ночь, на отлично выполняя свою функцию. Как я не старался читать дальше (книга действительно затягивала), но сон быстро взял своё и, отключившись, даже не услышал, как она упала на пол.

Глава 7. А в это время...

Об этом я узнал уже после от разных источников, но чтобы не нарушать хронологию, собрав всё воедино, расскажу сейчас, что в эти дни происходило в городе.

Надо признать, что моё исчезновение не стало выдающимся событием, скажу больше, его никто и не заметил, кроме Ивана. Иногда, в редких коротких беседах с соседями, случайно встретившись около подъезда, я говорил о том, что надо уезжать с этого тупика и только появится возможность, даже не буду думать. Поэтому, все решили, что стале-вар уехал в поисках лучшей доли.

Только друг понял, что произошло нечто совершенно иное, когда на следующий день после нашей последней встречи к его белому “Mitsubishi Outlander”, стоявшего около открытого бокса, припарковались две чёрные иномарки немецкого происхождения, из которых вышли несколько крепких ребят и, не представляясь, но довольно в культурной форме, задавали вопросы касаясь меня.

Иван не открыл для них ничего нового, но в душе был искренне рад, что я, по крайней мере, ещё точно живой, а за долгие годы дружбы, зная мои способности и умения, не сомневался, что меня уже не достанут. А продолжавшиеся несколько дней ненавязчивое наблюдение за его домом, лишь укрепила эту мысль. О смерти Толика “Две пачки” на

улицах молчали. Иногда пробегали слухи, но никто не обращал на это сильного внимания, так как подавляющему большинству жителей в поисках хоть какого-нибудь заработка, было не до бандитских разборок, одна из которых закончилась ночью на территории завода, довольно громко, обратив на себя внимание местных жителей.

Работы в лаборатории к этому моменту приостановили. “Центральные” предъявили на неё свои права и получили ответ, что этот вопрос может быть решён только в присутствии Лесника, которого на данный момент нет в городе. О его плане выждать время и привести меня целого, невредимого в качестве алиби на сходку я уже рассказывал. Начались столкновения.

Одной из тех недавних дождливых ночей, гости из центра, с целью силой захватить лабораторию, скромным кортежем из двух джипов и микроавтобуса влетели на завод, предварительно обезвредив охрану, которая ничего не могла поделать против десятка направленных на них стволов автоматов. Их ждали и готовились к “гостеприимной” встрече. То, что они с минуты на минуту будут здесь, по специальной проводной связи для такого случая тревожной кнопкой сообщили с КПП. Дальше всё было отработано. Два человека заняли свои места на крыше рядом стоящих складских зданий, поднявшись по пожарной лестнице, между которыми проходила единственная автомобильная дорога к лаборатории. Дальше по классике. Один подрывает с помощью

гранаты ведущую машину, второй замыкающую и клетка захлопывается, накрытая свинцовым огнём из вентиляционных отверстий в стенах зданий. Но, как известно, в таких ситуациях план и реальность вещи, которые часто не ходят рядом, а наоборот, разбегаются в противоположные стороны.

Взрыв перед самым капотом не остановил первую машину. Бронированный кузов выдержал удар, а водитель явно прошёл хорошую школу. Только подготовленный человек в такой ситуации жмёт не на тормоз, а на газ. Следовавшие за ним коллеги не растерялись и также мгновенно максимально ускорились, выскочив из западни. Лишь только неприятные звуки ударов пуль об кузов сзади исполняли невеселую песню о том, что их план тоже провалился. Стёкла микроавтобуса не были так защищены, и поэтому в нём мелодия зазвучала тише и печальней под матерные крики получивших огнестрельные ранения.

Кортеж, не останавливаясь на полной скорости пролетел мимо лаборатории и, повернув направо, выскочил на центральную заводскую улицу, вскоре покинув территорию завода. Получив отпор с запахом и большими пятнами крови на одежде, незваные гости уехали из города, но никто не считал этой победой, понимая, что скоро они вернуться во все оружие, тогда уже без трупов не обойтись. Надо было ложиться на дно в новом укромном месте, поиск которого не занял много времени.

Недалеко от завода было заброшенное двухэтажное зда-

ние железнодорожной станции, на первый этаж которого пересилили небольшой персонал лаборатории, а второй стал новым наблюдательным пунктом, окна которого выходили на все четыре стороны. Рядом с ним находилось депо для технического обслуживания железнодорожного транспорта. Его начали использовать под гараж. Это место было выбрано специально. На отшибе, безлюдно и никакой подъездной дороги, кроме рельсовой развязки. Когда требовалось загнать или выгнать машину, вытаскивали деревянные поддоны и клали между путей, а затем заносили назад в депо.

Провалившийся ночной захват наделал много шума, и по полученной информации происходящими в городке событиями занялась областная “служба”, получив указание сверху. Так что лишний раз выход в город мог оказаться последним на ближайшие лет десять, поэтому без веской причины никто из связанных с лабораторией не рисковал погулять в ресторане.

В эти дождливые дни затишья и ожидания плохих новостей здание железнодорожной станции превратили в неплохо защищенный объект, подойти к которому незамеченным было практически невозможно, благодаря полному обзору вокруг равнинной местности. Свивая огневые гнёзда, под окнами были установлены стальные листы, прижатые к подоконнику по всей высоте мешками с песком. По всему периметру шлакоблочных стен такую защиту сделать не удалось. Если песок ещё был в наличие, то с мешками возник-

ла проблема, поэтому обошлись приставленными листами железа, взятых с пола из здания депо. Единственное, что не изменилось в распорядке, так это постоянное наблюдение за небом над лесом для фиксации появления сигнальной ракеты от Лесника. До смены дислокации этим занималась дежурившая охрана на закрытых центральных проходных. Скрасить невеселую перспективу ближайшего будущего бывшим ракетирам, поднявшимся на более высокий уровень уголовного мира, помогала колода карт с множеством вариаций игр, придуманных человечеством. Самым распространенным проигрышем в эту затянувшуюся мелким дождём погоду стало доставка алкогольных напитков из ближайшего ночного киоска, спрятанного на пустынной улице старого частного сектора.

Так прошли пасмурные десять суток. А поздно вечером того безоблачного дня, когда я утром услышал два выстрела и вскоре очутился в подвале хижины, на заводе произошло одно событие. Полная луна на фоне чистого ночного небо, как будто соскучившись, мягко обнимала своим светом окраины города до самого горизонта, снимая усталость с глаз наблюдателей железнодорожной станции.

Их заметили метров за двести по играющим теням на голом поле в безветренную погоду. Дежурный у окна, развернувшись к остальным, коротающим время за очередной раздачей карт, не, сколько с опаской, а сколько с интересом произнёс:

– Не похоже на собак и идут как-то странно, цепочкой, друг за другом. Ничего не понимаю. Посмотрите, пацаны.

И задув керосиновую лампу, все, как один прильнули к окну, с любопытством всматриваясь в происходящее на равнине. Хоть какое-то разнообразие и движение за последние дни.

– Волки? Целой стаей на открытой местности? Это бред. Куда? Зачем? – тихо вопрошал “бригадир” всё пристальнее всматриваясь в темное окно. – В природе, очень странно.

– Так ты посмотри, они какие-то дряхлые, немощные.

– Нет, здесь как раз всё правильно. Впереди стаи всегда идут слабые, потому что если их оставить сзади, они отстают, а так задают темп и в случае засады первые попадут под раздачу. Вон, видишь, чуть на расстояние от этих больных и старых, чётко видна группа из трёх волков. Это уже их спецназ.

– Башкир, откуда ты это знаешь? Их что не вожак ведёт?

– Я служил в Казахстане на границе с Китаем, а их там, как собак нерезаных. Насмотрелся. Дальше покажутся самки, а за ними снова будет небольшая группа охранников и вот только потом, держась на расстоянии, будет вожак. Он должен полностью видеть свой караван. Вон, видишь, прошли замыкающие, сейчас должен появиться.

В приглушенном синеватом свете луны белый окрас вожака засветился ярким пятном на фоне темного поля.

– Ты посмотри, Башкир, он больше остальных раза в пол-

тора, – на подсознательном уровне наблюдатель перешёл на шёпот.

– Действительно огромный. Я таких никогда не видел.

– Жаль, бинокля нет.

Все замолчали, завороченные видом и уверенно спокойной, не сулившей ничего хорошего тому, кто сейчас встретился бы на пути, походкой зверя. Даже на таком расстоянии в нём ощущалась смертельная опасность, вызывающая напряжение и в то же время, стойкое уважение. Даже на таком расстоянии сразу было понятно, кто хозяин за городом.

Нависшую тишину нарушил Башкир:

– Пацаны, а ну повнимательней. Мне показалось или с ним идёт кто-то рядом.

– Нет, он один. Хотя..., да нет, то тень.

– Вот именно, в его тени. Она нарушается. Смотри, опять.

– Я ничего не вижу.

В этот момент стая уткнулась в заводскую стену и остановилась. Вожак также застыл на месте, медленно осматриваясь по сторонам.

– Смотри, что я говорил. Меня глаза ещё не подводили, – Башкир, словно держа виртуальный пистолет, выставил указательный палец.

Из тени Белого появилась вторая, и теперь, пусть не чётко, различался её владелец. Это была рысь, которая, как и вожак застопорилась и стала внимательно оглядываться.

– Никогда такого не видел. Они ненавидят друг друга, а

здесь лучшие кореша. Чего-то, пацаны, мы не знаем. Всё очень подозрительно и странно.

Недолго затянулась эта пауза и волки, словно по команде, направились в сторону станции.

– Что будем делать, Башкир? Они идут к нам.

– Не дрожи. Я думаю, они ищут вход на завод. отошли от окна и наблюдаем молча. А ты, спустись к химикам, скажи, чтобы тоже соблюдали тишину и никаких движений. Ничего не объясняй.

Когда оставалось метров сорок, ведущие повернули налево и, следуя параллельно путям, направили стаю к железнодорожному въезду. Теперь эту парочку, волка с рысью, можно было разглядеть анфас. Уверенность, спокойствие и немного вальяжности в их походке напоминали выход на ринг абсолютного чемпиона мира по боксу против неизвестного никому новичка, который из-за травмы запланированного противника случайно оказался на его месте. И перед тем, как свернуть в сторону они остановились и, не сводя глаз, подняв морды, уставились на здание станции. Создавалось впечатление, что они пытаются просверлить взглядом стены и окна.

– Как думаешь, Башкир, они знают, что мы здесь? – шёпотом спросил один из стоявших сзади.

– Подозревают, что здесь не пусто. Но пришли они не сюда.

В подтверждение его слов, два лесных хищника развер-

нулись и, ускорив шаг, начали догонять остальных. Белый, метров через десять, пропустив дикую кошку вперёд, снова остановился и посмотрел в их сторону, словно на прощание говоря: «Сидите смирно и тогда вас никто не тронет».

В комнате все молчали. Бывшие спортсмены, бывавшие в жёстких передрягах и насмотревшиеся многого за свою жизнь, сейчас чувствовали чужое необъяснимое для них ощущение оторопи. Нет, это не было, как у кролика перед удавом. Это больше напоминало ступор умного человека после заданного ему бесконечно глупого вопроса. В этой тишине все стояли, не шевелясь и ожидая, что скажет Башкир, который не заставил себя ждать.

– Смотрим дальше, пока они не возвратятся, а утром пойдём на завод, глянем, что они искали. Следов будет море. Всё очень непонятно, особенно, как волк общается с рысью, – он в задумчивости начал всматриваться в сторону леса и уверенно добавил. – Чует мой зад, что в скором времени мы увидим сигнальную ракету от Лесника. Наблюдение усилить и на всякий случай, автоматы на взводе. Может, придётся пострелять по собачкам, хотя, конечно, шуметь сейчас нежелательно.

– А ты отстреливал волков?

– На границе от скукоты, баловались со снайперской винтовкой. Жаль, что сейчас её нет. Поверь, сдыхают, как и все. Кстати, сколько их было? Тринадцать и вожак?

– Да, и рысь.

– Значит, в лесу осталось, как минимум ещё штуки три и щенята. Это большая стая.

– Башкир, а как мыслишь, что они здесь ищут?

– Зачем гадать, утром узнаем, – и, повернувшись к наблюдателю у окна, спросил, – Вован, что там?

– Пока тишина. Как только, так сразу дам маяк. Отдыхайте, пацаны.

Ночная сиеста, длившаяся около часа, была прервана тихим словом “идут”. Волки возвращались той же цепочкой и в том же составе. Только теперь они шли не назад в поле, где их заметили, а последовали вдоль бетонных плит забора и скрылись за поворотом, направившись в сторону города.

– Башкир, ты что-нибудь понимаешь?

– Только одно. На заводе они не нашли то, что искали. Ложимся спать, уверен, днём всё узнаем.

Как только за окном утренняя серость начала прогонять мрак, дверь на станции открылась и из неё по одному, оглядываясь по сторонам, вышли пять вооружённых людей, держа свой путь к железнодорожному въезду завода. В отличие от волков, здесь первым шёл вожак. Следы на непросохшей земле, оставленные стаей, не мог заметить только слепой. Направление было очень знакомо, отпечатки лап вели прямо к лаборатории. А спустя пятнадцать минут из здания появился ещё один человек, уже без оружия, который направился в сторону города, целью которого было узнать всё о ночном визите диких собак к людям. Двое остались дежу-

ритель на станции.

Территория вокруг подпольного цеха, словно грязный капот автомобиля утром по которому всю ночь лазали коты, была вся изрешечена следами ночных гостей из леса. С первого взгляда они казались хаотичными, но острый взгляд Башкира сразу определил их системный порядок. Несколько волков, скорей всего охранники, пару раз обошли здание и вставали на задние лапы, опершись передними на металлическую решетку, пытаясь заглянуть в каждое окно. Троица слабых и старых нашла своё место в стороне, где лёжа на земле, наблюдала со стороны за происходящем. Чуть поодаль от стены расположились самки, выстроившись в ряд, на расстояние метров семь друг от друга. Они явно были взволнованы и не стояли, как вкопанные, оставив отпечатки от круговых движений на месте. Но “бригадира” больше всего интересовал вожак, его следы должны быть крупнее остальных. Он внимательно рассматривал все имеющиеся на фасадной стороне, когда его окликнули с другой стороны здания:

– Башкир, они были внутри. Иди, сам посмотри.

Форточка на одном из окон была разбита, а рядом на земле вместе с осколками стекла лежала деревянная палка около метра в длину.

– Как они это сделали? Это же не обезьяны.

– Сейчас узнаем, – уверенным тоном ответил Башкир.

Взяв древко в руки, он начал пристально рассматривать его, заметив рядом под окном искомые большие следы во-

жака. На одном конце четко просматривались вмятины от крепких волчьих зубов. Повертев её пару раз в руках, вывод был готов.

– Надо признать у него сильная шея. Он взял её здесь, – Башкир показал пальцем на отметины от сжатой челюсти, – затем передними лапами встал на решётку и, вывернув голову, положил палку на этот прут, как направляющий, вот, кстати, следы, а потом головой начал стучать ею по стеклу. Умный, гад. А дальше за своё дело взялась рысь. Она пролезла сквозь решётку, затем в форточку и попала внутрь, поэтому здесь уже делать нечего, пойдем в лабораторию, посмотрим, что там. Двое останутся на входе.

Ключи от дверного замка металлической двери, появились из внутреннего кармана куртки и, зацепив крышку ствольной коробки автомата, звонко зазвенели, повиснув на указательном пальце.

С первого взгляда казалось, что в помещении всё осталось, как и перед закрытием, лишь постоянно поддерживаемую идеальную чистоту заменил слой пыли, сразу ударивший в нос, а порядок остался неприкосновенным. Всё было на своих местах. Включив свет, они разошлись по всему помещению.

– Она тут облазила всё. Башкир, ты видишь?

– Да, чувствовала себя, как хозяйка. Везде её следы.

– Что она искала? Хотя... догадываюсь.

– Правильно мыслишь. Только в последний раз мы не при-

везли Леснику таблетки, и какое движение сразу началось. У него получилось присадить зверюшек на наркоту, а теперь они в поисках дозы. И, что самое опасное, это их объединило. Но всё равно, должен быть тот один, кто ими руководит.

– Кто, кто? Белый волк.

– Да, вполне возможно. Тогда следующий вопрос, что с Лесником? Теперь не хочу думать о худшем, но поездка в лес нам предстоит, я уверен. А что там увидим и кого встретим, даже не представляю.

– Съездим, Башкир! Застоялись мы здесь, а поохотиться сейчас в самый раз. Я прав, пацаны?– и в ответ раздались довольные ухмылки.

Для полноты картины не хватало лишь новостей из города и, вернувшись на железнодорожную станцию, они коротали время за картами в их ожидании. Через час дежурный у окна произнёс:

– Вован возвращается.

После увиденного в лаборатории, нельзя сказать, что рассказ поразил своей нереальностью, но всё равно вызвал неслабый интерес.

– Короче, слушайте. Если следы до города просматривались чётко, то потом, на засыпанной гравием дороге уже не различались. Когда я подошел к первым халупам этого местного Шанхая, на улице и проулках была полный штиль. Я ему в виду, что молчали даже дворовые собаки, которые там постоянно поднимают лай. Недолго думая, я направился к

ночному киоску. Купив пачку сигарет, невзначай сказал, что утром сегодня совсем тихо, как на кладбище. Потрёпанная заспанная продавщица ответила, что даже всю ночь на удивление молчала живущая напротив шавка, которая никогда не даёт ей спокойно уснуть, а сегодня не было вообще никого, и она отлично выспалась, правда ничего не заработала. Начиная с полночи, я первый покупатель. Оглянувшись по сторонам, решил перейти на параллельную улицу ниже и зайти в один макоедский притон. Был там один раз по делам, полгода назад. Калитка была открыта и дверь в дом тоже настежь. Закрыв за собой, зашел внутрь. Там так воняло ацетоном, уксусом и аптекой, в которой ночует бомжи, что, сука, чуть не стошнило...

– А что ты в “варочной хате” хотел услышать? Запах “Красного оленя” и благородного табака?

– Не перебивай. Слушайте, что дальше было. Хозяина нашёл в зале. Он сидел на корточках, прижавшись в угол и, весь дрожал, больше никого. Его попускало от дозы, но было видно, что нервы ему кто-то сегодня ночью сильно пощекотал. Он был рад меня видеть, как ребёнок. Сразу встал и попросил подождать минуту, а потом всё расскажет. Быстро перетянув жгутом руку выше локтя, накачал кистью жилу и попросил его ширнуть, потому что сам не в состоянии был попасть в вену. Клешни ходили ходуном. Короче, кое-как вогнал я эту дурь и усадил его на постель, а сам встал рядом, требуя, пока он не вырубился, рассказать, что здесь

произошло.

Ночью, он клянётся, что в дверь именно постучали. На пороге стоял белый волк, который поднявшись на дыбы, передними лапами ударил в грудь и повалил на пол, заставив на четвереньках проползти полдома и забиться в углу большой комнаты. Там, в темноте, видел только светящиеся глаза прямо перед собой и почувствовал, как на голову легла тяжёлая лапа. А вот дальше, пацаны, как говорится, у страха и глаза велики, тем более под кайфом. Начал такое нести, что на голову не оденешь. Говорит, что из глубины комнаты раздался голос, но не человеческий, а какой-то медленный басистый, протягивающий каждый слог, как на магнитофоне, когда плёнку зажевала, который произнёс только два слова: “Где-е таб-лет-ки?”

– Бред какой-то, – проговорил Башкир, – ладно, что дальше?

– Первая мысль, которая пришла к нему, что так его ещё никогда не пёрло, но удар лапой по голове и сжавшиеся когти на лысом черепе, подсказали, что всё происходит наяву. Кстати, следы от них на темечке остались. Он начал рассказывать, что лаборатория закрылась, и таблеток давно не было, поэтому сейчас сидит на “винте”. Потом сказал, что недаром ментов называют оборотнями в погонах, а когда я спросил, как ушли, ответил, что испарились. Затем он вырубился.

– Пурги, конечно, хватает, но и есть, о чём покумекать. Это всё? – Башкир явно был озадачен услышанной историей.

– Дальше я направился к окраине. Время раннее и хватало с головой. Решил посмотреть на поле, где они шли ночью. И вот, что интересно. На завод, как ты пояснил, они двигались классической стаей, а вот из города в лес возвращались цепью по одному на расстоянии метров пятнадцать друг от друга. Поверь, не ошибаюсь, это было чётко видно на влажной земле. Я несколько раз прошёлся и проверил. Можешь это объяснить?

– Цепью, говоришь, шли. Как в наступление? Хотя, нет. Они же возвращались. И что это значит? – вопрос был обращён к самому себе.

– Думай, тут здесь жираф большой, ему видней, – каламбур из песни Владимира Высоцкого заставил всех улыбнуться и разрядил обстановку, прогнав задумчивый фон, наполнивший комнату.

Эта шутка, как и положено, была настоящей, так как несла в себе долю правды. Башкир был выше всех в этой компании, и за всю свою жизнь ему приходилось несколько раз объяснять свой рост, отвечая на то, что тюрки бывают только маленькими. Его народ делится на два типа. Один, их большинство, напоминают монголов и называются степные башкиры, те, действительно, низкие, а второй, к которому относится он, это лесные. Именно они отличаются высоким ростом, более смелые и независимые. Он всегда гордился тем, что, будучи уроженцем Уфы, жил по соседству на одной улице с Юрием Шевчуком и поэтому в бардачке его машины

лежали компакт-диски, подписанные только тремя буквами ДДТ, а песня “Белая река” стала его гимном по жизни. Башкир часто рассказывал об этой реке, вспоминая, как после тренировок по боксу, ранним вечером, он легким кроссом бежал со стадиона “Динамо” на берег к железнодорожному мосту, окунуться в прохладной воде и отдохнуть. Ностальгия о городе детства и отрочества не была чужда ему. Тогда его называли только по имени, которым он очень гордится – Ильдар, означающее «правитель».

– Подойдем с другой стороны. Цепь выстраивают для прочёсывания района, чтобы ни одна мышь не проскочила. То же самое делают и в лесу. Значит, волки ищут того, кто находится на их территории, но не пойман ими. А там, – Башкир выкинул указательный палец в сторону леса, – есть только Лесник, больше никого. Из этого следует хорошая новость – он ещё жив и эти твари пока ничего ему не сделали.

– Ты не переоцениваешь этих собак?

– После сегодняшней ночи у тебя есть сомнения в их способностях? – вопросом на вопрос ответил Башкир.

– Как-то с трудом верится.

– Ничего не поделаешь, всё говорит только об этом.

– Кстати, совсем забыли о том типе, который Толяна замочил. Что думаешь по его поводу? Может он в лесу и волки ищут его.

– Вряд ли, если он там, Лесник нашёл бы его за это время, а на последней встрече он не сказал ни слова. Скорей всего,

его уже давно нет в городе. С двадцатью тысячами баксов можно залечь спокойно на дно далеко отсюда. Не поймали по горячему, а теперь, тем более поздно. Решим эти проблемы, а когда всё успокоится, кинем клич братве, может и срисуют его где-нибудь.

– Просто бесит, из-за него всё началось.

– Он тут не при делах, – рассудительно начал отвечать Башкир, – “центральные” при любом раскладе пытались бы отжать лабораторию. “Две пачки” за этим сюда и ехал. А сейчас, благодаря этому типу, их на одного меньше. Сказать честно, мне он уже не интересен.

– Ну, тогда, остался один вопрос? Когда на охоту пойдём, собачек пострелять, да, может и гранаты покидать. У нас их пол ящика осталось, штук десять, на всех хватит.

– Эти собачки сожрут тебя и даже не икнут. Честно, Боцман, ты мне иногда кажешься непуганым идиотом, – Башкир повысил голос, его начали нервировать эти вопросы, – головой подумай, гранату в лесу кидать! Чтоб она стукнулась об ветку или ствол и прилетела к тебе под зад. Ты нормальный? Оставим их здесь, я только парочку возьму на всякий случай. Может в берлогу придётся закинуть или в нору волчью.

– Да, не злись ты. Одичал я здесь на этой забытой Богом станции. Развеяться хочется..., тёлочек нет, так хоть взорвать что-нибудь.

– Проехали. И не забывай, нам ещё “центральных” надо будет встретить с “подарками”, поэтому в лес ничего лишне-

го из арсенала брать не будем. Короче, выдвинемся на поиски хижины Лесника завтра перед самым рассветом, уверен, он плотно засел в ней и эти твари не могут его достать. Но следить за сигнальной ракетой никто не отменял. Днём проверить машины и ещё раз всё оружие.

– Так точно, Башкир. С нами Бог и Андреевский флаг! – настроение Боцмана резко поднялось в предвкушении перезарядить свой праздничный автомат, – завтра дадим жизни!

Спустя пять минут комнату наполнил шелест тасующейся колоды карт: кто-то же должен был сбегать в магазин за аперитивом в виде водки и десертом в виде пива. Подходило время завтрака.

Глава 8. Атака

Мой сон был нарушен громким движением наверху. Вскинув руку, посмотрел на часы, нажав кнопку подсветки. Было одиннадцать часов вечера, то есть поспал всего не больше двух часов, но этого вполне хватало после не самого трудного дня в моей жизни. Поднявшись с постели, убрал книгу с пола и подошел к крышке подвала. Я застыл, вслушиваясь в происходящее и пытаюсь определить, что задумали волки. Уверенность, что ночь будет полна бодрящих захватывающих событий, полностью захватила и заставила организм начать выбрасывать в кровь первые порции адреналина. Лесник также проснулся и негромко окликнул:

– Что там, разведка? Наши друзья зашевелились?

– По-моему разбирают завал.

– Ну, я тогда ещё поваляюсь, – это было произнесено также спокойно, как когда-то хирург-травматолог сказал мне, отошедшему от наркоза, что у тебя всего лишь перелом коленной чашечки со смещением.

– Как нога, сосед? Скоро она тебе понадобится.

– Не могу похвастаться. Но ты не переживай, мешком не буду.

– Это радует. Отдыхай, а я начну готовиться к встрече.

Через три минуты весь керосин уже аккуратно стоял на полу в подвале рядом с кроватью. Волки, как сосед делаю-

щий ремонт, не стеснялись шуметь, и изредка нервно рыча друг на друга, растаскивали в стороны рухлядь, освобождая крышку подвала. Мельком глянув на шкаф, одиноко стоящий от прохода в бункер, я остановил на нём взгляд. Мысль, проскочившая мгновенно в виде сложного электрического импульса, сформированного нейтронами, мне очень понравилась. По своей высоте он был под самый потолок, а по ширине и длине практически полностью закрывал люк. Если поставить его прямо под проёмом в крыше подвала, то он станет отличным препятствием и неожиданным сюрпризом. Но самое главное, подарит ещё время, которого вскоре будет очень не хватать. Снова пришлось попотеть под тяжестью этого громоздкого старого толстостенного шкафа. Волки, уловив мою активность, ускорили темп, как по команде: “Бегом марш!” и вскоре остановились, завершив работу. Баррикада уже была установлена и, в резко наступившей тишине я слышал медленные уверенные грузные шаги. Никаких сомнений, это был Белый. Он когтями подцепил металлическую ручку, держа её в челюсти, приподнял люк и просунул лапу в образовавшуюся щель. Мне всё это было видно, так как шкаф оказался сантиметра на три меньше проёма по всему периметру. Вожак откинул крышку, и я с ухмылкой представил его взгляд, полный детского непонимания вызванный вопросом, что это такое. Всматриваясь в щель, даже не заметил, как в подвал вошёл Лесник.

– Слышал, как открылся люк, думаю, сейчас начнётся ки-

пеж, а тут тишина. Вот и вышел посмотреть.

– Решил бег с препятствиями им устроить.

– Хорошая идея, а шкаф в самый раз. Пойду, ещё посижу на спине, – опять в голосе только спокойствие, и опять я вспомнил своего врача.

Белый волк в отличие от моего соседа не был так невозмутим. Сначала он легко и резко, играя стакатто, с небольшими паузами стучал лапой по верху старомодного представителя корпусной мебели, словно боялся обжечься. Затем его удары потяжелели и глухим эхом стали отдаваться внутри шкафа. Вожак явно не знал, что делать. У него получалось просунуть полностью когти в щель, через которую я наблюдал, и зацепить край, но сил опрокинуть этот деревянный гроб явно не хватало. Он подуставший от бессмысленных попыток отошёл в сторону и на его место встал молодой волк. К этому времени я достал молоток из-под кровати и с огромным удовольствием, когда из просвета снова показались острые загнутые роговые образования кожного происхождения, нанёс сокрушительный удар по одному из них, сломав и вбив в плотную стенку шкафа. Казалось, что этот вой прозвучал на весь лес. Ещё бы, вы слышали когда-нибудь истерику женщины, которой сломали ноготь? Сейчас не было никакой разницы.

На этот вопль не мог не отреагировать Лесник:

– Слышь, разведка. Не вижу, что ты там сделал, но думаю после этого, они убьют тебя первым.

– Мне нравится твой позитив, – и мы оба рассмеялись под утихающий вой раненого зверя наверху.

Я присел на кровать, исподлобья продолжая смотреть наверх. Молодой волк покинул хижину и сейчас зализывал лапу на улице с одной только мыслью, что его никто не просил засовывать её туда. Юношеский максимализм не чужд и лесным хищникам. Как же хотелось сделать то, что не смог вожак и подняться в глазах стаи на небывалый для него уровень. А теперь, все увидели его ужас и боль, которую он не смог перенести, как подобает авторитету в волчьем семействе, показав слабость. Мечты в будущем стать королём своего мира рушились на глазах. В какой-то момент казалось, что он заплачет от досады. Боль проходила, унося с собой жалость к себе и всё его нутро снова начала наполнять решимость. Хвост, вяло лежавший на земле, зашевелился и его конец начал монотонно бить по опавшим листьям. Юный волк смотрел на дверь хижины, а глаза наполнялись жадной доказательностью, что всё произошедшее было недоразумением. Он уже представлял, как оттеснив остальных, первым спрыгнет в подвал и убийственной хваткой вцепиться в своего обидчика, выдергивая из него куски свежего мяса и внутренностей. Как он будет победоносно стоять над распластанным телом, не подпуска к нему никого. Как вожак уважительно будет смотреть со стороны, с пониманием того, что трон под ним зашатался. И с какой гордой походкой, когда всё закончится, будет уходить, не обращая ни на кого внимания, под

откровенный взгляд одной молодой самки, готовой стать его верной попутчицей на всю жизнь. И теперь дозами таблеток будет командовать он, а значит и всей сворой. В нём с новой силой забурился животный инстинкт хищника, ослепляя и незаметно закрывая завесой чувство самосохранения.

Из стаи никто не знал, куда ушёл вожак и что он задумал, а без него право принять на себя командование отсутствовало априори, поэтому волки разошлись по двору в поисках местечка для небольшого отдыха. Только пара самцов-охранников осталась в доме, расположившись около проёма.

Я зашёл в бункер и на немой вопросительный взгляд Лесника, стараясь сохранять полную безмятежность, ответил:

– Первая атака захлебнулась. Зверьё зализывает раны и думает, что делать дальше. Поэтому и мы покурим.

– Чтобы ты сделал на месте этих собак? – в прищуренных глазах просматривалось полное внимание.

– Не думал об этом.... Наверно, начал бы рыть подкоп. Хотя, толку от него много не будет. Даже если они доберутся до подвала, то стоит пристрелить первого, как только появится его морда и пробка в тоннеле обеспечена.

– Они протолкнут его.

– Не факт. Перевернём на бок кровать, прислоним к норе, и всё. Из этого трупя получится плохое стенобитное оружие, да и разбежаться, места нет. Придётся вытаскивать его только наверх, а это слишком много сил. Короче, думаю подкоп – затратное дело для них. Значит, если они думают, как

я, то сюда наиболее реально попасть только через верх, но для этого надо свалить шкаф, на который силёнок не хватает. Вот как-то так.

– Говоришь, только свалить шкаф. Зная Белого, это тварь что-нибудь придумает. Я даже скажу больше, он уже придумал, и сейчас этим занимается.

– Никак не могу свыкнуться с мыслью, что он настолько умён.

– А пора бы уже. У меня было то же самое и теперь, кто в лесу сейчас я, и кто он? – в голосе Лесника чувствовалось не поражение, а неприятие к самому себе за допущенное заблуждение. – О чём мысли кидаешь, разведка?

– Мысли, это много, а так только одна. Но для волков она мне кажется невероятной. Я бы засунул в щель крепкую палку или арматуру и использовал, как рычаг, чтобы опрокинуть шкаф. Но у меня есть руки, а лапы у них явно не предназначены для захвата. Другого способа не вижу, как это сделать сверху.

– Ну что же, поживём, увидим. А пока есть время, наложи мне новую повязку, да потуже.

Он снова прилёг, а я встал у входа в коридор, стараясь уловить любое мельчайшее движение. Очень не хотелось пропустить начало абордажа. Тишина и предчувствие скорой схватки начали напрягать не только меня, но и Лесника, как бы он не старался придать своему лицу отрешенный от каких-либо проблем вид. Он заговорил первый, наполнив

блеклый свет бункера шепотом хриплого голоса.

– Разведка, когда всё закончится, если, конечно, мы застанем это радостное событие живыми, нет желания заняться делами? Тебе же нечего терять. Что тебе делать в этом городе?

– Не думал об этом, но скорее нет, чем да. Криминал это не моё, он весь построен на наживе, а у меня обостренное чувство справедливости.

– Как может быть чувство того, чего нет? Это самообман. Согласен?

– Здесь не буду спорить, но благодаря нему, я всегда честен перед самим собой. А с этим мне легче жить.

– Знаешь, твои поступки настоящего мужчины, а размышляешь до сих пор, как юнец, не повидавший в этой жизни предательства и зла. Или ты всё умеешь прощать, что на тебя не похоже, или ты наивен, как бубен, или эта дрянь ещё не появилась в твоей жизни, а без неё никуда.

– Не то, и не другое, и не третье, Лесник. Есть ещё такие понятия, как воспитание и достоинство, но у каждого они разные вместе с отпечатками пальцев.

– Расскажу тебе одну историю. Случилось это давно, но сути не меняет. Жил один парень и любил одну девчонку, из такой же, как у него, обычной рабочей семьи. Она тоже отвечала взаимностью. Как и у тебя, для него этот мир стоял на трёх китах – справедливость, честь и чистота во всём, что ты делаешь. Всё, что он вытворял с друзьями в школе и во

дворе, никогда не несло зло. Шухарили безобидно от скуки, чтоб хоть чем-то время прибить. В таком возрасте домой не загонишь. Но на их пути стал её отец со своим одноклассником, директором мясокомбината, в то время, очень уважаемый и богатый человек, сын которого положил глаз на эту девочку. Её отец очень жаждал этого союза, всеми силами пытаюсь помешать их встречам и прогулкам по аллеям города, постоянно ища повод. Он признавал в семье только своё мнение и очень бесился, если кто-то возражал, поэтому никто не хотел идти против его слов. Такой себе был неполноценный тиран. А этот мажор всё чаще стал приходиться в гости вместе с отцом, типа друг семьи. Мать оставалась молчаливым свидетелем происходящего, хотя прекрасно всё понимала. Она привыкла так жить уже давно, зная, что муж всё равно никого слушать не будет, это лишь только лишние нервы трёпки. И вот когда ей было семнадцать лет, на день рождения отца пришёл его друг с сыном, поэтому погулять вместе в этот пятничный вечер у возлюбленных не получилось. И они договорились, что завтра с утра он зайдет за ней, они пойдут на озеро, пока солнце не начало припекать.

В девять утра парень стоял около двери в её квартиру и нажал на звонок. Дверь открыл отец, явно не отошедший от вчерашнего застолья и довольно нагло сказал: «А, это ты. Заходи, можешь не разуваться». Он провёл его в комнату дочери и приоткрыл дверь. Она спала обнаженная в объятиях этого мажора. «Босяк, забудь её. Она нашла себе нормаль-

ного жениха, а ты ищи другую. Под стать себе».

Через неделю они отыграли свадьбу с огромным размахом и она на следующий день переехала жить на другой край города.

– Я так понимаю, этот парень, это ты.

– Да. Девочку, которую я любил, стала для меня грязной. И вот тогда мой мир начал рушиться. Киты, на которых он стоял, расплылись к чёртовой матери в разные стороны. Но это не конец истории, слушай, что было дальше. Спустя недели две после свадьбы я случайно встретил её мать, которая очень добро поздоровалась со мной и предложила поговорить. Мы присели на одной из лавочек в ближайшем дворе и она рассказала, что произошло в тот вечер. Отец незаметно подливал ей водку в шампанское, когда по его просьбе дочь уходила на кухню подрезать хлеба или ещё что-нибудь и принести к столу. Через некоторое время её начало вырубать, и он сказал матери отвести в комнату уложить спать. Как оказалось, друг сделал ещё один подарок, заказав столик в центральном ресторане города за свой счёт на восемь часов вечера и, они начала собираться, чтобы продолжить гуляние и потанцевать под живую музыку. А сынок изъявил желание остаться под благородным предлогом, что надо присмотреть за ней, вдруг с непривычки станет плохо. Мать хотела остаться сама, но перечить мужу было бессмысленно, тем более, в его день рождения.

Когда они вернулись, она сразу хотела пойти в комнату к

дочери, но отец схватил её за руку и с ухмылкой сказал, что рано мы пришли, не стоит мешать молодым. И вот только тогда поняла, что всё было продумано заранее. Она просидела всю ночь на кухне и слышала, когда утром зашёл я. Первые три дня дочь рыдала в своей комнате, а его друг уже решал все предсвадебные хлопоты. А эта тварь, которая отец, был абсолютно спокоен, постоянно приговаривая, что время пройдет, и она еще скажет спасибо. После этого разговора осталось двоякое ощущение. С одной стороны стало легче, она снова была чистой для меня, с другой, я чувствовал, как ненависть к её отцу закипает со всей силой, заставляя дрожать тело.

Через месяц начинался осенний призыв, и я должен был уходить в армию. Мой мир менялся с каждым днём и место трёх китов заняли три касатки: не верь, не бойся, не проси. Теперь точно знал одно, что спасибо от неё он не услышит никогда. В один из вечеров я дождался его, возвращающегося, как всегда слегка пьяного, после второй смены и, выйдя на встречу в темном подъезде, без всяких слов, ударил его ножом в бок, чуть ниже рёбер. Он всё понял, даже сквозь хрип сказал что-то нечленораздельное. Я стоял и в падающем с верхнего этажа тусклом свете, смотрел на него, скорчившегося на бетонном полу. Минуты через три всё было кончено.

За мной пришли под утро и уже через две недели, услышал приговор – 103-я статья, от трёх до десяти, мне дали

максимальный срок, его друг постарался. Отличный шанс избавиться от меня надолго. Вот так был выбран мой жизненный путь, о чём, кстати, не жалею, даже вернув время назад, сделал бы это снова. Поэтому, разведка, такое понятие, как достоинство мне не чуждо и оно ничем не меньше и не хуже твоего. Вот как-то так получается.

Я молчал, даже не представляя, чтобы сделал бы на его месте. На убийство, наверно, не пошел, но с другой стороны оставить всё, как есть, стало бы унижением самого себя и пришлось бы с этим жить, постоянно ощущая себя неудачником и ничтожеством. У людей, которые умеют жалеть себя, это получилось бы легко, но те, у кого с детства слёзы на лице появлялись только от невыносимой физической боли после жесткого перелома или другой травмы, не способны на это. Мужчина по-настоящему твёрд только тогда, когда его жесткость направлена в первую очередь к себе, а уже только потом к окружающим. То, что ты хочешь от других, вначале бери с себя.

Да, за нож я бы не взялся, но хороший плотный прямой удар в нос, скорей всего, нашёл бы своё место и мог закончиться тем же этапом в исправительно-трудовую колонию, но с меньшим сроком. А значит, разницы никакой. Либо ты с достоинством, и видишь только ржавую колючую проволоку с такими же решётками, либо без него и, стараясь всё забыть, сидишь на берегу, и смотришь, как озёрная вода играет с твоим поплавком. Третьего не дано.

– Есть о чём покумекать. Я прав, разведка? – видя мою задумчивость, игриво спросил Лесник.

– Да, история явно не с хеппи-эндом.

– Поэтому это жизнь, а не кино. Здесь всё без прикрас.

– Ты видел её потом, когда освободился?

– В этом не было никакого смысла. Я наводил кое-какие справки, еще, будучи на зоне. У неё двое детей и она живет с ним. Моё появление не сделало бы ей жизнь лучше, да и не надо было этого. Моя дорожка уже никак не пересекалась с семейными отношениями.

Я не заметил, как пролетело около часа. Раздавшаяся тяжелая поступь наверху в одно мгновение вернула ощущение близкой смертельной опасности, и снова адреналин стал закачиваться в ускоряющую своё движение кровь. Эти шаги явно не принадлежали волкам.

– Кто это? – шёпотом спросил я.

– Тяжелая артиллерия, – Лесник пристально вглядывался в потолок, – не предполагал? Да и я не додумался.

– Ты хочешь сказать, они привели медведя?

– Да, теперь понимаешь, насколько Белый умнее, чем мы думаем. Наливай керосин в свой тазик, готовь ловушку, а я постараюсь удержать шкаф, чтобы не опрокинул.

– Лесник, может, я его пристрелю? Думаю, легко попаду через щель.

– С Макара на него надо будет выпустить всю оставшуюся обойму, и то не уверен, что поможет. Одной пулей ты его не

возьмешь, но задержать получится.

Подвал наполнился едким запахом керосина, что только завело косолапого. Сверху по шкафу стали наноситься мощные удары лапой, даже было слышно, как когти впиваются в толстую древесину и вырывают небольшие её куски. С методичностью пневмомолота медведь пытался пробить верхнюю доску, но ударов через десять его остановили. В возникшей тишине чётко было слышен непонятный тихий рычащий говор, как будто ему объясняли, что надо делать и как, а он внимательно слушал. От этого становилось слегка жутковато и рука, уже по привычке, дабы унять тревогу, произвольно достала пистолет. Огненная ловушка была готова, оставалось только поджечь и раскидать на полу под ней завязанные на узел куски тряпок, пропитанных горячей смесью жидких углеводородов, уныло лежавших на металлической сетке кровати в ожидании своей участи быть спаленными, словно отряд приговоренных кукольных ведьм. Матрас я положил на пол посреди подвала и облил оставшимся керосином по инерции, не зная, как он горит, но думая, хуже не будет. Медведь явно прислушался к тому, что ему нашептали по поводу новой тактики и лапа бурого, в отличие от волчьей, стала с трудом протискиваться в щель. Опрокинуть баррикаду для него не было большой проблемой, главное цепко захватить когтями верхний угол. Когда это получилось и шкаф начал медленно наклоняться, Лесник упёрся всем телом на стенку, а я подошел со стороны увеличиваю-

щегося просвета и, в секунду определив положение тела, нажал на курок. Патроны просохли, и выстрел в подвале прозвучал, как раскат грома.

– Разведка! Твою мать, предупреждать надо. Так и до контузии не далеко, – в возмущённом голосе напарника были слышны нотки веселья, как у человека, которому после долгого простоя резко пришлось заняться трудным, но любимым делом.

Пуля достигла цели и медведь, не понимающий, что произошло, вытащил лапу назад. Только через пару секунд он ощутил неприятное наличие чужеродного маленького тела внутри себя и это обстоятельство разъярило. Стены хижины готовы были рухнуть от его яростного рёва, вызванного не болью, а гневом, в его жизни ещё никогда и никто не посмел пойти против него, тем более попытаться остановить.

– Лесник! Ставь лестницу в бункере, а я их встречу. Клиент готов. Они злые, как цепные псы, то, что надо.

– Давно никто не давал мне команды, – он дружески хлопнул меня по плечу и, стараясь не хромать, исчез в коридоре.

Я методично начал подпаливать тряпки и раскидывать их на пол под ловушкой, бросая взгляд наверх. Стоило только затихнуть медвежьему крику, как в щель с ожесточением просунулись уже две лапы с обнажёнными когтями, которые начали ощупывать деревянный угол для более надёжного захвата. Ещё чуть-чуть и он опрокинет шкаф. Мне тоже осталось совсем немного – подпалить завязанную на три

узла простыню, которая уже лежала перед входом в коридор и занять позицию у двери в бункер в ожидании появления этих зверей, что было сделано незамедлительно. Матрас решил не подпаливать, считая, что это непроизвольно сделают пылающие волки в дымовой завесе от брошенной шашки. Будет ещё один сюрприз.

В приглушённом свете лампочки, которая на удивление осталась целой после зажатой стенами звуковой волны выстрела, маленькие огоньки горящих тряпочек на полу выглядели так, словно место тайных ритуалов непонятных сект. Есть в этом что-то завораживающее, но мой сегодняшний обряд под названием «Сгорите, твари» до начала которого оставались считанные минуты, вряд ли был бы столь притягательным, разве что, только смотреть со стороны, не принимая в нём никакого участия. Я повернулся заглянуть в бункер, узнать всё ли получается, как раздался грохот падающего набок шкафа. Медведь сделал своё дело и отступил, освобождая путь серой пехоте.

Первым прыгнул молодой волк, которого я сразу узнал по оставшемуся огрызку когтя от удара молотком. Рвение в бой и его желание стать сегодня лучшим из лучших выпирало наружу. Быстро обведя взглядом окружающую незнакомую обстановку он остановил глаза на темном проеме коридора, вход которого освещала горящая на полу простыня. Звериный инстинкт внутри его кричал во весь голос о приближающейся смертельной опасности, но ощущение близости

сти обидчика и молодая самоуверенность откинула в сторону восставшее чувство самосохранения. Он подошел к огню, и только в этот момент маленькая капля сомнения залезла в мысли, заставив задуматься о правильности выбранного решения идти напролом через пламя. Эта же капля испарилась в тоже мгновение, когда сзади спрыгнул следующий волк. Нет, сегодня он лидер, он герой, и слава победы будет полностью принадлежать только ему. Никаких компаньонов!

Прыжок, несмотря на то, что был с места, оказался весьма высоким и язычки костра лишь вскользь облизили его живот, не причинив никакого дискомфорта. Наши глаза встретились ещё до приземления. Если быть честным, то его бросок через огонь выглядел потрясающе красиво. Густая молодая шерсть, ещё не потерявшая глубину окраса, стоящие твёрдо прямые уши, демонстрирующие уверенность и полный контроль, оскал с белым частоколом идеально здоровых зубов заканчивающийся острыми башнями клыков, разбавленный красным цветом дёсен и языка – всё это достойно было остаться на холсте какого-нибудь знаменитого художника-анималиста, вроде Роберта Бейтмана. Отдельного внимания заслуживали его глаза. Зрачки чёрными сфокусированными точками напоминали холодные, ещё не разогретые выстрелом, стволы двух танков, смотрящих на тебя со спокойствием палача, занёсшего топор над головой, которые, захватив цель, уже не потеряют её благодаря системе стабилизации, как бы ни менялось положение башни. А болот-

ный цвет радужной оболочки придавал им живой окрас поля битвы и чёткое понимание поставленной боевой задачи. Не знаю, что он видел в моих глазах, но это никак не отразилось на его действиях. Для него я был приговоренным умереть в самых страшных муках.

Он приземлился на передние лапы, которые мягко отработали, словно гидравлические амортизаторы и только теперь его взгляд оторвался от меня. Молодой волк медленно переводил его с одного горящего куска тряпки на другой, задаваясь лишь одним вопросом, неужели этот глупый двуногий сможет меня остановить этим, после того, как я перепрыгнул огонь? Глаза снова взмыли и взяли меня в прицел. Через секунду он готов был начать атаку, но только теперь его внимание обратилось на мою руку, от пальцев которой уходил верх натянутый провод. Голова серого медленно начала сопровождать его, задираясь всё выше, и остановилась в высоко поднятом положении, словно он готов был завывать на луну. Только вместо вечного спутника над ним висела деревянная полка. Лучшего момента захлопнуть огненную ловушку уже бы не было. Я слышал, как в подвал спрыгнуло ещё два волка. Резко дёрнул провод и освободил ближний ко мне край доски от поддерживающей проволоки, найдя работу притяжению матушки Земли. Волк непонимающе смотрел, словно замороженный, даже не пытаясь отскочить в сторону. Он ожидал падение этой конструкции на себя, но никак не рассчитывал принять керосиновый душ. Когда пер-

вые капли попали на его морду, она мгновенно скорчилась от неприятного запаха, а через мгновение надела маску панического трепета. Сквозь вспыхнувшие на метр языки пламени я увидел в его глазах одновременно то, что он никогда не чувствовал. Это был нескрываемый ужас и понимание неизбежного конца. Волк, как будто сдавшись на волю судьбы, стоял на месте и горел, словно чучело, которое подожгли ради забавы непоседливые дети. Боль ещё не затмила разум, и он в последний раз снова достал свои мечты о главенстве в стае, желанной волчице, уважение и страхе перед ним обитателей леса.... А огонь продолжал хладнокровно поедать эти грёзы своими ненасытными языками. Мне даже показалось, что вижу, как испаряются его слёзы. Наконец-то мозг молодого волка отключился, отдав тело полностью во власть нервных окончаний. Он в припадке болевого шока, резко развернувшись на месте, рванул через костёр назад в подвал, неся с собой панику и омерзительный запах горячей шерсти. Следом за ним полетела приготовленная дымовая шашка, сыгравшая мощную коду моего представления.

Я плотно закрыл дверь в бункер, посмотрел на Лесника, который стоял рядом с выставленной лестницей, держась за неё одной рукой, и не мог удержать удовлетворенную улыбку.

– Я так понимаю, разведка, всё прошло хорошо?

– Даже лучше, – то, что я был довольным самим собой, не

сказать ничего.

– Да, всё-таки не любишь ты животных. Давай линять уже отсюда, надоело мне это всё и этот лес.

Несмотря на то, что дверь прилегалась плотно, небольшие клубы дыма понемногу проникали в бункер, словно кто-то с той стороны выдыхал в щель очередную затяжку сигареты. Мирно стелясь по затхлому воздуху, они не вписывались в сопровождаемый их аккомпанемент из доносящихся за дверью звуков. Сначала это был хаотичный лай плавно переходящий в истошный вой с трагическими нотами стога. Как же мне хотелось посмотреть происходящее в подвале! Моё воображение рисовало картину, на которой любой цензор поставил бы печать “не для слабонервных людей”. Я видел, как задыхаясь в дыму, дикие псы, в панике толкаясь, поджигали друг друга, подпрыгивая на месте в бессмысленных попытках выскочить наверх, как начал пылать лежащий на боку шкаф и в воздух взлетели, наполнив весь подвал, горящие перья матраса. Как навсегда закрылись глаза молодого волка и в этом хаосе уже никто не видел его, наступая лапами на прильнувшую к бетонному полу некогда гордую морду.

– Что задумался, боец?

– Представляю это мучительное зрелище.

– Женский этап – вот мучительное зрелище, а это так, шашлык из собак. Давай, двигайся!

Я поднялся на лестницу и толкнул люк руками. С тем же успехом, мог проделать это со стеной – он не пошевелился.

Это не стало сюрпризом, за столько лет слой земли и ржавчина сделали своё дело, поэтому специально для такого случая мною была отложена небольшая кувалда из ящика с инструментами, которую сразу же подал Лесник. Каждый удар растряхивал понемногу спрессованную наверху землю и люк уже начал шевелиться, слегка отрываясь от насиженного места. На шестом ударе он подпрыгнул и впустил небольшую дозу воздуха снаружи. Кувалда хороший инструмент и убийственное оружие, но в дальнейшей транспортировке была бы лишней неудобной ношей, поэтому пришлось её откинуть. Я упёрся руками, и теперь люк с тихим скрежетом начал медленно подниматься навстречу темени лесной ночи, постоянно требуя ещё больших физических усилий. С этим недостатка не было, и вскоре я увидел приветливый свет звёзд на небе. Пистолет, уже в который раз привычно оказался в моей руке, и аккуратно осматриваясь вокруг, начал свой выход наверх.

Присев на одно колено, я с огромным удовольствием вдохнул глоток свежего воздуха, и тихо сказал, хотя в шуме происходящего за домом в этом не было большой потребности:

– Чисто.

Из щелей хижины поднимался голубоватый дым, а на другой стороне слышался лай. Оставшиеся наверху волки отчаянно пытались войти в дом на помощь к своим сородичам, попавшим в ловушку, но страх перед огненным смогом, ко-

торый уже полностью охватил всё внутри, останавливал их, принуждая в нервах, стоя на месте, стучать по земле передними лапами. Предсмертные стоны боли из подвала становились реже и тише, а лай товарищей начал перерастать в резкий вой. Они точно знали, четверых самых смелых сегодня уже не досчитаются.

Тогда я не знал, что для медведя эта ночь тоже оказалась последней. Ранение от моего выстрела было летальным. Пуля попала ему в шею, перебив основные кровяные сосуды и после того, как опрокинул шкаф и освободил проём, он ушёл недалеко в лес, истекая кровью. Смерть, прогулявшись по подвалу, на обратном пути навестила его, игриво потрепав за уши, и осталась переночевать в лесу.

Языки пламени начали просачиваться наружу, со старательным удовольствием поедая старые, слегка влажные после долгих дождливых дней, брёвна хижины и предательски расширяя площадь освещения территории вокруг. сосед поднялся наверх с надетым на голове прибором ночного видения и достал сигнальную ракетницу.

– Дам маяк пацанам. Помощь нам не помешает.

Мягкий хлопок, и красный огненный шар взмыл высоко в небо, привлекая к себе внимание волков, которые сразу перестали выть, уставившись на невиданный доселе объект. И лишь Белый понял причинно-следственную связь его появления. Как только мы скрылись в искусственном частокле из боярышника, он единственный вышел за дом и сразу об-

наружил закрытый мною люк перед отходом. Затаившись в темноте, сквозь ветки кустов я отлично наблюдал его в дергающихся тенях набирающего свою силу пожара. Он обнюхал землю, затем поднял морду и пристально посмотрел в нашу сторону. Всё-таки взгляд волка это нечто особенное – ты можешь его не видеть, но поневоле чувствуешь этот пронизывающий насквозь холод, который сковывает бег крови по венам и при этом одновременно заставляет сердце биться так, что чётко слышишь его ритмичный учащенный стук в голове.

Стоило нам стать недостижимыми для света от пожара, как я осознал, что дальнейшее продвижение в глубину леса будет, как минимум, очень затруднительно. Тьма, ставшая глухой стеной, безжалостно ослепляла своей беспроглядной пустотой, в которой со всех сторон, словно щупальца огромных пауков, тебя пытались схватить колючие ветки деревьев. От фонарика-динамо в этой обстановке толку было бы не больше, чем от парика для ёжика. Даже наоборот, его жужжание с малополезным прерывистым ближним светом выдавало бы нас на всеобщее обозрение для ставшей очень недружелюбной стаи волков, у которой и в мыслях не было пожелать спокойной ночи.

План выхода из леса надо было менять на месте. Ночная чаща способна дезориентировать любого и обязательно это сделает, несмотря на его подготовку. Продвижение было возможно лишь при одном условии, если тебя не преследуют.

А когда на хвосте скоро будут сидеть с десятков клыкастых челюстей, знающих вслепую каждую тропу, то выход только один – снова занимать оборону и всеми силами выдержать её до появления первых лучей солнца, лишь тогда можно думать о путях отступления. Эволюция, подарив человеку мозги, лишила его дружбы с темнотой, компенсировав это знанием по добыче огня.

Глава 9. Засада

Башкир не мог уснуть, как не пытался хоть на часок посетить владения Морфея. Днём было проверено, почищено и смазано всё оружие. Машины в ангаре депо, словно боевые кони породы английских шайров, готовы были в любой момент рвануть в бой. Моральный дух всей компании также был на высоте, но чутьё, редко подводившее его, подскребывало чувством тревоги.

Он подошёл к окну и, встав за спиной наблюдающего, уставился в сторону леса, спрятанного за шторами ночи.

– Иди, вздремни, я подежурю. Сегодня нам..., – предложение Башкира оборвал стремительно взмывающий ввысь далеко в небе шар искусственного красного цвета, который при наборе высоты становился всё медленнее, а затем, израсходовав приложенную к нему энергию, остановился и медленно угасая начал своё падение.

От неожиданности он замолчал и, лишь только тусклый свет звёзд снова стал одиноким на небосклоне, громко хлопнул в ладони.

– Рота, подъём! – резкий окрик заставил всех мгновенно открыть глаза, и Башкир, окинув взглядом зашевелившиеся силуэты, тихо добавил. – Это Лесник. На сборы пять минут. Боцман и Лысый, давайте в ангар, укладывайте поддоны на рельсы, будем выезжать.

– Есть, мой фюрер! – в глазах Бощмана блеснула юношеское хулиганское озорство, от которого с годами он так и не сумел избавиться. – Последний раз я так отвечал своему директору школы, когда он говорил привести родителей в школу.

Дружный смех никоим образом не повлиял на заданный темп приготовлений к вояжу и через триста секунд из ангара медленно, вальяжно перекачиваясь из стороны в сторону, тихо урча, начали своё движение два чёрных больших джипа.

Ближний свет фар ложился на просёлочную дорогу, выхватывая из темноты деревья и небольшие заросли на обочине. В салоне ведущей машины, не напрягая слух, звучал слегка хриловатый баритон Юрия Шевчука, ведавший о том, как “уходят в последнюю осень поэты и их не вернуть – заколочены ставни”. Постоянные ухабы не давали возможность поднимать стрелку на тахометре, озадачивая коробку передач, и поэтому машины держали непривычную для себя крейсерскую скорость около 30 километров в час. Справа, с такой же скоростью, только в обратную сторону за ветровым окном убегали последние дома города, некоторые из которых уже давно были заброшены.

Дорога за эти пару лет была изучена хорошо и не изменила рельеф, редко принимая на свои колеи одиноких, и поэтому всегда подозрительных, представителей советского автопрома, обладателями которых были некоторые местные жители.

Впереди был небольшой поворот направо, видимость которого закрывали заросли дикорастущего кустарника, вот после него можно было прибавить газу – на этом участке дорога до леса была приемлемой. Башкир мягко начал выполнять небольшое круговое движение рулём, готовым через секунду включить повышенную передачу и придавить педаль, как в лучах света фар он увидел стоящий прямо перед ним поперёк дороги со съеденными ржавчиной крыльями “Москвич 412”. За последние дни чувство приближающейся опасности было обострено настолько, что в его голове даже не мелькнула мысль ударить по тормозам и остановиться.

– Пригнулись! – резкий крик Башкира не требовал возражений.

Он вывернул руль дальше вправо и заставил акселератор увеличить количество поступающего топлива в цилиндры двигателя внутреннего сгорания. Двухтонный джип, съехав с дороги, направился прямо на высокие кустарники, заставляя их прогибаться под массивным “кенгурятником” давящий мощью табуна из 170-и лошадей, выведенных в Японии. Изначально это показалось безрассудным действием, но короткая автоматная очередь по лобовому стеклу, сделанная в упор, подтвердила правильность маневра. И в тот же момент раздался удар по капоту. Башкир приподнял голову и увидел, как, оставив вмятину на нём, сползал вниз под бампер стрелок. Он не слышал хруст его костей, но чувствовал, как переднее левое колесо машины, словно мощная мясорубка,

без особых усилий, лишь слегка оторвавшись от земли, перемололо тело, оставив заднему на слёзы только раздавленное месиво, которое оно уже не заметило, сравнивая лишившуюся рёбер жёсткости, мягкую мёртвую плоть с землёй.

За рулём второй машины находился Бецман, который мгновенно среагировал на изворот впереди идущей и также вывернул руль, только в обратную сторону, выехав на поле. Большое количество сорняка не давало возможности джипу завязнуть во влажной земле, и он устремился прямо в бывшую ниву, успешно скрываясь в ночной тьме от прицелов автоматов.

Следующий град пуль, ударивший сбоку и сзади, недвусмысленно намекал Башкиру снова пригнуться. Но даже в этом положении он сумел вырулить назад на дорогу и только, когда почувствовал её, выровнял машину, в секунды увеличивая расстояние от места засады. Выстрелы нападавших уже больше напоминали салют холостыми патронами почетного эскорта на военных похоронах. Никакого урона, только свист покрытых медной оболочкой изделий из мягкой стали, говорил об отличии с данным ритуалом. Башкир поднял голову и, вывернув машину на обочину, резко остановился. Пусть была и не самая высокая степень бронирования кузова, но своё дело она выполнила, как минимум, на “хорошо”. Ни одной царапины на телах, ни одной капли крови, лишь только яростное желание нанести “ответку”. Четыре двери одновременно открылись и такое же количество силуэтов,

пригнувшись, разбежались от машины по разные стороны, приняв лежачее положение на земле в ожидании команды.

Тут же Башкир услышал, как заглушился звук двигателя второй машины в поле и, поняв, что с остальными тоже всё в порядке, решил вспомнить некоторые навыки из воинской службы. Ещё там, в армии, он снискал уважение офицеров и сослуживцев, метая осколочную гранату на 70 метров и при этом всегда умудряясь попасть в заданный квадрат (несколько лет занятий боксом не были даром). И хоть с тех пор прошло немало времени, память, особенно в такой обстановке, всецело восстановило каждое сокращение мышц, каждое движение, каждый рывок. Находившимся в засаде не было никакого резона тратить патроны, выпуская их бессмысленно в тёмную бездну осенней ночи и судя, по всему, они заняли оборонительную позицию, отдав свой ход противнику.

Башкир вышел на дорогу и несколько секунд вглядывался в сторону поворота, где их ожидали, просчитывая своим мозгом координаты и силу броска. Небольшой разбег, замах, скрестный шаг и предмет, названный в честь безобидного фрукта, но несущий смертельную опасность, взмыл в воздух. Он сразу залёг в небольшую канаву на обочине и пока происходил этот непродолжительный полёт, правая рука достала, зажав крепко пальцами вторую гранату. Глухой раскат с поднявшимся белым облаком дыма показало, что расчёт был идеально точным и это сразу подтвердили разрезавшие темноту крики боли от полученных ранений. Второй бросок не

требовал корректировок, и после повторного взрыва наступила тишина.

– Добьём этих гадов, – отправив короткую очередь для поддержки отсутствия желания поднимать голову у оставшихся в живых, Башкир короткими перебежками, выплёвывая из ствола две-три пули, по обочине бросился в сторону засады, приглашая остальных совершить этот короткий осенний биатлон по пересеченной местности.

Боцман прекрасно понял его план и, зная, что гранат больше нет, поднял свою группу и также решительно рванулся к противнику, не забывая посылать впереди себя несколько маленьких с заостренными наконечниками изделий военно-промышленного комплекса. Не надо было быть сильным тактиком, чтобы знать – после артподготовки, только наступление, ибо в ней пропадает весь смысл. Перекрестный огонь, ставшим популярным в Первую мировую войну не утратил своей практичности, отбивая у врага волю к ответным атакующим действиям.

Со стороны засады не было не единого выстрела, что в глубине души напрягало Башкира. Это могло быть только по двум причинам. Первая, и самая маловероятная, все погибли после взрывов гранат, а вторая, оставшиеся невредимыми или с небольшими ранениями, отступили. Он всегда считал, что в таких ситуациях оставлять в живых, это создать себе проблему на будущее. Башкир обошёл машину, перекрывшую им дорогу, кузов которой с одной стороны был по-

бит шрапнелью, но стекла, на удивление, остались целыми, до максимума обострив слух и зрение, которым могли бы позавидовать многие. Ещё не исчезнувшее в генах звериное чутьё подсказывало, что здесь никого нет. Он снял с пояса полицейский фонарик и включил его, то же самое сделали и другие – посещение ночного леса без источников света не было бы хорошей идеей.

– Боцман и Белый, прочесать лесополосу за кустарником и оставайтесь там, на стрёме, пока не позову, к домам не приближаться. А мы здесь всё облюбруем.

– За что уважаю тебя, так это за чёткость команд. Выполняем, – и, кинув взгляд на небольшую воронку, Боцман не удержался от улыбки и с наигранным упрёком, нравоучительным тоном, добавил, – а я говорил, больше гранат надо было брать. Что теперь волкам в логово кидать будем? Фонариками забросаем?

Башкир не успел подобрать на эту реплику жесткое колкое слово, как Боцман, вытянувшись по стойке смирно, определил его вопросом по делу:

– Разрешите выполнять? – и, увидев испепеляющий взгляд бригадира, сам себе ответил. – Так точно! Есть!

Лучи фонариков забегали в разные стороны. Башкир сразу направился к колее проложенной им среди кустарника, в поисках стрелка, прокатившегося на капоте. Это не заняло много времени. Выражаясь медицинским языком, у него была тупая травма грудной клетки несовместимая с жизнью, а

если сказать проще, он попал под пресс. Навскидку ему было лет двадцать или чуть больше, хотя застывшее и перекошенное от боли лицо, стремительно прибавляло возраст. У кого-то эта картина вызвала бы рвотный рефлекс, но для Башкира в ней не было ничего сверхотвратительного. Он присел над трупом и начал проверять карманы короткой кожаной куртки ради праздного интереса. Его мало волновало личность погибшего, но вдруг попадётся что-то заслуживающего внимания. Как, и ожидал, ничего интересного: дешёвый мобильный телефон, ключи, пачка сигарет с вложенной внутри зажигалкой, мелкие купюры. Это был представитель из той низшей категории уголовной братии, которой с лихвой хватало для счастья иметь возможность пострелять с автомата и потом, считая себя уже великим гангстером, рассказывать с решительным угрюмым лицом молодым девочкам о криминальных разборках. На завтра такое мясо забывают, и никого уже не будет волновать, где он похоронен.

– Башкир, тут ещё один жмурик. Иди, посмотри. Мне кажется, я его где-то видел. Не могу вспомнить.

Этот экземпляр уже был знаком. Они однажды пересеклись года четыре назад, когда “центральные”, набирая силу, поджимали в большом городе всё под себя.

– Да, это лепший кореш Толика. Помнишь, наезд на лодочных гаражах, когда нас откинули. Он тогда там присутствовал. Тоже, такой же гнилой, всё по беспределу. Так понимаю, он тут за командира... был.

– Точно, вспомнил.

– Автоматы оставьте, а магазины пригодятся. Пора ехать, Лесник ждёт.

Башкир негромко свистнул два раза, окликаая назад карауливший дуэт в лесопосадке и остальных.

– Что-нибудь нашли, Боцман?

– Да, судя по всему, двое отпетляли. Один из них раненый, но не тяжело, шёл сам, да и крови немного терял. Второй, похоже, целый. Дальше деревьев не выходили.

– Всё понятно, такие же малолетки, как и тот первый, передавленный. Наверно, сидят сейчас где-то и портят воздух от страха.

– А у вас что? Кто второй?

– Помнишь, по-моему, Зубар его кликали, дружок Толика “Две пачки”. Лежит тепленький, фаршированный осколками.

– Да, конечно, помню. Хоть одна польза теперь от него, собаки не будут голодными. Ну, что, по коням?

Башкир утвердительно кивнул и увидел, как Лысый направился в сторону старого “Москвича”.

– Ты куда?

– Та думаю, откатить эту рухлядь на обочину, чтоб не мешала на обратной дороге.

– А ты оптимист, – раздался голос Боцмана и с так любимым ему чёрным юморком, спросил, – уверен, что она будет? Обратная?

Лысый ничего не ответил и подошёл к водительской двери. Когда его кисть начала делать легкий выброс к ручке, в голове бригадира громким ударом колокола пронеслись два слова, затмевая всё остальное, вызванные инстинктом самосохранения – “стой” и ”опасно”. Они опоздали, и уже не было никакой разницы, насколько. Взрыв прозвучал мощным хлопком, накрыв всех мелкими тупыми осколками боковых стёкол из сталинита, заставив упасть на землю, зажав руками голову. Также внезапно наступила тишина. Первым поднялся Башкир и, на ходу выравниваясь во весь рост, бросился к водительской двери. Друг лежал недалеко, отнесенный ни сколько взрывной волной, сколько попыткой отступить и был ещё жив, но клокочущее дыхание говорило о недолгом пребывании в этом состоянии.

– Не молчи! Говори! Говори! – Башкир не мог подавить крик, чувствуя свою вину за его гибель, а в ответ лишь слышал сбивающийся с ритма хрип.

Он держал его затылок в своей ладони и до последнего смотрел в широко открытые, как у ребёнка, глаза, которые пытались сказать, но о чём именно, можно было только догадываться. Дыхание остановилось, и голова безвольно упала набок. Башкир аккуратно положил её на землю и поднялся. За спиной уже стояли все в гробовом молчании. Боецман положил ему руку на плечо и тихим убеждающим голосом сказал:

– Похоронить надо брата. Уверен, за такую задержку Лес-

ник не скажет и слова. Он сделал бы тоже самое. Лопата у меня в машине.

Увидев утверждающий кивок, сделанный больше веками, чем головой, он направился в поле к джипу.

Если в теле Башкира и жил страх, то он был связан именно с невозвратной потерей друзей, за которых, по выданным ему регалиям, считал, что несёт полную ответственность. Ни у кого бы, ни нашлось аргумента обвинить его, он это понимал. Но тот факт, что опоздал с предупреждением об опасности, даже не угнетал, а всецело поедал его. Именно в такой момент и родилась мысль бросить всё к чёртовой матери и уехать далеко, где никто его не знает, вспоминая по вечерам с успокоительной печалью напряжённую атмосферу своей прошлой жизни, сидя на брёвнышке в тихом собственном дворе. Он понимал, что такая мысль говорит только о том, что возраст, а ему было всего 36 лет, начал забирать силы, не физические, а моральные. От этого становилось ещё тяжелее. С одной стороны Башкир осознавал, что этот случившийся надлом скорее всего погубит его, потому что внутренняя слабость никогда не будет веской причиной ухода из криминального мира, а наоборот, станет приговором. С другой же, не сможет теперь быть таким же твёрдым, что тоже равносильно убийственному вердикту. И в таких раздумьях, с одним и тем же итогом, он стоял, не обращая ни на кого внимания, уставившись в землю.

Башкира никогда не видели в таком удручённом состоя-

нии, и только Боцман понял, что в нём произошёл тот самый надрыв, который они все, когда проходит молодость, произвольно боятся, тщательно это скрывая. Он подошёл к нему, встал рядом и, также опустив глаза вниз, еле шевеля губами, чтоб никто не слышал, сказал:

– Когда всё закончится, поговори с Лесником. А сейчас, пошли, попрощаемся.

Неглубокую могилу выкопали быстро, в метрах пяти на обочине, прямо напротив поворота. У Лысого не было никого из родственников: школа-интернат, Афганистан и вот теперь он лежит в окружение тех, кто стали для него семьей. Башкир первым бросил три горстки чернозема и прошептал:

– Спи спокойно, Лёха. Не обессудь, если не появимся здесь больше, но мы никогда не забудем тебя, – и, обернувшись к остальным, добавил, – прощайтесь, пацаны, а я пошёл за машиной.

Отходя, он слышал глухие хлопки падающей земли с лопаты на остывающее тело, которые отбивались у него внутри ударами молотка, забивающего гвозди в деревянный гроб. Башкир даже не понял, как и где мозг достал эту забытую считалку из фильма “Десять негрят” (который он посмотрел первым, вернувшись с армии), сразу перефразировав её:

«Восемь негрят в лес ушли потом,

Один подорвался, остались всемером».

Этот далеко не детский стишок полностью всплыл в памяти, и он понял, что это последствия, доселе никогда не посе-

щавших его, раздумий. Его даже передёрнуло, когда он досчитал, что стало с третьим негритёнком, которого схватил медведь, и их осталось двое.

Боевой дух и настрой, с которым они выезжали из депо, получил мощный удар в пах мыслями о том, что конец может внезапно прийти в любой момент, абсолютно в любой, даже сейчас, в данную секунду. В этом не было ничего предосудительного, так бывает всегда, когда теряешь друга, с которым только что шутливо перекидывался фразами, потому что вместе с ним ты лишаешься немалой части себя, не способной на восстановление. Боль потери частично уйдёт, но воспоминания, стелящиеся легким бризом, теперь всегда будут цепляться за этот шрам, освежая и сдувая с него пыль, оголяя нервы, не давая им очерстветь.

Башкир сел за руль и развернувшись на дорогу, поехал назад. Салон снова наполнился притягивающим своим пониманием этой жизни, голосом лидера ДДТ, теперь он пел о венках на дорожных столбах. Одновременно с поля подъехал и Боцман:

– Стартуем, братва. Лесник уже заждался. Хирург, садись за мою. Ильдар, давай я поведу, а ты рядом. Обсудим, как они нас пасли. Это тоже вопрос, о котором стоит покумекать.

Машины снова продолжили свой путь, такой же уверенной поступью возвращающегося с удачной охоты льва, как и начинали его. С одной лишь разницей, вторая стала на 90 килограмм легче.

Боцман спокойно, чуть исподлобья, взглядывался в паутины лобового стекла, центром которых были три пулевых попадания и отрешенным голосом, как будто это имело сейчас для них такое же значение, как алфавит древнегреческого языка или сколько пар иголок у дикобраза, спросил:

– Выходит, все эти дни они следили за нами?

– Выходит так, – в голосе Башкира начало появляться бряцание металла, он возвращал свою решительность и холод ума, отправляя поглотившие его чувственные эмоции в долгий отпуск, – как мыслишь, когда они будут здесь?

– Скорей всего уже выехали. Те двое, что ушли, сто пудов отзвонились, поэтому, думаю, через пару часов будут трупикки убирать, а потом наведаются в депо.

– Ненавижу оставлять живых, жаль, времени не было найти их. Уверен, гости разделятся. Одна группа отправится на станцию, а вторая рванёт за нами. Дорога здесь, сука, одна.

– Ты химиков предупредил?

– Сказал им, что если нас не будет двое суток, пусть ливают по домам. Дал немного денег, хотя..., что толку? Им плевать на кого работать, они не при делах.

– Короче, Башкир, назад мы не вернёмся.

– Не факт. Это уже Лесник будет решать, так что вытягиваем пахана...

Образовавшееся молчание продолжалось недолго. Большой палец правой руки Боцмана начал беспокойно стучать по кожаной обмотке руля, явно не в ритм игравшей песни

легенды русского рока, на что сразу обратил внимание Ильдар.

– Нервничаешь?

– Нет, Башкир, вот, о чём кумекаю. Может, тоже разделимся. Мы четверо в лес, а остальные пацаны встретят их авангард “хлебом и солью”. Пока мы будем лазать по этой чаще, гости однозначно найдут машины и будут ждать нас около них. Уверен, узнав о смерти Зубара, они настроены решительно, в авторитете был.

– Надо подумать.... На месте разберёмся, уже недалеко осталось. Одного не могу понять. Если они пасли всё это время, то прекрасно знали, сколько нас. Зачем надо было вчетвером идти против восьмерых? Смысл? Или рассчитывали на внезапность? Всё равно это глупо. Согласен, Боцман? Что-то не сходится.

– Ты сильно заморачиваешься. Мне кажется всё дело в Зубаре. Сливки хотел сорвать, мол, я один порешил всё с ними, пока вы там сидели, зализывали раны и думали, что делать. Мечтал он лаврами быть обвешанный, вот и получит венки, только, правда, не на голове, а на могиле сверху.

– Да, наверно, ты прав, скорей всего так и было.

Справа начался лес, стоявший непреступной беспроглядной, как смоль, стеной, напоминая чёрную дыру. Он, как и она, тоже мог с легкостью поглотить всё, что к нему приблизилось и непринужденно одним росчерком пера оформить вечную прописку в безмолвии. Даже казалось, что фа-

ры освещают только самих себя и ничего в страхе не могут поделаться с окружающей зловещей глубокой тьмой. До места прибытия оставалось около полутора километров.

– Жутковато здесь ночью. Чувствую себя гитлеровцем в белорусских лесах. Как говорится, чем дальше в лес, тем толще партизаны, – Боцман ухмыльнулся сквозь прищуренный напряженный взгляд.

– И это ты говоришь? Всё с непривычки. Когда глаза освоятся, будет легче.

– Ты же знаешь, Ильдар, я люблю простор, особенно морской, поэтому так и сказал, – и через секунду добавил, – подскажешь, где останавливаться, ни черта не вижу.

Ориентиром служили три одиноко растущих в поле больших кустарника по левую сторону от дороги, которые заметить в этой тьме было очень проблематично. Башкир дал команду сбросить газ до минимума, а сидящему за водителем сзади открыть окно и светить фонариком в некогда богатую урожаем пашню. Тоже самое сделали и в идущей следом машине. На небольших ухабах лучи от фар медленно поднимались и с такой же скоростью опускались, упираясь в землю перед самым капотом. Очередное движение верх потока света выхватило на дороге два расплывчатых силуэта четвероногих больших существ, несущихся в бесшумную атаку прямо на них, заставив Боцмана со всей силы ударить по тормозам и закричать:

– Твою мать!!! Это кто?!

Глава 10. Выбор тактики

Я боялся себе признаться, но казалось, что наше положение только ухудшилось, и времени на обдуманное решение практически не было. Скоро будем окружены этим зверьём со всех сторон и, в этой тьме, шансы выжить ничтожно малы, даже для самого ярого фаната оптимизма, коим давно не являлся. Мы продолжали стоять в зарослях боярышника спиной к спине. Лесник с помощью прибора ночного видения всматривался в лес, а я наблюдал за вожаком, который перестал сверлить взглядом кустарник и, задрав голову, сделал высшей точкой своего тела нос, начал ловить запахи. Пожар с дымовой шашкой сейчас работал на нас, насытив окружающий воздух смесью “ароматов” горелых досок и едкого, вызывающего слёзы смрада. Белый покрутил мордой в разные стороны и, поняв, что обоняние сейчас не будет являться хорошим помощником, прекратил свои попытки поймать след. Он развернулся и направился назад к крыльцу.

– Что будем делать, Лесник? – на таком расстоянии между нами шёпота вполне хватало быть услышанным.

– Ещё не знаю. Белый ушёл?

– Да. А что у тебя там?

– Пока всё тихо, но думаю, сейчас начнётся движение. Думаю, уходить в лес нельзя, ни под каким видом. У нас не будет ни одного преимущества.

– Стоять в этих зарослях тоже не дело.

– Каким бы это не казалось бредом, но считаю, надо возвращаться поближе к хижине. По крайней мере, хоть с одной стороны будет защита. Посмотри, может увидишь какое-нибудь подходящее место. Выбор, правда, не велик.

Первым, что мне бросилось в глаза, было дерево, ствол которого два дня назад пробовал на прочность волчью голову, и только сейчас заметил, что от того труп почти ничего не осталось. Он был полностью съеден, лишь несколько обглоданных костей отсвечивали желтыми бликами пожара, а лежащий на боку череп служил не больше, чем идентификатор вида погибшего млекопитающего отряда хищных из подотряда собакообразных. В принципе, дерево было единственным и поэтому самым лучшим вариантом отхода. Оно находилось на приемлемом расстоянии от горящего дома и лишь только сильный боковой ветер смог бы дать поживиться языкам пламени его ветками, толщина которых давала возможность спокойно расположиться на них. Я глазами начал прокладывать к нему маршрут, рассчитывая каждое движение. На первый взгляд для меня не было ничего сложного: небольшой разбег, прыжок и без особых усилий уже цепляюсь руками за ближайшее крупное ответвление. Дальше подтягиваюсь, закидываю правую ногу и, разворачивая тело, залезаю на него. Затем принимаю сидячее положение и, ухватившись левой кистью за другую ветку рядом, наклоняюсь вниз с опущенной правой рукой, за которую должен бу-

дет схватиться Лесник, и помогаю ему подняться. Вроде всё выглядело просто, а значит надёжно. Единственное, что меня беспокоило в этом плане, не зажаримся ли мы, находясь на таком расстоянии от пожара?

– Ну что там, разведка? Есть мысли?

– Как насчёт переночевать на дереве? По крайней мере, точно не замерзнем с таким камином.

– Почему бы и нет, – Лесник приподнял окуляры на лоб, оглянулся и внимательно посмотрел на предполагаемое место ночлега, – поможешь только мне.

– Да уж не брошу тебя здесь одного, – улыбнулся я, и спросил. – Ну, что, двинулись?

– Не спеши. Пусть эти твари выйдут в лес. Тогда и вернёмся, – он вернул прибор ночного видения на его функциональное местоположение и, медленно поворачивая головой, продолжил наблюдение, а я начал любоваться силой огня, который всё больше, оставляя после себя только разрушение, методично завоевывал новые территории.

Дымовая шашка уже израсходовала весь данный ей человеком потенциал, и едкий смог становился всё более прозрачным, разбавляясь воздухом. Теперь пылающая хижина становилась видна во всех подробностях. Крыша, и так потерявшая за годы отсутствия ухода свою прежнюю надёжность, вот-вот должна была обрушиться, понемногу проседая под собственным весом. Огонь без особого надрыва превратил стёкла в беспомощные почерневшие осколки и начал

вылизывать подоконник, покрывая его волдырями от краски. Сквозь брёвна также начали появляться его щупальца, сначала пытаясь зацепиться за них, а потом, словно проводя удушающий приём, намертво сжимая. Лёгкий треск иногда сопровождался громким хлопком микровзрыва досок от увеличения объема закипающей в них влаги. По большому счёту получился большой костёр по типу “колодца”.

– Ты слышал? – Лесник повернулся ко мне и поднял указательный палец напротив моего лица.

Переключившись от приятного созерцания горячей хижины, напряг слух и посмотрел в сторону леса. Действительно, ему не показалось. Я давно не слышал эти звуки, но перепутать их с остальными, если ты сталкивался с ними не один раз, было невозможно. С такой интонацией и ритмом разговаривал только АКМ-74.

– Твои? – спросил я, с трудом расслышав самого себя.

– А больше никому, – Лесник еле заметно кивнул головой, – тихо, давай послушаем.

Я бы с огромным желанием приложил бы сейчас ухо к земле, как известно, она передаёт звуковую волну лучше, чем воздух, но в кустах это было сделать очень проблематично. До нас еле слышно донеслись два хлопка, следовавшие друг за другом через короткое время, и напарник вопросительно посмотрел на меня.

– Осколочная. По крайней мере, очень похоже.

Теперь в огнестрельную беседу вступили несколько ав-

томатов, не отличаясь красноречием, они выплёвывали небольшие очереди резких слов, словно задавая чёткие и краткие вопросы, а, не дождавшись ответа, повторяли их снова более убедительно.

– У них там “войнушка”...

Леснику было не до шуток, даже в этой тьме заметил, как дёрнулись его скулы и он озадаченно, стараясь успокоить самого себя, произнёс:

– Башкира они просто так не возьмут.

Спустя пару минут всё затихло. Я не стал задавать никаких вопросов, надо будет, расскажет, да и ситуация не позволяла вести задушевные разговоры. Очень хотелось, чтобы нас нашли живыми и только ради этой “бытовой мелочи” стоило постараться.

Звёзды, которые ярко встретили меня, когда открыл люк, скрылись за не весть, откуда взявшимися тучными облаками и теперь верхушки деревьев сливались с ночным небом. Не знаю, станет это плюсом или минусом, но исчезнувшая граница между холодным синеватым светом и чёрной бездной леса давила, создавая ощущение погружения в непроницаемую пустоту, заставляя зрачки расширяться до непривычных размеров. Правда, пользы от этого, было столько же, сколько от коалы во время уборки квартиры. Поэтому, бросив напрягать лишний раз глаза, я стоял и ждал, когда Лесник даст команду на отход во двор. По движению его головы, резко дёрнувшейся немного вперёд, было понятно, он что-

то заметил.

– Появились. Разведка, иди, а я пока прикину, сколько их.

Мои волнения по поводу возможности стать шашлыком на этом дереве оказались сильно преувеличены. Толстый ствол с лихвой защищал от жара, хотя не отказался бы одеть старую добрую, до боли знакомую, сталеваровскую суконную куртку. Только я подумал о том, что небольшой дождик сейчас был бы в самый раз, как на мою щёку упала капля. Затем ещё одна. Теперь начал бояться, чтоб не пошёл ливень. Помимо отсутствия желания промокнуть насквозь, также не хотелось иметь под собой скользкую мокрую кору, которую нельзя отнести к хорошему помощнику в ситуации, когда придётся просидеть на дереве несколько часов.

Из кустарника появился Лесник и, даже хромя на ногу, довольно быстро направился ко мне. Через минуту мы уже забрались на более высокую ветку и сидели, свесив ноги, на высоте около трёх метров над землёй.

– Посчитал? – спросил я.

– Не всех. Они разделились и четверо вместе с Белым, пошли в мою сторону. Пришлось отходить. Должны уже нарисоваться. А дождик, кстати, в тему. То, что доктор прописал.

– Да, но в подвале было бы уютней. Может, надо было запереться в бункере и там ждать? – я уже думал о том, не поспешили мы, спалив всё к чёртовой матери.

– Ну, во-первых, поздно уже об этом думать, а во-вторых, не спасло бы. Дверь хоть и добротная, тяжёлая, да и лутка

не слабая, а к стене была прикреплена не очень. Я смотрел. Несколько ударов пригнанного ими медведя и она упала бы под своим весом. И чтобы дальше делали? Там бы нам и настал каюк. А здесь, какая никакая, но уже свобода.

Слова и доводы Лесника были настолько же убедительные, как и успокоительные. Я даже слегка расслабился, используя возникшую паузу в этом необычном смертельном противостоянии. Мелкие капли редкого дождя высыхали на одежде так быстро, что не привлекали внимание и не несли никакого дискомфорта. Не знаю, какая струна нейронов дёрнулась в голове, но мысли, которые пришли в данной обстановке, как минимум, считались бы странными. Я задумался о том, что если бы удалось залезть в мозги к пингвинам, тогда человечество узнало бы очень многое из того, что скрывает Антарктида. И все эти тайные версии про базы пришельцев, гитлеровцев вскрылись бы или наоборот, были бы выкинуты на свалку сказок для взрослых. А сколько бы могли поведать полярные акулы, живущие 350 лет? Они наверно видели, как ко дну шёл “Титаник”. Думаю, и белые медведи владеют информацией, за которую не пожалели бы денег сильные разведки мира сего. Наверное, мозг говорил мне о том, что знания животных недооценено человечеством, тем самым ещё раз напоминая о нависшей опасности, исходящей от местной дикой фауны. Лесник также сидел в задумчивости, подняв голову всматриваясь вдаль, прислушиваясь к каждому звуку. Перестрелка озадачила его довольно силь-

но, но только Хронос теперь сможет принести на волнах своей реки подробности того, что там произошло. Понимая это, он сдался на волю самому нудному уничтожителю времени – ожиданию.

Я слышал о бесшумности полёта этих птиц, несмотря на внушительные размеры, но никогда не сталкивался с ними. Если бы не прибор ночного видения, этого рассказа не было бы. Резкий окрик Лесника вернул меня в боевую готовность: – Смотри, сверху!

Мгновенно подняв глаза, я одновременно встал на ветку обоими ногами, уцепившись руками на следующее ответвление надо мной. Из черной пустоты леса, осветившись бликами умирающего пожара, вылетели два огромных филина, один позади и немного в стороне от другого. Перьевые уши на голове и крупный размер выдавал их отличие от остальных совиных. Краем глаза заметил, как из прохода в кустарнике боярышника на полкорпуса показался вожак стаи. Лесник сделал тот же маневр, в таких ситуациях о травме никто не вспоминает. Широко расправленные крылья начали сходиться и, выпрямляя тело, хозяева лесного воздушного пространства, начали протягивать вперёд лапы, выпуская когти, явно не в качестве доброжелательного приветствия. В мои планы тоже не входило рукопожатие с ними. Сейчас требовался только точный расчёт, точно такой же, как у футболиста, когда он ловит летящий мяч на ногу, чтобы нанести чёткий, сокрушающий удар с лёту. Но мне было легче, не тре-

бывалось попасть в створ ворот, наклоня корпус параллельно земле, а только вынести его подальше и всё. В принципе, ничего сложного, главное, как можно плотнее и резче ударить, сила здесь не играет решающей роли. А это уже дело техники, которая не была мне чужда.

Ветки дерева заставили филинов опуститься ниже и провести свой выпад не сверху, как было заложено в генах, а в лобовой атаке, на уровне пояса. Качество удара с лёту по мячу всегда определялось исходящим от него звуком. Он должен быть несмазанным, резким, напоминая стук бас-барабана в ударной установке, и первая мысль, которая пролетает в голове, не лопнул ли “круглый”. Моя правая нога стала на носок, чуть согнувшись в колене, готовая вылететь сразу, как только спиной мозг исполнит роль пунктуального почтальона и передаст приказной импульс на сокращение её мышц от головного, который, анализируя всю имеющуюся информацию, сейчас был занят расчетами траекторий. И только точка пересечения была просчитана, удар не заставил себя ждать. Тело филина оказалось не плотнее футбольного мяча, но гораздо тяжелее, что сразу ощутили согнутые пальцы ступни и голеностоп. Силы было недостаточно насильно запустить ночную птицу высоко вверх, но вполне хватило поломать все её планы, сбив с орбиты. От неожиданности такой контратаки (зайцы и грызуны никогда не отвечали ему чем-то, напомиавшим маваши-гери) филин, потеряв ориентацию, расправил полностью крылья и пытался уйти на разворот, но

ветки деревьев стали для него таким же страшным сном, как для пилота легкого самолёта горная местность в тумане. Второй, увидев, как ему перекрывают траекторию, успел нырнуть вниз и пролететь под деревом в самой близости от земли. Филин, на половину тела, встрял в рогатину ветки, за которую мы держались руками, прямо над Лесником, и левое крыло оказалось прижатым к туловищу, а второе в панике начало бешено молотить по воздуху. Его крик чуть не разорвал барабанные перепонки и, наверно, был слышен за несколько километров. Сначала он напоминал агрессивный короткий смех, затем в нём появились заунывные оттенки и, вскоре это можно было назвать сплошным гудением. Только сейчас я заметил, что всё это время у моего соседа в руке был нож, и он, без тени сомнения, как тогда в юности, вонзил его в тушку пернатого хищника, помогая ему замолкнуть навсегда. Не вытаскивая лезвие, Лесник, отводя рукоятку в сторону, освободил тело филина из ловушки, и оно, соскользнув с острия, тихим глухим ударом встретилось с землёй.

– Достал орать. Вот так уже спокойней... Твою мать, ещё и кровью заляпал, – он повернулся ко мне, с улыбкой демонстрируя пару больших красных следов от капель на лбу и щеке.

Воздух снова наполнился неприятным пронзительным криком филина. Это его собрат, взмыв над деревом, начал кружить, то ли прощаясь с товарищем, то ли в беспокойстве не зная, что теперь делать. Совершив несколько витков, он,

не замолкая, направился и растворился в непроглядной глубине леса. Вскоре снова стало тихо.

Наше настроение после этой краткосрочной победы поднялось, придав новых сил и уверенность в благоприятном для наших жизней исходе.

– Смотри, а Белый не уходит, – произнёс я, снова принимая сидячее положение на ставшей уже очень комфортабельной ветке.

Вожак стаи спокойно смотрел на нас, не сводя глаз. Главное, теперь абсолютно не ощущался тот возникающий от его взгляда внутренний холод. Сейчас он больше напоминал большую собаку, которая не сдалась, но её решимость была разбавлена тенью сомнений. Белый поднял голову и повернул в сторону леса, наострив уши.

– Не могу понять, что он делает? Что он хочет услышать? – в моём вопросе проскочила искра непонимания происходящего.

– Наверно, ждёт команду или дальнейших инструкций.

– От кого?! – теперь прибавилось и пару капель раздражения.

– Разведка, успокойся. Если бы я знал. Помнишь, у меня ещё позавчера появилась мысль, что он не главный. У них свой смотрящий, – Лесник на секунду задумался и продолжил, – значит, надо вынудить его появиться и пристрелить. Патроны у тебя есть, оставим для него.

– Тут я не согласен. Армия без генерала вполне может

оставаться боеспособной, а вот генерал без армии – никто.

– Да, толк есть в твоих словах. Давай не будем гадать, пождём, что эти твари придумают снова.

Из леса раздался кроткий громкий непонятный звук, слегка напоминающий отрыжку, и вожак, без малейшего колебания, сразу исчез в кустарнике, подтверждая ещё раз вывод Лесника насчёт смотрящего.

– Как думаешь, на кого похоже?

– За два года в лесу я не слышал подобных звуков, поэтому может быть кто угодно. Но что-то мне подсказывает, это не человек. Поживём, увидим.

Процент содержания адреналина в крови снизился и только сейчас я почувствовал боль в ноге. Мой удар не прошёл безболезненно. Пока ступня примеряла туловище филина, один из выпущенных когтей зацепил сбоку икроножную мышцу, порвав джинсы и неглубоко вонзившись. Неприятное ощущение, когда штаны начинают прилипать к телу, используя в качестве клейкой субстанции твою кровь.

– У тебя случайно спирта нет? – спросил я, больше для самоуспокоения, что ничем организму в качестве дезинфекции помочь не могу.

Лесник ничего не ответил и медленно достал из внутреннего кармана небольшую плоскую флягу, явно ручной работы, серебряный блеск которой ударил по глазам. Эта была явно раритетная вещь, и я начал крутить её в руках, пытаюсь поймать свет от затухающего огня, чтобы детально рас-

смотреть. По форме фляжка напоминала полотно штыковой лопаты, но только с затупленным остриём, как сегмент круга. Это был низ. Верх же выдерживал строго прямоугольный вид. Судя по всему, она не была обделена хорошим уходом и, несмотря на старость, выглядела, как новая. На лицевой стороне золотым тиснением твёрдой рукой классного гравёра, подчёркивая каждую деталь, был изображён герб Российской империи. Крышка легко открылась и запах спирта, защекодав ноздри, сразу же заставил передернуться. Обработка раны заняла несколько секунд и я, не спеша возвращать флягу назад, снова начал изучать. Чувствовалось, что она часть истории и Лесник, как бы отвечая на мой немой вопрос, начал рассказывать:

– Один мой друг косил в психушке от зоны. Я частенько приезжал к нему потрещать о делах разных. Главврач был подкормлен, поэтому всё было на мази. Там в больнице, я увидел молодую красивую девушку, которая всегда сидела, забившись в угол, и постоянно чесалась. Мне рассказали её историю. Две недели назад она была изнасилована несколькими мажорами в одном из павильонов детского садика, куда её затащили. Дело, конечно, замяли. После этого она замкнулась и стала считать себя навсегда испачканной, прекратив даже принимать душ. Психиатр сказал, что очень тяжёлый случай и скорей всего, вернуть её в нормальное состояние уже не удастся. Понимаешь, найти этих уродов для меня ничего не стоило и в один вечер, договорившись с вра-

чом, я посадил её в машину. Она вела себя, словно безвольная кукла. Ей было уже всё равно, что с ней происходит. Я привёз её к павильону, где коротали время эти ублюдки, и остановился за сетчатым забором метрах в тридцати от них. Это стало знаком для моих бойцов. Всё было видно, как на ладони. Они ворвались в садик с металлическими прутами и начали калечить всех подряд с особой жестокостью. Она не хотела видеть это, и мне пришлось сзади крепко держать её голову в своих ладонях, открыв ветровое окно, постоянно приговаривая: «Смотри, девочка, смотри». Избиение было долгим. Все до единого с проломанными коленями и отбитым пахом. Челюсти, носы, то уже мелочь. Когда всё закончилось и слышны были только редкие стоны, я отвёз её обратно в больницу. На следующий день главврач, не без радости, вещал, что сегодня она впервые крепко, долго спала, а проснувшись, улыбнулась и попросилась принять душ. Через неделю её выписали. А спустя некоторое время, когда я в очередной раз приехал к другу в больницу, психиатр подошёл ко мне и, показав пальцем на одного человека, сидящего в холле, сказав, что он ждёт меня уже три часа. Это был её отец – сама интеллигентность и, как оказалось, директор местного краеведческого музея. Он посмотрел на меня глазами, полными слёз. Затем опустил голову и еле слышно начал говорить, что он не в состоянии достойно меня отблагодарить. Я сразу перебил его, попросил успокоиться, объяснив, что мне ничего не надо. Тогда отец, молча, достал эту

флягу, протянул мне, и сбивчиво начал рассказывать её историю. Оказывается пару лет назад, он случайно нашёл её в музейном архиве среди ненужного хлама. Она была в ужасном состоянии. В реестре не значилась. Для него, как для специалиста в этой области, сопоставив некоторые исторические данные и факты, не составило труда определить хозяина фляги. Им был Петр Столыпин. Там на торце, есть подарочная подпись от его матери. Реставрируя её, он вложил всю душу и уже не мог расстаться с ней, хотя совесть, по его словам, очень мучила. “Эта фляга принадлежала большому человеку, и я не достоин быть её хозяином, а Вы – да. Пожалуйста, прошу Вас, возьмите”, – сказал он мне. Я понимал, что отказываться бессмысленно и вот теперь, она всегда со мной и никогда не пустует.

– А с теми подонками, что дальше было?

– Понятие не имею, мне без разницы, но зная своих пацанов, думаю, инвалиды на всю жизнь среди них точно остались.

Сказать, что эта история произвела на меня сильное впечатление, не сказать ничего, и я задумался о том, насколько права пословица, что клин выбивают только клином. Главное найти крепче и тверже. Даже самый суровый приговор честного суда не смог бы помочь этой девчонке. Наверно, то, что сделал Лесник, было единственным и правильным решением, но я всё равно не удержался и спросил:

– С чего ты был уверен, что ей это поможет?

– А я не говорил, что был уверен. На самый крайний случай, она видела, что они жестко наказаны и от этого всегда любому станет легче, а насколько, зависит от человека.

– Своеобразная терапия..., но даёт результат, а как говорится, главное, счёт на табло.

Прошло минут десять после падения сбитого филина. Белый не возвращался, но, как и полагается в такие моменты, затишье невольно напрягало, заставляя предугадывать ближайшие события.

– Кстати, рыси ещё не было, – сказал я, вспомнив её лапу с выпущенными когтями, пролетевшую в сантиметрах от моей головы, когда хотел выйти из хижины.

– К чему ты ведёшь? Считаешь, она смотрящий?

– Возможно, но думал о другом. Кто из этого зверья способен залезть на дерево? Для собак мы не доступны, филины больше не полезут. Медведь? Слишком медленный, сто раз успеем размножить голову. Остаются только рыси....

– И обезьяны.

– В смысле?

– Расслабься, разведка. Шучу, – редкая улыбка отразилась на лице Лесника, – а насчёт рыси, думаю, сложно ей будет. Они никогда не идут в прямую атаку, только из засады. Менталитет такой. Не любят, когда их видят. Всё стараешься предугадать следующий шаг?

– Но надо же, хоть чем-то заняться.

Я перекинул одну ногу через ветку и сел, прижавшись

спиной к стволу дерева. Мелкий дождик сделал своё дело, не дав пожару разойтись на полную мощь, и редкие капли говорили о его ближайшей кончине. Из-за облаков по очереди начали выглядывать звезды, на фоне которых двигался одинокий огонёк. Лесник также поднял голову, чуть провёл его взглядом, и с нескрываемым интересом спросил:

– Вот скажи мне, разведка, это спутник или самолёт? Сколько лет прожил, до сих пор точно не знаю.

Этот вопрос, наверно, мучил многих людей, и я был в их количестве. Но врождённая пытливость заставила меня найти исчерпывающий и доказательный ответ на него. В этом мне давно помог бывший одноклассник, которого случайно встретил в городке, когда он приехал навестить родителей. Окончив физфак с красным дипломом, ему сразу предложили работу на одном из “закрытых” заводов ВПК. Мы сидели в том самом парке, где началась эта история, вспоминая школьные годы. И тогда на сером небе также над нами пролетел огонёк. Его пояснение происхождения данного объекта было настолько просто, как и убедительно. Оказывается, если ты видишь эту летящую точку менее 8 секунд, то это спутник. Если более, соответственно, самолёт. Это объяснялось тем, что спутник на самой низкой высоте своей орбиты, способен отражать солнце на данный район Земли только этот период, далее лучи отражения смещаются. И чем выше его орбита, тем короче время наблюдения. Самолёт же отбивает свет главной звезды нашей системы по времени гораздо

дольше из-за существенной близости к земле, в отличие от сателлита.

– Действительно, всё предельно просто. Благодарю за разъяснение. Одним большим вопросом в моей жизни стало меньше, – это была вторая улыбка Соседа за такое короткое время, что само по себе, уже являлось редкостью.

Наступившую тишь прорезал треск автоматных очередей, доносившийся с севера и более чётко, чем в первый раз, что говорило только об одном – подмога с боями пробивается к нам, сокращая расстояние.

– Надеюсь, мы узнаем, что там было, – в словах Лесника ноты позитива глубоко спрятались, а их место заняли неве- сёлые крохи упования.

Глава 11. Бой на опушке

Силуэты приближались довольно быстро, и теперь Боцман явственно видел атакующих их зверей, о которых французский писатель Борис Виан, не без основания сказал: "Им тоже случается оканчивать свои дни на мясном прилавке, однако они до последнего момента сопротивляются". Это были кабаны, столкнуться с которыми в открытом бою имел бы желание лишь сумасшедший. Всем известна бесхитростная прямолинейность секачей во время нападения и, несмотря на это, выдержать этот убийственный напор, держа всё под своим контролем, невероятно сложно. Выскочить из машины сейчас, было бы самым глупым решением, и поэтому Башкир дал команду несмотря не на что, пока оставаться на своих местах. Кабаны продолжали лететь навстречу без всякого намёка на наличие у них тормозов. Расстояние стремительно сокращалось и вот уже первый, несмотря на приличную массу, довольно легко, перепрыгнув "кенгурятник" приземлился на капот, оставив внушительные вмятины. Но даже сейчас он не думал останавливаться и уже удар копыт по крыше заставил всех находящихся внутри авто призадуматься о качестве стали японских металлургов – их не пришлось поминать дурным словом. Но то, что вепрь сделал дальше, сложно было предположить даже ведущему специалисту в зоопсихологии. Крыша машины стала для него трамплином

и, оттолкнувшись от неё со всей силы, он взмыл, разворачиваясь в воздухе всем телом на 90 градусов. Его полёт напоминал запущенный маленькой катапульты большой мешок с песком, лежащий на боку. Целью его прыжка было переднее стекло второй машины, на которое он приземлился, нанеся всей массой тела, словно боец реслинга, тупой тяжёлый удар. Только в отличие от постановочного эффекта, здесь всё было по-настоящему. Приземлившись строго перпендикулярно наклону лобового стекла, результат действия кабана стал максимально результативным. Полностью покрывшись мелкими частыми трещинами, оно прогнулось внутрь и под весом секача провалилось в салон, заставив Хирурга и его соседа вжаться в сиденья, лицезря в полуметре перед собой грубую, грязную щетину дикого хряка. Плюс ко всему, воздух наполнился отвратительным смрадом, но в данной ситуации, это было самой маленькой проблемой. Они упёрлись руками в стекло, пытаясь выдавить его обратно, но более двухсот килограмм живого веса не дарил такой возможности. Кабан продолжал лежать на лобовом стекле, словно это и была его поставленная задача – заткнуть амбразуру.

Второй вепрь, заскочив следом на крышу машины Башкира, начал крутиться на месте, напоминая глупую собаку, гонящуюся за своим хвостом. Непонятный ритм танца его копыт отдавал внутри плотными звонкими звуками зубила отбойного молотка. Люк в крыше, каким-то чудом не попавший под лапы первого, не избежал своей участи быть проби-

тым. Одного попадания твёрдого рогового образования вокруг пальцевых фаланг хватило, чтобы лапа секача провалилась в салон, застряв на пару секунд между головами Ильдара и Боцмана. Это ещё больше взбесило вепря, и он со всей силой резко выдернул её обратно вместе со стеклянным люком. Башкир даже не успел сообразить, что сказать, как в образовавшееся прямоугольное отверстие на крыше просунулась вытянутая морда дикого кабана. Чуть приоткрытая пасть, из которой, не предвещая ничего хорошего, торчали в разные стороны внушительные острые пожелтевшие клыки, выдавала частое короткое дыхание, а из пятака, в ритм ему, доносилось тяжелое сопение. Дикие свиньи никогда не отличались своим хорошим зрением, поэтому его глаза больше напоминали застывшие черные пластмассовые кругляки, словно у недоброй самодельной куклы. Нога Боцмана уже легла на педаль газа, но он, в последний момент, отказался от мысли резко тронуться вперёд, пытаясь скинуть его с крыши, так как вепрь с потугами начал протискиваться дальше. А с этим надо было что-то делать. Башкир мельком глянул на дорогу и увидел ещё несколько секачей, стоявших клином опустив огромные головы, будучи в полной готовности к смертоносной атаке, напоминая одноименное с ними боевое построение рыцарского войска.

– Все опускаем стёкла! Боцман! Как скажу, открываем двери и начинаем отстреливать этих гадов короткими очередями, – он хотел повернуться назад, но голова надоедливого

мерзкого гостя опустилась ещё ниже, не дав такой возможности, поэтому пришлось резко повысить голос, – вы вдвоём, залазите на крышу, прибиваете эту тварь и занимаете позицию наверху.

Во второй машине тоже не сидели без дела. Хирург дал команду до максимума отодвинуть назад передние сиденья, откинув спинки, а затем, прижав колени к животу, упереться ногами в лобовое стекло и таким образом откинуть на капот зловонную тушу дикого хряка. Мокрый капот от морозящего дождя, который стал отличным смазывающим средством, делал все попытки кабана оставаться на месте бесполезными. Четыре человеческие ноги, словно поршни гидравлического пресса, сохраняя стабильное давление, медленно, но уверенно отодвигали зверя всё дальше, который осознав, что не выдержит этот натиск, сам резко вскочил на лапы. Они сразу начали разъезжаться в разные стороны. Огромный секач на льду – то ещё зрелище. Пытаясь удержаться, он всё быстрее начал стучать копытами, тем больше осложняя себе поиск устойчивого положения, а небольшой наклон капота совместно с земным притяжением придал ему поступательное движение. Через десять секунд этой борьбы с дисбалансом неуклюжего, но мощного тела, кабан, оказавшись на самом краю, прыгнул под колёса, исчезнув из вида. Выдавленное стекло было отправлено ему вслед. Хирург тяжело выдохнул и принял нормальное положение. Обзор снова был открыт, и он, пользуясь возникшей паузой, спокойно развер-

нулся назад, протянул руку и произнёс сидящему сзади всего одно слово:

– Автомат, – и уже самому себе добавил, – давай, Башкир, показывай, что будем делать.

Только сейчас Хирург обратил внимание на крышу впереди стоящей машины и, пристально вглядываясь в темноту, старался понять, что там происходит. Прямой короткий хвост с кистью волос на конце упруго выглядывал верх, напоминая антенну для рации, и он сначала не мог вразумить, что это и откуда взялось, но только услышал звук скольжения копыт об лист штампованного металла, разгадка не заставила себя ждать. Хирург поднял голову, посмотрел на люк своего джипа и всё понял. Голову сразу заполнила только одна мысль, чем он может помочь, как одновременно с её приходом в свете фар приоткрылись задние двери авто Башкира, из которых синхронно начали залазить на крышу двое его товарищей.

Один выстрел под переднюю лопатку заставил кабана прижать хвост к телу и привёл его в бешеный припадок. Он начал рьяно вытаскивать голову назад, но полученное ранение не давало в полной мере воспользоваться для упора левой лапой, и в каждой попытке заваливался на неё. Этот секач стал из того малого количества сородичей, которые перед смертью не успели посмотреть в сторону своего палача. Скоро всё было кончено. Загривок, стоявший дыбом, улёгся, и туша замерла в этом непривлекательном, идиотском поло-

жение. Башкир вблизи рассмотрел, как закрываются глаза вепря и с присущим ему хладнокровием в таких ситуациях, произнёс:

– Первый пошёл. Боцман, на три-четыре, открываем двери, и понеслась. – Ильдар театрально выдержал паузу, медленно выдохнул и голосом, в котором не было ничего, кроме решимости, сказал. – Три-четыре.

Почти одновременно с двух сторон автомобиля по три штуки отправились в свой первый и последний полёт шесть пуль, выпущенных короткими очередями. Не успело мимолётное эхо закончить подражание звукам выстрела, как кабаны рассыпались в разные стороны, растворившись в темноте.

– Нет, я точно попал, – Боцман не мог поверить, видя, как без всякого намёка хотя бы на ранение, секачи разбежались, оставив свету фар наслаждаться пустотой дороги.

– Они живучие, я тоже не в молоку бил. Наверху! Светите по сторонам!

Хирург, в свою очередь, припустил ветровое окно так, чтобы лежавший на его ребре ствол автомата удобно расположился для стрельбы одной рукой, взяв во вторую фонарик. Остальные в машине приняли такое же положение. Лучи забегали по некошенной траве, не давая никаких результатов. Кабаны словно испарились, но все понимали, что это не больше, чем отличная маскировка и следующая атака не заставит себя долго ждать. Башкир начал залазить обратно в

машину, окликнув напарника:

– Давай назад в салон. Попробуем выдать наверх эту тушу. Лишняя она здесь.

Боцман не успел развернуться, как вепрь, который притаился под капотом второй машины, выскочил сзади и, набрав приличную скорость практически с места, врезался в него, припечатав к открытой двери. Один из клыков глубоко вошёл в тело, мгновенно пустив кровь. Только сейчас находящиеся на крыше увидели, что произошло, направив свет фонариков вниз. Кабан отскочил в сторону, не давая никаких сомнений в повторении тарана и, с небольшой пробуксовкой, снова кинулся. Боцман успел отойти от неожиданного удара и даже привстал на ноги, схватившись левой рукой за бок, а автомат уже был готов к стрельбе с пояса. Ствол сразу поймал голову секача, и палец хладнокровно нажал на спусковой крючок. С крыши также раздались выстрелы. Зверь, с раздробленным позвоночником и размноженным черепом сразу рухнул, зафаршированный металлом, не издав ни звука.

– Ты как?! Садись назад, сейчас что-нибудь придумаем, – Башкир пытался сохранить спокойствие, но злость от ещё одной пущенной крови его друзей за эту ночь, начала неумолимо заполнять его.

– Прилично, сука, зацепил, – открывая дверь, тихо с хрипотцой ответил Боцман, чувствуя, как ладонь под курткой понемногу начала омываться темно-красной жидкой суб-

станцией, продолжая сдерживать этот небольшой прилив.

Кабаны продолжали умело скрываться в темноте, перестраиваясь для нового наступления. В возникшей паузе, пока напарник ложился на задние сиденья, бойцы на крыше вытащили полностью вепря из люка и скинули на землю, а Ильдар достал аптечку, задрал толстовку, обильно обработал рану йодом и сделал ватную подушку, зафиксировав её пластырем.

– В больницу тебе, братан, надо. Толку от тебя в лесу уже мало будет.

– Да ладно, Башкир, не сдохну. Всё отлично, капитан, идём ко дну. Без меня отправитесь, а я тут отлежусь. Нет времени по лазаретам возить... Я надеюсь, вы недолго собрались по грибы ходить? – чувство юмора и Бойцман были также неразделимы, как небоскрёб и скоростной лифт.

– Сейчас, свинушек постреляем, потом оставлю кого-нибудь с тобой, чтоб не скучал.

– Прекрати, Ильдар. Лишний ствол, свято верю, вам в лесу не помешает, а я и один отваляюсь. В конце концов, не девочка, чтоб меня развлекать.

– Как скажешь, отдыхай. Извини, если будем сильно шуметь, – Башкир улыбнулся, видя, что ранение друга не столь серьёзно и злость снова отошла в сторону, оставив место только для холодного расчёта.

Он хотел завести машину и, проехав метров двести, вернуться назад, тем самым сбить с толку зверё, но передумал.

мал, считая, что этот маневр будет бесполезен. Поэтому сейчас, пока позволяет время, надо подготовиться к обороне. Пробежка кабана по автомобилю произвела впечатление, и Башкир приказал находившимся бойцам на крыше передислоцироваться. Один сел на пассажирское, рядом с Ильдаром, а второй занял место на заднем сиденье ведомой машины. Сейчас два джипа напоминали первые британские танки, оцетинившиеся огнестрельными стволами и готовыми отразить нападение с любой стороны, а исходящие от них лучи света в этой тьме рисовали бы в иллюзиях расплодившихся с бешеной скоростью уфологов, приземлившиеся летающие тарелки.

Башкир, взглядываясь в боковое окно, начал вслух размышлять с самим собой:

– Интересно, сколько их осталось? Двое здесь, еще тёпленьких.... Два подранка где-то бегают или уже нет.... На дороге видел шестерых, значит четыре, как минимум, целые. Думаю, ещё штук пять-шесть, которых мы не заметили в темноте. Короче с десятков, наверно, есть.

– А ты уверен, что они будут нападать? Возможно, ждут, когда мы выйдем. Их задача не пустить нас в лес, и они её выполняют, – с трудом проговорил Боцман, не в силах остаться безучастным.

– При таком раскладе, наши дела гораздо хуже. Тогда надо будет спровоцировать атаку. А как? Давайте, думайте. Интересно ещё и другое. Их кто-то привёл сюда и оставил имен-

но на этом месте, где мы постоянно встречались с Лесником. Они целенаправленно ждали нас. Вот это, действительно, странно.

– Ильдар, об этом можно пораскинуть мозгами и потом. Скорей всего Лесник что-то знает. А вот, насчёт вытянуть их на себя, надо покумекать.

В открытое окно Башкир позвал Хирурга и, увидев его высунувшуюся голову в зеркале заднего вида, громким голосом сказал:

– Саня, может, вы там придумаете, как этих тварей выманить? Скорей всего сами они не выйдут, а сидеть до утра, времени нет.

– Задачу понял. Сейчас обмозгуем.

Боцман оказался абсолютно прав, кабаны и не собирались нападать, скрыто наблюдая за ними. Пятнадцать минут прошло в полном спокойствии, лишь легкие капли дождя тихо постукивали по кузову машин, с каждой минутой всё реже нарушая ночную тишь. Ильдар начинал злиться на себя, так как все мысли по поводу провокации, он, чуть проанализировав, сразу отбрасывал в сторону, находя в них слабые места или безрезультативность. Надо было что-то делать. Его размышления прервал окрик Хирурга:

– Есть идея.

Башкир приоткрыл дверь, выглянул из машины и повернул голову, с неподдельным интересом произнеся всего одно слово:

– Говори.

– Эти свиньи, насколько я знаю, хреново видят. Мы в своей машине тушим полностью весь свет, а вы, наоборот, включите всё что можно, даже музыку погромче, чтобы полностью их отвлечь от нас. Потом неспешно начинаете ехать вперёд. По идее, кабаны вряд ли разделяться и все последуют за тобой, выйдя на дорогу, прямо перед нами. Здесь мы и устроим сафари.

Мысль показалась Ильдару довольно неплохой, так как он не смог сразу найти недочёты, кроме одного:

– Саня, только по аккуратней надо будет. Чтобы вы в кураже нас не перестреляли. Мы за ними будем.

– Башкир, обижаешь. Пуль на ветер не бросаем.

– Давайте попробуем... – он не успел договорить, как машина сзади полностью скрылась во тьме, словно в долю секунды её накрыли чёрным тентом.

– Да, идея хорошая. Плохо, что в этом сафари не поучаствую. Когда вернемся, надо будет одного кабана на шашлык прихватить, чувствую, проголодаемся к этому времени, – это был бы не Боцман, если промолчал бы.

Ильдар ухмыльнулся, но ничего не ответил, понимая, что другу сейчас нужен хоть маломальский покой, который для его характера всегда был невыносимой пыткой. Он завёл двигатель и придавил кнопку увеличения звука на лазерном проигрывателе. Несмотря на свою приличную массу, внедорожник тихой уверенной поступью начал набирать обороты,

слегка покачиваясь мощным кузовом. Стрелка на спидометре дошла до отметки в два десятка и остановилась. Они проехали метров пятьдесят, как на дорогу с обеих сторон за ними выскочило шесть вепрей, которые, не обращая никакого внимания на стоящую машину, двинулись за Башкиром, ускоряясь и постепенно переходя на неуклюжий галоп.

Хирург понимал, что действовать надо очень быстро, так как дистанция до кабанов увеличивалась на глазах, и вскоре за точность выстрелов уже никто не мог бы поручиться.

– Как включу дальний свет – огонь. Все готовы? – этот вопрос был лишним и задан больше по инерции, чем по делу. Все четыре ствола уже были направлены в это маленькое стадо кабанов. Отсутствие лобового стекла давало отличную возможность Хирургу и его пассажиру, вести стрельбу прямо из кабины, а сидевшие сзади, уже наполовину тела высунулись в боковые окна и также были готовы в любой момент открыть огонь.

Силуэты вепрей осветились ярким потоком фотонов, без труда попадая в прорезь прицельных планок автоматов, которые, не сговариваясь, одновременно заговорили краткими фразами, с удовольствием выплёвывая свой боевой потенциал. Один кабан сразу рухнул, как подкошенный, без всяких намёков на девиз “Движение, это жизнь!”. Второго подкосило и он, упав, перекрутился на боку, а затем, подгоняемый яростью, снова поднялся, не понимая, что произошло, и хотел продолжить погоню. Но полученное пулевое отверстие

в окорок, заставило его присесть на задние лапы, и только сейчас осознав своё незавидное положение, повернул направо, таща в кювет парализованную половину своего тела. Третья жертва, прижавшись всей тушей и уткнувшись пятакон во влажную землю, заполнила эфир своим диким мерзким визгом, ничем не отличаясь от своих домашних сородичей, несмотря на мощный болевой порог. Судя по всему, пуля, войдя в тело, сменила траекторию и повела себя, как со смещённым центром тяжести, шинкуя внутренности и превращая их в фарш, вызывая нестерпимые муки.

Не выстрелы, а именно этот крик, заставил остановиться бегущих впереди трёх секачей и развернуться. Ильдар также затормозил, видя, что погоня прекратилась. Только сейчас кабаны поняли, с какой стороны летит смертельная опасность, выглядевшая в виде двух мощных источников, столь не любимого для них света, которые люди привыкли называть “фарами”. Они опустили морды и шерсть на холке, казалось, поднялась ещё выше, а огромные клыки зловеще отблёскивали на фоне темно-серых, сливающихся с ночью, силуэтов. Глаз не было видно, но никаких сомнений, в них сейчас существовало только буйство, загнав инстинкт самосохранения в глубокую яму дикой звериной души. Если ярость Хирурга не зашкаливала, то азарт вместе со злостью, придал ему и его бойцам ту безбашенность, которая бросала на подвиги многих.

– Их всего трое. За мной, пацаны. Пора заканчивать с

этим зоопарком, – решительно открывая дверь, он первым вышел из машины.

Остальных не пришлось ждать и уже четыре человека стояли в боевой готовности перед капотом, держа навскидку автоматы, бросая длинные тени на своих лесных неприятелей. Кабаны бросились в свой последний бессмысленный бой без страха и упрёка. Их нападение напоминало трёх оставшихся в живых камикадзе, летевших в атаку на оцетинившийся пушками американский линкор, готовый встретить их со всеми “почестями”. Но если японские пилоты-смертники психологически уже давно, не взирая, ни на что, были готовы принять смерть, следуя кодексу самурая “бусидо”, то стремление на собственную гибель вепрей, объяснялось, лишь отсутствием каких-либо знаний об убийственной силе и моще АКМ-74. Оно и понятно, так называемый индекс мозга дикого кабана, едва доходивший до 0,2%, был сопоставим с показателем бегемота, который также не вошёл в историю животного мира, как обладатель высоких интеллектуальных способностей.

Бегущие навстречу в свете фар, кабаны стали несложными мишенями, поразить которые не составило бы больших трудностей даже для тех, кто за свою жизнь успел выпустить три-четыре обоймы, а сейчас, когда их встречали люди, прошедшие немало часов с автоматом, и подавно. Это не было боём, это был хладнокровный, без малейшего намёка на нервозность и спешку, расстрел уступающего по всем статьям,

как в вооружении, так и в количестве, врага. Никакой пощады, лишь циничные ухмылки на лицах.

Вепри падали, как подкошенные, но стоило только сделать попытку подняться, как сразу пару пуль, отбивая это желание, приковывали их к земле, уже навсегда. Как любой расстрел, это действие было недолгим, но с лихвой заполнило воздух безжалостным холодом, который не может определить термометр, ты ощущаешь его только своим нутром. Глухое эхо – постоянный спутник этого смертельного приговора, объявило о его окончании, разнеся весть об этом событии далеко по сторонам. Автоматы одновременно опустили стволы, уставившись в землю, снимая напряжение и отдыхая после привычно хорошо выполненной тяжёлой работы.

Четвёрка двинулась навстречу лежащим тушам с любопытством и осторожностью. Кабаны очень часто симулируют свою смерть, притворившись безжизненным куском мяса, поэтому Хирург предупредил, что расслабляться ещё рано и если уши торчат, а шерсть на загривке стоит дыбом, сразу стрелять в голову. Снова будить эхо не пришлось. Из машины вышел Башкир со своим напарником и, также, с опаской, двинулся навстречу им. Если последние три вепря, расстрелянные практически в упор, представляли собою жалкое зрелище, то из двух первых попавших под огонь с тылу и оставшихся лежать на дороге, один явно был ещё жив. Ощущая вибрацию земли от приближающихся шагов, он резко вскочил, заставив Ильдара стремительно поднять автомат, и

ринулся прочь с такой прытью, что мгновенно растворился в темноте.

– Башкир, реакция уже не та? Старый стал? – голос Хирурга наполнился расслабленным весельем.

– Всё хорошо, не переживай за меня. Если я правильно посчитал, осталось два подранка, которые уже точно к нам не сунуться.

– Судя по всему, да. Как там, Боцман?

– Шашлыка хочет, – улыбнулся в ответ Ильдар.

– Скажи ему, если успеем вернуться через три часа, нарежу ему самую мякоть, позже уже будет с запашком.

Хирург получил своё прозвище не по бывшей профессии, как может показаться изначально, а за искусное владение ножом. Его с детства завораживали всевозможные клинки, которые делал отец на работе в механическом цеху, оставаясь после смены, и приносил домой. Они были разной формы и для разных задач, но всех объединяли интересные истории происхождения, которые с огромным удовольствием он рассказывал, пока маленький Саша внимательно рассматривал их, крутя в своих юных ладошках взрослые игрушки. Особенно его привораживали рисунки на стальном острие, получавшиеся из-за того, что для изготовления использовался пакет заготовок из разных марок стали. Но так получилось, что он больше хотел не изготавливать, а научиться метать их, о чём искренне желает каждый пацан. Отец во дворе дома соорудил огромный деревянный щит, несмотря на проте-

сты матери, а после школы и наспех сделанных уроков, Саша до захода солнца мог бросать ножи, не обращая никакого внимания на возникшую усталость и растяжение плечевого сустава. В то время для него не было ничего более приносящего воодушевление, как чёткий звук вошедшего в дерево лезвия и кратковременный тембр вибрирующей рукоятки. Позже он всё чаще держал нож в руках разными хватами, водя им перед собой и доводя эти движения до автоматизма. Но всё равно нужен был человек, который обучит, как правильно это делать. В то время на пик популярности поднялось спортивное самбо, которое уже было в шаге от того, чтобы стать олимпийским видом спорта и Саша, не капли не задумываясь, отправился в спортивную школу. Тренером был бывший офицер одного из подразделений КГБ, который, как и обязывало, в совершенстве владел также ножевым боем, а узнав о пристрастии своего подопечного к холодному оружию, после занятий показывал на деревянном клинке все азы этой техники. Так мечта Александра свершилась – калённая заточенная сталь теперь была его вторым я. Понятно, что повзрослев и с такими талантами в те времена, когда Советский Союз начал распадаться на глазах, остаться законопослушным гражданином в большом городе, шансы равнялись практически нулю. Сначала самый обычный ракет мелкий предпринимателей, а дальше больше, участие в серьёзных разборках за место под солнцем, захваты небольших предприятий, торговля оружием, несметное количество

которого осталось на складах, пришедших в упадок воинских частей, и причастность к наркотрафику.

В криминальном мире о его владение ножом ходили легенды. Он с легкостью превращал обычный столовый тупой клинок в орудие, несущее смерть, а топорик в его руках отбивал желание у любого, приблизиться к нему ближе, чем на десять метров. Вот именно за виртуозность и отточенность в обращении с холодным оружием, его уважительно прозвали “Хирург”, не обычный “Мясник” или что-нибудь подобное, а именно – “Хирург”.

Башкир дал команду очистить дорогу от трупов кабанов и пока туши перекачывали в кювет по обе стороны дороги, он сел за руль и начал сдавать назад. Джипы снова встали вместе. Он вышел из машины, и громко, чтобы слышали все, приказным тоном произнёс:

– Боцман, чтобы ты не рассказывал, одного я тебя здесь не оставлю. В таком состоянии, ты даже от белки не отобьёшься, – Ильдар провёл взглядом по своим бойцам и, остановив его на одном из них, тем же, не требующим возражений голосом, добавил, – Петруха, останешься с ним.

В ответ лишь утвердительный кивок. Петруха, он же Пётр, никогда не был многословен, иногда напоминая немого. Даже расслабившись в кабаке, за столом в компании, горячительные напитки не способны были его разговорить. Он всегда слушал, а его участие в беседе выдавали лишь живые глаза и мимика. Только обращённый к нему вопрос, заставлял

произнести несколько слов, строго по существу.

– Э, Ильдар, – из машины раздался наигранно печальный голос Боцмана, – так он же молчит всё время. Даже старый анекдот не расскажет. Скучно будет.

– То, что надо. Тебе сейчас болтать языком тоже лишнее. Вот и посидите в тишине. Лучше подумай, как гостей встречать намерен. Уверен, через пару часов они будут здесь.

Небольшая эйфория от победы в битве с кабанами заставила позабыть о главном противнике, который был гораздо опаснее этого дикого стада и на всех парах мчался в их сторону. Задумчивая серьёзность вернулась на лица присутствующих. Все понимали, что этот бой был лишь маленькой толикой проблемы, с которой они столкнутся. Хирург пристально с вопросом посмотрел на Башкира:

– И что будем делать, командир?

Ильдар понимал, что ответ должен быть уверенным и убедительным в своей правоте, поэтому голос наполнился железной решительностью:

– Петруха, садись за руль и вывози Боцмана дальше по дороге. Найди место, где сможешь спрятать машину и ждите там. Когда вернемся, дадим обнаружить себя.

– Башкир, так может, обе спрячем? – Хирург не мог ухватить его логическую цепочку.

– Нет, только одну. Они знают, направление и сколько автомобилей. Дорога, как ты заметил, здесь единственная. То есть ехать они будут до последнего в поисках машин, и те-

перь, поставь себя на их место. Ты видишь стоящий посреди дороги, абсолютно пустой, один из джипов на окраине леса. Что ты будешь делать? Начнёшь искать второй? А смысл? Он вполне мог вернуться в город за это время и ищи, свищи его. А так, хоть что-то есть и остаётся только ждать, когда к нему вернуться.

– Ну, вроде, получается так, – растянуто ответил Хирург, обмозговывая каждое слово Ильдара, и не найдя никаких противоречий, спросил, – что делаем мы?

– Фонарики, полные рожки и как в песне Владимира Семёновича – “по лесной стране гуляет славный парень Робин Гуд”. Лесник говорил, что его хата строго на юг в пару километрах от этого места. Компас в помощь.

– С нами Бог и Андреевский флаг, удачи, пацаны! – из открытого окна раздался, как всегда, не теряющий оптимизма, голос Боцмана. – Мысленно, мы с вами. Трогай, Петруха!

Пять пар глаз провели взглядом удаляющуюся машину и повернулись, уткнувшись в стоящие живой стеной дебри ночного леса, холодная тишина которого не предвещала никакой весёлой развлекательной программы. Но они на это и не рассчитывали. По одному, друг за другом, пустили свой свет фонарики, и пятёрка решительно настроенных мужчин сделала первый шаг навстречу безмолвной чёрной лесистой неизвестности.

Глава 12. Представление

Облака, словно слегка вздрогнув, сбросили последние капли и продолжили по небесному океану свой вечный круиз, подарив огню возможность медленно, но уверенно продолжить своё незаконченное дело. Спрятавшиеся языки пламени снова начали выползать наверх, аккуратно просушивая влажные доски и превращая с тихим потрескиванием все молекулы воды в пар, а затем, напоминая удава, проглотив, медленно брались переваривать поджаренную пищу.

Выстрелы напрягали Лесника, и пока они были слышны, он молчаливо сидел, повернув лицо с прикрытыми глазами в их сторону и внимательно вслушивался в каждый из них. Я тоже пытался представить происходящую за лесом картину, исходя из динамики коротких очередей автоматов. Но информации не хватало, поэтому были лишь догадки. Даже когда наступила тишина, мы продолжали напрягать слух, дабы ничего не пропустить. И только молчание затянулось, как бы убеждая нас, что бой закончился, он открыл глаза и посмотрел на меня:

- Что скажешь, разведка?
- Уверен только в одном, они уже близко. Скорей всего на том месте, где ты с ними постоянно встречался.
- До этого и я догадался. Что по характеру выстрелов можешь сказать? – юридические термины не были чужды ему.

– Вот здесь не уверен, но я не слышал ответного огня.

– То есть ты хочешь сказать, что на них напал кто-то безоружный? – Лесник склонил набок голову, демонстрируя нескрываемый интерес.

– Получается так.

– Значит, звери. И они их там ждали, и знали место, – он опустил глаза на землю и нахмуренно добавил, – надеюсь, мы узнаем, кто за этим всем стоит.

– Далеко заглядываешь. Наши твари что-то притихли. Вот это сейчас меня волнует гораздо больше. Что они задумали?

В полном бездействии с обеих сторон прошло минут двадцать, когда в проеме боярышника снова появился Белый. Он без опаски, один, вошёл во двор и, остановившись в метрах семи от нас, поднял морду. В его глазах я не увидел прищущей до этого злости и ненависти. Они были уверенно спокойны, как у человека, который прекрасно знает, что делает. И это, мягко сказать, настораживало. Затем вожак отошёл в сторону, так, что наше пристанище, было между ним и хижинкой. Меня это устраивало, потому что сидя на ветке, пропущенной между ног и облокотившись на ствол, не приходилось разворачивать голову в его сторону. Я был, словно зритель на балконе драматического театра и даже не предполагал, какой спектакль нам придется лицезреть.

Белый присел на задние лапы и, задрал голову, всем своим представительским видом напоминал замолчавшего конференсье. Не хватало только бабочки на шее и микрофона.

Затем повернул морду в сторону прохода, словно приглашая актёров на сцену из-за кулис и уставился в наигранно показательном ожидании. Вышло две волчицы, и направились к нему, не обращая никакого внимания на нас. Они расположились за ним, тоже присели, положив прямо и неподвижно на землю свои хвосты, заставив на наши лица надеть маски недоумения. В этот момент поведение лесных хищников не помещалось в принятые рамки, даже за всю историю цирка, я уверен, не было подобных номеров.

Воздух начал вибрировать от гула, источником которого был Белый. Он слегка приоткрыл пасть и из гортани, постепенно увеличивая громкость, исходило сплошное гудение, словно приближающийся огромный рой диких, лютых пчёл. Постепенно беря ноты всё выше, гул переходил в такой же протяжный вой, неприятно щекоча барабанные перепонки. Стоявшие сзади волчицы, словно бэк-вокалистки, продолжали молчать, опустив головы, в ожидании своей партии. Мы переглянулись, и Лесник, пытаясь не мешать выступлению этого странного трио, тихо с сарказмом спросил:

– Он что, дождь вызывает?

– Не знаю, но всё это не просто так, – в моём голосе не было замешательства, скорее кратковременная растерянность от увиденного действия.

В этот момент, подняв морды вверх, затянули свои голоса волчицы. Что поражало, они полностью сохраняли тональность, заданную вожаком, и это с уважением оценил бы са-

мый притязательный музыкальный критик. Такое выступление на манеже передвижного шапито, без сомнения, заслуживало аплодисментов, но сейчас оно настораживало и, в то же время, не буду скрывать, завораживало своим животным магнетизмом. Как хорошие актёры, волки играли роль так, что хотелось смотреть дальше, предвкушая ещё более мощное и захватывающее продолжение, которое не заставило себя ждать.

На импровизированную сцену, где роль прожектора взяла на себя полностью освободившиеся от облаков луна, накрыв поляну мягким синеватым светом, вышли ещё трое волков и под пение вожака со свитой, начали ходить друг за другом вокруг них, соорудив подобие живого кольца. Происходящее вполне укладывалось в моё представление ритуалов диких племён в джунглях далёкой Африки. Не хватало лишь огня для придания таинственности, а также барабана, ритм которого подчеркивал бы каждую ноту этого пения и каждое движение. Только я вспомнил это смешное и простое название ударного инструмента “там-там”, как из леса довольно громко зазвучало низкое уханье филина. Он и заменил барабан, хотя, точнее будет сказать, бас-гитару.

Белый, не переставая выть, медленно встал на задние лапы, возвысившись над всеми, а находившиеся за ним волчицы легли рядом по обе стороны. Они, скрестив лапы, положили их на нос, прикрыв глаза, а хвосты начали двойным ударом бить об землю в ритм звукам филина. Дыха-

тельная система вожака стаи требовала передышки, и он замолк, также оставаясь неподвижным в стоячем положении. Его глаза непрерывно смотрели на нас, но взгляд был пустой, отрешенный, казалось, что он вошёл в транс. Остальные трое волков продолжали своё круговое движение в такт звучащему из леса крику ночной птицы.

Мы снова переглянулись и Лесник, с той же саркастической интонацией и также тихо, заговорщицки предположил:

– Думаю, они сейчас вынесут ритуальную жертву, убьют и съедят. Как думаешь? – его начало веселить это шоу.

– Не удивлюсь, – после увиденного, мои слова – сама правда.

Доля истины в его шутке оказалась стопроцентной. Наше внимание привлек шелест кустов за проходом и вскоре во двор, два больших волка затаскивали, как я позже разглядел, труп лисицы. Они подтянули его к вожаку и положили перед ним, а сами включились в этот странный животный хоровод. Белый, дав отдохнуть лёгким и голосовым связкам, снова завыл. Только теперь вой напоминал больше плач, постоянно вибрирующий в разном диапазоне частот, что уже можно было назвать мелодией. Печальной, медленной, примитивной, но мелодией. Филин также снизил ритм и снова ночной лес наполнился звуками этого странного ансамбля. Лежащие две волчицы поднялись и сели, присоединяясь к пению вожака, который продолжал стоять, умилённо держа передние лапы перед собой в согнутом состоянии. Хоровой

вой продолжался несколько минут и закончился тьявкаушим визгливым лаем. Волки, водившие хоровод, легли полукругом перед вожаком, уткнувшись головами в землю, исподлобья наблюдая за ним. Белый встал в своё природное положение и, подковырнув тело лисицы носом, перевернул его на спину. Судя по всему, она была удушена, так как не было видно никаких рваных ран.

– Знаешь, разведка, иногда, где-то далеко в глубине леса, ближе к рассвету, я слышал такой концерт, но не придавал большого значения и не думал, что происходит всё именно так, – Лесник стал серьёзен.

– Меня другое волнует. Такое ощущение, что они забыли о нас или..., – я запнулся, так как от пришедшей в голову мысли стало не по себе, – отвлекают внимание....

– Я думаю, они просто настраиваются, как берсерки, входят в транс перед боем. В который раз убеждаюсь, этих тварей нельзя недооценивать.

– Неужели твоя наркота делает из них людей. Пусть и диких, но всё-таки людей? – в моём вопросе было сомнение, но увиденное неуклонно отодвигало его в сторону.

– Помнишь, я рассказывал, как на этом же месте одна волчица за дозу обслужила трёх волков. А это самое что ни на есть, человеческое поведение, пусть, хоть и не слишком благородное.

После его ответа у меня пролетела лишь одна мысль, что это смертоносное зелье действительно превращает живот-

ных в людей, заставляя включать новые возможности мозга, а вот с людьми делает всё наоборот, возвращая их к первобытному состоянию. Думая, что я был далеко не первый, кто пришёл к такому выводу и, успокоившись на этом, снова стал наблюдать за этим необычным для человеческого воображения, ритуалом.

Белый, широко открыв пасть, вонзился своими клыками в живот лисицы, вырвал кусок кожи, зацепив внутренности, и оторгнул этот сгусток в сторону. Затем полностью, оставив только глаза, погрузил свой нос внутрь мёртвого тела, пробивая путь интенсивным маханием им из стороны в сторону. Он не ел, он, окунувшись, омывался кровью. Через несколько секунд достал морду, скорее всего сделать вдох, и от его вида стало жутковато. Белая шерсть на голове приняла насыщенный темный цвет, который отблескивала попадавшим на него светом луны. Волк посмотрел на нас и в его глазах был снова уверенный бесчувственный холод палача. Потом стукнул лапой по земле и один из лежавших напротив него поднялся, проведя точно такой же обряд омовением кровью. И так, после каждого удара, по очереди это сделали все остальные. Только самки продолжали, словно статуи, непоколебимо сидеть, отрешенно смотря вперёд.

Тихое рычание вожака подхватили остальные и на сцену вышли ещё три волка, ведя лисицу, окружив её с трёх сторон, словно конвой. Ей, судя по всему, повезло прожить немного больше, чем соплеменнице. Теперь это была полно-

ценная футбольная команда с капитаном, лишь только тренер до сих пор оставался неизвестен.

У лисицы был приговоренный вид. Она шла, опустив голову, полностью отдавшись на волю своих палачей. Полное смирение, и ничего больше. Белый вышел навстречу, а волчицы, словно хорошие хозяйюшки в доме, убрали мёртвое тело в сторону, освободив место для нового блюда. Конвой отошел в сторону, и вожак сопровождал будущую жертву к приготовленному месту. Пнув лапой по морде, он заставил лечь на землю, а потом, не убивая, приступил к трапезе, съедая её заживо, о чём говорила редкая нервная дрожь конечностей. Я не мог оторвать взгляд от происходящего, хотя, в этом не было ничего удивительного – таков он, дикий мир хищников. Хотя одна противоестественность присутствовала. Лисицы, так сложилось исторически, считались самыми ненавистными врагами волков и, насколько мне было известно, праотцы домашних собак только убивали их, оставляя бездыханное тело валяться прямо на тропе. Только зверский голод мог заставить волков поживиться лисьей плотью, а Белый, как и все остальные, не выглядел некормленным. Лесник в этом увидел другую странность, с которой нельзя было не согласиться и, тихо с вопросом произнёс:

– Набивать желудок перед дракой? Как-то не логично, тем более, для этих тварей. Ничего не понимаю, – и, подняв глаза вверх, философски добавил, – думаю, когда всё закончится и мы, если сможем об этом рассказать, всё равно не

найдем ответы на многое.

Я утвердительно промолчал и с безрадостной ухмылкой подумал, что слова “если сможем”, на данный момент, ключевые в его фразе.

Лисица перестала дёргаться, и у Белого сразу пропал к ней интерес. Он отошёл в сторону, оставив её на растерзание волчицам, которые тут же приступили к ритуальному приёму пищи. Оставив на земле лишь кости и ошметки кожи, они вернулись на прежнее место, присев снова по обе стороны от вожака. Он резко гаркнул и на его зов, бесшумно паря, из темноты леса появился филин, спланировал к лежащему недалеко трупу первой жертвы и принялся клевать ещё тёплую плоть. Судя по всему, наступил антракт, и буфет открыл свои двери для ведущих актёров. Нам ничего не оставалось, как дожидаться второго акта, но, не имея программку спектакля, о его сюжете можно было лишь догадываться.

Ничего не было плохого в том, чтоб этот возникший перерыв заполнить разговором. К тому же меня до сих пор интересовал один вопрос. Пусть далеко не самый главный в моей жизни, а вызванный только любопытством, но, как известно – это упрямая вещь, которая умеет постоянно напоминать о себе, и я, как бы невзначай, спросил:

– Если не секрет, почему называют Лесник? Так понимаю, это прозвище у тебя ещё до того, как ты оказался здесь.

– Та, какой же здесь секрет. Это не первый мой побег. Первый был неудачным, наполовину, если так можно ска-

зять. Я тогда бежал из зоны и скрылся неподалёку в хвойном лесу. Чистый свежий воздух – песня, одним словом. Кинулись меня искать только утром. По всей области и за её пределами, но никому в голову не пришла мысль, что я затихарился совсем рядом, в каких-то трёх километрах от колючки. Связь со мной поддерживали через бригаду мужиков, каждый день выезжающих на лесоповал, поэтому, даже находясь в лесу, я знал абсолютно всё, что происходит в колонии и держал на контроле. Вот тогда и прозвали меня Лесник. Прошло полгода, о побеге начали подзабывать и я уже решил поменять хату, как однажды на рассвете разбудил столь знакомый лай немецких овчарок. Шалаш был окружён, и не единого шанса проскользнуть. Соппротивление было равно самоубийству, да к тому же понимал, что взять меня живым не было первым приказом. И через пару часов уже лежал полностью синий от ударов прикладами на мокром бетонном полу карцера. Так, что сюда я попал не случайно, лес – знатное место, чтобы отсидеться. Ты же тоже сюда, поэтому пришёл? – улыбнулся Лесник.

– Так тебя сдали? И кто?

– Помнишь, я тебе говорил, что “доброжелатели” всегда найдутся. Так произошло и тогда. Нашли его быстро и, как всегда бывает, именно на этого человека думаешь в последнюю очередь. Вскоре его показательно поставили на ножи. Ну вот, как то так, разведка.

– Зачем он это сделал?– спросил я, хотя о причине, ко-

нечно, догадывался.

– Власть, и ничего больше.

– Тогда какой смысл было сдавать тебя, если ты вернёшься назад в тюрьму и будешь сидеть на троне, как и сидел?

– Это я потом узнал. У него была договоренность, что меня пристрелят при попытке к бегству, но не учёл он одного. Знаешь, чего боится само больше хозяин на зоне? – в ответ, я отрицательно покачал головой, и Лесник продолжил. – Бунта, и я мог этот вопрос легко решить. Начальнику тюрьмы нужен был не он, ему нужен был я, а обещать можно всё, что угодно, ну и плюс, конечно, поимка беглеца своими силами, чтобы вернуть расположение сверху.

– И ты всё-таки сбежал второй раз?

– Это другая история и с тех пор прошло восемь лет. Всё тогда изменилось. Для многих, деньги стали важнее понятий.

Антракт, судя по всему, подходил к своему окончанию, так как волки начали менять расположение на этой природной сцене. Теперь они выстроились в ряд, посередине которого сидел Белый со своими спутницами. Вожак повернул голову и посмотрел на филина, который, как чувствуя, что к нему обращаются, оглянулся, оторвавшись от столь аппетитного клевания свежей плоти лисицы. Он взлетел на ближайшее дерево за кустарником, где скрылся в темноте, и уже через несколько секунд раздалось его громкое с ускоряющимся ритмом уханье, словно удары барабанщика, задающего темп

перед исполнением песни. Белый поднял морду и начал своё соло – это было уже не рычание, не вой. Из его пасти низким басом выливался громкий сплошной гул, напоминающий шум земли перед извержением вулкана. Казалось, ещё чуть-чуть, и всё вокруг задрожит, а потом начнут падать деревья, с огромным треском вырывая крупные глубокие корни. Настолько мощно это звучало. Я не знаю, какой объем легких у оперного певца, но в этот момент, мне казалось, что у Белого он не меньше. Его гул подхватили остальные, кроме волчиц, которые вышли из строя и встали, убрав хвосты в сторону, как вкопанные, готовые к совокуплению. Вожак замолк, уверенной поступью подошёл сзади, и под тяжелое гудение стаи в ритм уханья филина, начал половой акт. Это единственное действие в этом спектакле, где не было ничего непредсказуемого и не заслуживало подробного описания. Сношение прошло, как у обычных больших дворовых собак. Удовлетворив обеих волчиц и оставив их лежать на земле, Белый с нескрываемым высокомерием сел рядом, а остальные волки, прекратив гул, снова устроили хоровод вокруг них, только теперь в очень быстром темпе.

– Вот для чего он желудок набивал. Силы нужны были, – Лесник улыбнулся, – но, что странно, у альфа-самца лишь одна альфа-самка, а у этого две. В природе, людьми становятся, прямо, как султан с гаремом.

– Скорей, вождь и шаман племени, только в одном лице, – ответил я, – но меня другое поразило – это дисциплина. Ты

видел, остальные волки даже не шелохнулись, а я уверен, они тоже не прочь были бы овладеть самками.

– Ну, тут, скорей всего, дело в жёнушках. Они бы не подпустили и эти прекрасно понимали. А насчёт дисциплины, полностью согласен с тобой. Жёсткая, и наказание, судя по всему, только одно – быть съеденным заживо. Так что попасть живым в их лапы у меня нет никакого желания.

– Взаимно, – теперь наступила моя очередь улыбнуться.

А волки, на ходу перестроившись, сделали уже два хоро- вода, пропустив внутрь каждого из них самок, которые снова приняв вид величественных скульптур, сели внутри своего круга. Вожак, словно зритель на матче по большому теннису, только в замедленном действии, поворачивал голову и с видом хозяина смотрел то на одну, то на другую. Произо- шедшее далее я не мог себе даже представить. Это было по- хоже на церемонию открытия чемпионата, когда многочис- ленная шоу-группа, под музыку передвигаясь по зеленому газону, меняла фигуры построения, словно в калейдоскопе. Из двух кругов волки сделали замкнутую восьмёрку или жи- вой знак бесконечности. Движение каждого было отработа- но настолько безупречно, что они не то, чтоб столкнулись на пересечении, они даже ни разу не сбились с ритма. У людей на это уходят месяцы тренировок, а как волки добились та- кой синхронизации, скорей всего, останется загадкой. Окру- га снова наполнилась воем Белого, который тут же подхвати- ли самки, а остальные восемь волков одновременно легли на

землю, по четыре с каждой стороны, сделав направленный в нашу сторону коридор для вожака и оскалившись, подняли головы, не сводя с нас светящиеся в темноте глаза. Вожак снова входил в дикий кураж. Он перешёл на утробное рычание, прерываемое укусами собственных передних лап, поднося их по очереди к пасти. Белый вёл себя, словно боксёр перед боем, который заводится от постукиваний кулаками по собственной челюсти, а живой коридор из сородичей напоминал группу сопровождения к рингу. Он двинулся через неё и когда лежащие волки остались позади, остановился в метрах пяти от нас. Встреча взглядами состоялась, но если в его глазах было только решимость, то, по крайней мере, у меня, лишь холодное спокойствие разбавленное любопытством. Он довольно сильно и требовательно ударил лапой по влажной земле.

– Он что, зовёт нас спуститься? – Лесник повернулся ко мне. – Или что-то другое хочет сказать?

– Думаю, да. Приглашает на бой.

Мой ответ развеселил напарника и он, уставившись на вожака, нравоучительным, слегка с издёвкой, но в тоже время доброжелательным тоном, улыбаясь, словно общаясь с безобидной дворнягой, начал объяснять волку:

– Слышь, собака бешенная, не по понятиям это. Один на один, я вскрыл бы тебе пузо и даже не думал бы, – Лесник показал Белому лезвие ножа, слегка махнув им из стороны в сторону, – а потом, состряпал бы себе шапку, а так с тобой

восемь архаровцев. Не дело это – паритет нарушен. Или ты из беспредельщиков, или уже забыл, как вилял хвостом передо мной? Что ответишь, псина?

Видно было, что их общение происходило не в первый раз, и вожак стаи понимал всю опасность, которая может исходить от Лесника. Он не подавал вида, что слова его как-то тронули, но я чувствовал, что Белый чутко воспринял всё сказанное, умело спрятав сомнения. Он продолжал пристально смотреть и верхняя губа, всё больше дрожа от наполняющейся ярости, задиралась вверх, открывая главное его психологическое оружие – свирепый, не менее холодный и острый, чем лезвие ножа, волчий оскал. Глубокий тяжелый рык, уже поднадоевший за эти полчаса, снова охватил всю округу. Вожак начал с остервенением бить лапой, захватывая когтями пригоршни земли и отбрасывая их назад, словно разъяренный бык копытом, которым овладела только одна цель – насадить на рог стоящего напротив ряженного двуногого существа с тряпкой в руке. Это произвело впечатление, но лишь на остальных волков. Лесник отломал небольшую сухую ветку рядом с собой и непринужденно бросил её в Белого, попав точно между ушей.

– Заколебал гудеть уже. Тише будь, собака! – его слова потонули в рычание, но мною были услышаны.

Палка ожидаемо не принесла сильного урона черепной коробке волка, но эффект от этого издевательского броска был равносителен взрыву на складе боеприпасов. Белый пол-

ностью потерял контроль, выпустив всю злость и ярость на свежий воздух. Это была пощёчина и при этом на глазах всей стаи. словно привязанный к невидимой цепи он скакать и крутиться на месте, как скандальный маленький мальчик в магазине игрушек, которому мать отказалась купить понравившуюся машинку. Рычание перешло в звонкий нервный лай, который тут же подхватили остальные. И только самки продолжали неподвижно сидеть, показывая, что не их дело участвовать в мужских разборках.

Лесника развесил весь этот приступ истерики и он, усмехаясь, с нескрываемым видом человека получившего удовольствие от своего поступка, смотрел на волков, которые ещё больше бесились от того, что не в состоянии ничем ответить. Стая продолжала стоять в стороне и поливать нас режущим уши лаяньем.

– Когда человека выведешь из равновесия, сразу открывается его настоящая сущность. согласишься, разведка, всё-таки внутри они обычные собаки. Что скажешь?

Я флегматично ответил:

– Внешне они тоже не сильно отличаются.

Мы громко рассмеялись, чем вызвали очередной припадок истерии у наших лесных оппонентов. Приятно было наблюдать, как враг, злясь и стучась головой об стену, ничего не может с тобой сделать. В те минуты я даже не подозревал, насколько мы снова их недооценили.

Глава 13. Ночной бросок

Башкир вёл взгляд за лучом фонарика, который не в состоянии был пробиться сквозь дебри, постоянно останавливаясь то на стволе дерева, то теряясь в зарослях кустарника.

– Ильдар! Мы так далеко не уйдём. Надо найти стёжку, по которой ходил Лесник. Здесь одни джунгли.

– Согласен. Тогда встали в ряд, через пять метров. Скорей всего, это звериная тропа. Ищите следы.

Дорожки в лесу, проложенные людьми или животными, не сильно отличаются друг от друга. Главное различие – это лишь высота прохода, а поскольку Лесник не часто пользовался ей, то молодые ветки кустарника, находившиеся на уровне тела человека, успевали восстановить своё природное положение и только по слегка притоптанной земле под ними, можно было увидеть лесной трафик. На поиски тропы ушло не больше пяти минут, и вскоре Башкир дал команду расположиться походным строем в колонну по одному, так, чтоб уверенно видеть спину впереди идущего. Замыкающим был поставлен Боцман, а функции ведущего, естественно, взял на себя Ильдар, не раз руководивший подобным отделением в армии при обеспечении контроля на границе с Китаем. Перед началом движения он дал ещё несколько указаний, касаясь интервала, положения оружия и самое главное, всегда держать своё место. Башкир уже было заикнулся о со-

блюдение полной тишины, но сразу осёкся. Одно дело – граница, и совсем другое бросок в лесу, где не требуется быть скрытым, а даже наоборот. Лишний шум, громкий разговор здесь будет только на руку и заставит зверя отойти в сторону, по крайней мере, так должно быть. Еще раз, окинув свой отряд внимательным взглядом, он выломал ветку средних размеров, махнул по воздуху перед собой, словно мечом, и удовлетворённый её тяжестью, продекларировал:

– Будет вместо мачете.

– Я думаю, здесь проблемы с тростником и бамбуком, – улыбнулся Хирург.

– Зато паутины на деревьях – вагон. Не руками же её сбивать. Или есть другие предложения?

– Не подумал об этом.

Башкир поднял кисть, на которой вместо часов уже висел компас и осветил его фонариком. Затем направил луч света параллельно черной стрелки, указывающей строго на юг, и выхватил из темноты метрах в пятнадцати ориентир в виде ствола молодого вяза. После его достижения этот приём надо будет повторить снова. Только такой способ поможет постоянно удерживать требуемое направление в лесу, тем более, глубокой ночью.

– Продвигаться будем медленно, но уверенно. Другого выхода нет. Так что запасаемся терпением, – повернувшись к остальным, спокойным тоном сказал Ильдар, и добавил, – это не совет, это констатация факта.

Спустя десять минут группа прошла чуть более 150-ти метров, и он прикинул в голове, что с такой скоростью около жилища Лесника они будут минимум часа через два, что, конечно, не внушало оптимизма. Отряд продвигался в полной тишине, несмотря на то, что была команда вести себя погромче. В такой обстановке, когда твои глаза, словно привязанные к лучу света, постоянно следуют за ним и впиваются только в него, требуя предельного внимания, сложно было найти повод для разговора. Ильдар это понимал и поэтому старался как можно чаще шуметь сам ударами палки по стволам и сухим веткам.

Вдруг гробовую тишину наполнил далёкий волчий вой, заставив всех остановиться.

– Похоже, как и мы, не спят, – Башкир поднял ладонь, приказывая остановиться и не засорять эфир, внимательно вслушиваясь в тихое, но, несмотря на это зловещее, пронизывающее до костей своим неприятием, завывание.

– Сдаётся мне, что это та стая, которую мы видели, и Лесник, скорей всего, где-то рядом с ними, – раздался сзади голос Хирурга, – как думаешь, сколько до них?

– Сто пудов. Так оно и есть. Теперь у нас ещё один ориентир. А расстояние? Не могу точно сказать. Где-нибудь в степи или в горах определил бы, а в лесу – сложно для меня. Не часто я в него захаживал.

– А почему они воют?

– Насколько я замечал, они это делают и по поводу и без.

Забава у них такая. Ладно, хорош стоять, надо двигаться, каждая минута на счету, – и Ильдар уверенно сделал шаг вперёд.

Вой незаметно, но становился громче, а его направление всё четче совпадало со стрелкой компаса. Путь стал легче, и хоть цель до сих пор не была определена визуальна, уши её уже видели. А это придавало уверенность и силы. Звериная тропа, слегка виляя, соблюдала свой фарватер строго на юг, тем самым облегчая продвижение вперёд. По расчётам Башкира, они углубились в лес метров на пятьсот, когда на подсознательном уровне он почувствовал, что за ними следят. Это ощущение нельзя объяснить словами, оно приходит из ниоткуда, намертво впиваясь в голову, заставляя всё чаще произвольно вертеть ею, оглядываясь по сторонам и оставаясь.

– Ильдар! Что тебя тревожит, брат мой? – весело и громко спросил Хирург, пытаясь снять возрастающее волнение.

– Мне кажется, за нами наблюдают. Чутьё меня редко подводит.

Они остановились, разбросав лучи света в разные стороны и Башкир дал команду соблюдать полную тишину, до боли напрягая слух, пытаясь поймать каждый шорох в этом гнетущем безмолвии. Но вокруг было настолько тихо, что сложно представить, куда ещё более. Казалось, слышно, как свет фонарика продирается сквозь темноту. Прошло минут пять и абсолютно ничего – полный глубокий штиль. Даже листья

на деревьях застыли, словно каменные.

– Да, вроде тихо. Напряженная сегодня ночка, вот тебе и мерещится всё подряд. Двигаться надо.

Ильдар без слов согласился с Хирургом и, выбрав новый ориентир по компасу, сделал шаг вперед. Действительно, время не ждало.

Прекратившийся на некоторое время вой снова зазвучал минором в прохладном ночном воздухе, мешая Башкиру вслушиваться в окружающую обстановку и тем самым нервируя его. Ощущение слезки не только не прошло, а даже наоборот, усилилось. Ещё одна вещь, которая также беспокоила его, это то, что за весь пройденный путь он не услышал крика или хотя бы хлопков крыльев встревоженной птицы. Создавалось впечатление, что у крылатых нет никакого желания быть свидетелями происходящего.

Хирург, следуя замыкающим, тихо непринужденно начал насвистывать непонятную и только ему известную мелодию, демонстрируя полную невозмутимость, словно эта прогулка ничем не отличалась от похода по грибы. Это не было беспечностью, это было что-то вроде медитации для самоуспокоения. Он игриво покачивал головой в такт придуманного на ходу мотива, расслабленно расположив кисть на крышке ствольной коробки автомата, ритмично постукивая пальцами по давно остывшему после боя металлу. Хирург уже хотел пошутить о том, что губная гармошка сейчас была бы в самый раз, как резкий удар в спину не позволил произнести

и слова.

О скрытности этого лесного хищника легенды ходили уже многие века и даже сейчас, самый опытный егерь, не всегда мог обнаружить его присутствие. Бесшумность и мягкость в каждом движении делало рысь незаметной, а умение терпеливо выслеживать добычу с любой позиции, будь то верхушка дерева, густой кустарник или заваленный сухой ствол – коварным охотником. Сколько она шла за группой останется в неизвестности, но момент и цель атаки были выбраны не случайно. Для рыси не было секретом, какую опасность несут все эти люди, но у неё, во-первых, было своё задание, а во-вторых, это были чужеземцы, которых местные обитатели никогда не праздновали. Напасть незамеченной, а это уже полдела, возможно было только на идущего последним в колонне, плюс расслабленное поведение намеченной жертвы также увеличивало требуемый эффект от внезапной атаки.

Небольшое ускорение, высокий прыжок и дикая кошка, словно рюкзак, повисла на спине. Сбить с ног не получилось, хоть это и не было основной целью. Хирург, чуть нагнувшись, всем телом упёрся в выставленную далеко вперёд правую ногу. Главное сейчас для рыси было добраться до шеи. Резко оборвавшееся насвистывание и непонятный окрик, заставил всех оглянуться и вскинуть оружие, направив фонарики на Александра. Долгие тренировки рукопашного боя не прошли даром и автоматически, только почувствовав прикосновение к спине, он мгновенно скинул левую руку к голо-

ве, защищаясь от удушающего приёма, опередив удар лесной кошки в район сонной артерии на сотую долю секунды. Всю остроту и силу выпущенных когтей приняло на себя предплечье, лучевая и локтевая кость которого, легко выдержали, чего нельзя было сказать о коже. Три глубоких пореза сразу окрасили рукав куртки в темно-красный цвет. Инстинктивно понимая, что это не человек, Хирург резко повернул тело вбок и упал на спину, пытаясь своим весом придавить нападающего зверя. На нашей планете, наверное, нет никого, кто бы ни завидовал кошачьей реакции, и рысь с лёгкостью продемонстрировала её, успев оторваться от спины, избежав быть придавленной к земле. Всё произошло настолько быстро, что никто даже не успел среагировать на то, как лесная хищница из тени снова стала невидимым призраком леса, скрывшись в темноте.

Хирург поднялся и, задрвав рукав начал внимательно рассматривать кровоточащие порезы, глубина которых достигла кости. Казалось, что рыси не хватило самой малости, чтобы вырезать два цельных лоскутка, оставшихся с трудом держаться на неповрежденных маленьких участках кожи.

– Зацепила, тварь, – прошипел он, – перевязать надо.

Башкир опустил луч света на землю, который сразу схватил большие листы подорожника. Сорвав два штуки, он приложил к ране.

– Придави, сейчас наложу повязку.

Передав автомат, палку-мачете и фонарик одному из бой-

цов, Ильдар скинул куртку на траву, снял толстовку и стянул майку, несколькими движениями разорвав её на полосы. Он начал аккуратно накладывать каждый виток, согласно всем правилам первой медицинской помощи. Вот только о другом правиле он подзабыл, думая о том, что всего за пару часов у него: один “двухсотый ” и уже два “трёхсотых”. Будучи требовательным в первую очередь к себе, Башкир снова винил в этом только себя, ища оправдание лишь в том, что ещё никогда не сталкивался так близко с таким противником. Это и стало его следующей ошибкой. Если бы враг имел человеческий вид, то после такой внезапной атаки, он, не задумываясь, отдал бы приказ занять круговую оборону. А здесь, всего лишь дикая кошка.

Все стояли рядом и молча, смотрели на перевязку. Вой вдалеке незаметно превратился в лай, но никто не обратил на это внимание, поглотившись каждый своими мыслями. Рысь, как воин, проповедующий партизанскую войну, не собиралась останавливаться на неудавшемся нападении. Если приказ стоял уничтожить мост, то царапины на его опорах не являлись выполненной задачей, к тому же в бой были брошены ещё не все силы, о чём, конечно, Ильдар не догадывался.

Следующей целью стал он. Кто-то, глядя сейчас на Башкира, видел бы обнажённую крепкую спину, но пронизывающий насквозь тьму взгляд рыси усматривал в этом лишь незащищенное место, в которое и следует провести удар.

Ильдар не сразу понял, что произошло. Голая спина мгновенно покрылась жаром, будто на неё вылили ушат горячей воды. Он чуть отпрянул в сторону и развернулся. На земле, открывшись перед всеми, стояла огромная рысь и, испускающая угрожающее шипение, готова была снова ринуться в атаку. Стоящий рядом боец вскинул ствол автомата, видя уже, как выпущенная очередь заставит покоиться с миром лесную кошку. Не заметил он только одного, как сбоку из темноты вылетела вторая рысь и в то же мгновение впилась острыми зубами в запястье, державшее цевьё, остановив движение пальца на спусковом крючке. Не собираясь отпускать руку, рысь начала тянуть её вниз и только удар подоспевшего товарища прикладом по голове, ввёл её в состояние близкое к нокдауну. Кисть, несмотря на боль, снова крепко сжало цевьё и через секунду из ствола, практически в упор, вылетела, выталкиваемая микровзрывами пороха, небольшая, но смертельная доза стальных пуль. С одной кошкой было покончено. Автомат чуть приподнялся и победоносно посмотрел на стоявшую большую рысь, ярость которой даже не угомонили звуки выстрела. Она продолжала шипеть и, казалось, что вот-вот поперхнётся своей слюной. Вскоре её бездыханное тело упало на траву, а глаза забылись закрыться перед уходом в безмолвие, уткнувшись в одну точку.

– Где третья, та, что меня дёрнула? Пацаны, светите в сторону, куда она ушла, – Хирург взял командование на себя, увидев резанные через всю спину раны Башкира.

Только сейчас Ильдар ощутил боль, несущую жар по всему телу. Казалось, что кто-то медленно проводит каленым прутком вдоль позвонков, охлаждая его заточенный конец выступающей кровью. Неприятное ощущение, даже для него, привыкшего переносить боль вопреки всему. Травма кисти третьего, получившего ранение в этой схватке, оказалась лёгкой и, он уже срывал листы подорожника для Башкира.

– Заводная тебе женщина попалась. Таким царапинам на спине любой позавидовал бы, – впадать в отчаяние не было слабой стороной Хирурга, – сильно она тебя полюбила.

– Это точно, Санёк. Горячая штучка была, – унимая ухмылкой боль, ответил Ильдар и добавил, – а ты, Илюха, красавчик. Две рыси уложить за три секунды – сильно. Этим до конца жизни гордиться можно и внукам рассказывать. Прикладывай свой гербарий, полоски майки свяжи по две, а перевязывай так, чтоб узлы были по бокам и не мешали.

– Тут зашивать надо, слишком глубокие.

– Делай, что сказал. Где я тебе сейчас врача найду? Наш хирург, не по этим делам. Главное, поплотнее ложи.

Башкир наклонил спину, а спустя двадцать минут уже встряхивал любимую тяжелую чёрную короткую куртку из свиной кожи. Затем лихо надел на толстовку, специально демонстрируя, что раны его более не тревожат, а точнее, он о них забыл.

– Судя по всему, моя кошечка испарилась. Не везёт мне с бабами. Вот так всегда, чуть поцарапает и сразу исчезает, –

Хирург наигранным полным сожалением голосом заставил всех рассмеяться.

Жаль, что этот разряжающий обстановку смех не слышали Боцман с Петрухой, которые вопросительно переглянувшись пару раз, продолжали напряженно вслушиваться в ночную тишину, после прозвучавших двух коротких автоматных очередей, гадая, что там произошло.

Ильдар не решил делать перестановку группы, так как звериная тропа не являлась местом, где можно развернуться, оставив прежний порядок в строю. Единственное, приказал полностью соблюдать тишину и быть предельно внимательными. Боль в спине становилась всё менее терпимой, и теперь каждый шаг заставлял непроизвольно сводить челюсти, сглатывая слюну. Как не старался Илья наложить повязки потуже, Башкир чувствовал, что они понемногу сползают и толстовка начинает прилипать к спине, увлажняясь кровью. Неприятно будет её снимать, когда придёт время. Он ни в коем случае не жалел себя, представляя какие шрамы останутся на спине. Их и так хватало на теле. Его больше терзала мысль, что сегодня бдительность и чутьё уже второй раз дали сбой, опаздывая на секунды. В первый, они похоронили Лёху, а во второй, сам чуть не остался без хребта. И снова он задумался, чтобы отойти от дел. Прав был Боцман, когда сказал, что этот вопрос надо решать только с Лесником, но зная его жесткость в таких темах, предстоящий разговор казался очень сложным. В чём был уверен Ильдар, так только

в одном, решение, принятое паханом, каким бы оно не было, будет единственно правильным. Вот только в глазах Лесника его акции стремительно рухнут.

Ильдар вспомнил, как лет пять назад, один из бригады решил завязать с криминалом и попытался исчезнуть на бескрайних просторах страны. Его искали более полугода, и нашли в одном посёлке за восемьсот километров, где он занимался небольшим хозяйством. Приговор Лесника был категоричен и однозначен – смерть, который он привёл в исполнение лично. Новоиспеченный фермер пытался бежать ночью, но далёко не ушел, а через трое суток его труп с двумя ножевыми ранениями застрял в прибрежном камыше местной речушки. После того он не знал не одного, кто попытался бы уйти от дел, по-тихому, в один момент, скрывшись от всех. Но здесь и было главное различие, Ильдар не смог бы это сделать, не поговорив со “смотрящим”, несмотря на всю тяжесть предполагаемой беседы. Таков закон и жесткая дисциплина криминального мира.

Его отношения с паханом вполне можно было назвать дружескими, но Башкир хорошо знал, что у него нет друзей. Лесник не доверял никому, и на это было множество причин. Лишь пару раз за эти годы он заикнулся, что у него есть только один лепший кореш, который сейчас очень далеко. И больше ни слова о нём. С одной стороны, Ильдар видел и ощущал уважение к себе, а это без всяких сомнений настраивало на честный, без недомолвок, откровенный разго-

вор. С другой же, он поставил себя на его место и мысленно представлял, что было бы, если к нему с подобным вопросом обратился, например Хирург. Башкир сразу отказал бы ему в возможности уйти, не вдаваясь в разъяснения и причины, просто поставив перед фактом. А дальше, понимая, что он уже не настолько предан, методично отвёл бы его от основного дела, поручая самую грязную работу, понизив в табелях о рангах преступного сообщества.

Такая вот образовалась дилемма в голове Ильдара, у которой не просматривался положительный для него исход. То, что поглотившие его сомнения заметили все, он не сомневался, лишь только Бецман, благодаря своей прямоте и давней дружбе, озвучил их ему один на один. Эти парни ощущают проступившую слабинку, даже глубоко спрятанную, на подсознательном уровне. Постоянное пребывание вне закона обнажает вся остроту этого чувства, шлифуя его каждый день до блеска. И размышляя об этом, Башкир снова и снова приходил к одному и тому же выводу – только разговор с Лесником, чем бы он ни закончился, сможет уgomонить возникший внутри дисбаланс. А чтоб этот разговор состоялся с ним, требуется совсем немного, найти и вытащить его из этого чёртового леса. Он сразу перевёл все свои мысли на выполнение этой задачи и ступня, при следующем шаге, уже более уверенно и твёрдо опустилась на землю. Ильдар снова полностью погрузился в окружающую обстановку, оставив мысли в покое и выдвинув на первый план только инстинкт

самосохранения, который тут же обострил требуемые ему чувства. Рука, словно привязанная к глазам, вела фонарик в унисон их движению, не давая бессмысленно уткнуться в темноту, а слух напрягся настолько, что казалось, он слышал, как ломаются жилки валяющихся под ногами листьев. Боль в спине Башкир подавил на психическом уровне самоунижением, что делал не раз в своей жизни и всегда с успехом. Нет, конечно, она осталась, он просто давно, если хотел, научился не обращать внимания на её присутствие. Его решимость в каждом повороте головы, в каждом шаге, в быстроте и чёткости определения следующего ориентира движения, передалась остальным. Соблюдая полную тишину, отряд уверенно продолжил свой путь во тьму навстречу волчьему лаю, оставив схватку с рысями в недалёком прошлом, так как каждый отлично понимал, что эту ночь, к развязке которой они неуклонно приближаются, уже никогда не забудут. И никогда не смогут передать её гнетущее напряжение, рвущую изнутри боль от потери друга, непонятный ступор в первые секунды атаки вепрей и зловещую холодную тишину окутанного тьмой встречающего леса. Но при этом явственно осознавая, что ещё не финиш и этот список не дописан.

Глава 14. Отвлекающий маневр

Мы, словно два кота сидящих на дереве своим спокойствием выводили из себя стоящую внизу свору собак. На тот момент происходящее очень напоминало эту обычную для городских дворов картину. Если выданный до этого старей концерт заслуживал аплодисментов своим исполнением и примитивной мелодичностью, то сейчас это была какофония из лая противно режущая слух. Никакого ритма, лишь сплошные громкие отрывистые асинхронные звуки. Было заметно, что Белый вместе с надменной уверенностью потерял и нить контроля за сородичами, которые, не стесняясь, перебивали его своим лаем. Каждый пытался это сделать злее и громче. Для защиты от таких случаев человечество придумало беруши, но сейчас они не оказались случайно в карманах, в принципе, как и всегда. Таково их свойство. Волки, то по одному, то парой выбегали из группы к нам, прямо под ветку, как будто пытались укусить и тут же возвращались назад. Затем, будто это была разминка, они начали с выпрыгивать с разбега, пытаясь нас достать. Пролетавшие внизу клацающие челюсти в метре от ступней больше забавляли, чем пугали. Я не понимал, зачем они это делают, видя всю тщетность достать нас таким способом. Но они упорно продолжали свои попытки под непрекращающийся лай, атакуя нас по очереди. Белый, успокоившись, смотрел за про-

исходящим со стороны, тихо подвывая, хотя это больше напоминало бурчание с самим собой. Казалось, ещё немного, они сдадутся, развалившись на земле с высунутыми языками, дабы охладить разгоряченное тело, и тяжёлым дыханием.

– Странно они себя ведут, бестолково, – Лесник повысил голос, преодолевая это поднадоевшее лаянье, – не похоже на них.

– Может от безысходности. Не знают, что с нами делать, вот и бесятся.

– Тогда бы легли рядом и валялись. Силы, зачем тратить?

Я не мог не согласиться с его доводом и, также не знал ответа на этот вопрос, а стая, не сбавляя оборотов, продолжала вертеть карусель, словно отработка двойного шага с броском юными баскетболистами.

– Хотя, пусть шумят. Пацаны быстрее на нас выйдут. А то сложно им в ночном лесу ориентироваться. Заблукать могут.

В этом шуме не слышали выстрелы, отправившие в рывую Вальхаллу двух её представителей, стараясь абстрагироваться от звонкого шума исходящего из волчьих голосовых связок.

Мы не сводили с них взгляд, пытаюсь ничего не пропустить. Небольшая игривость прошла быстро, и хоть казалось, что нет никакой опасности, нутро постоянно подсказывало, это всё они делают не просто так. А объяснение истинной причины такого поведения волков не находило себе места,

оставив его волнительному напряжению. Нет, скулы не были сведены, но повышенное внимание полностью захватило нас. Я пристально смотрел на Белого, пытаюсь уловить какое-либо еле заметное движение головой или телом, которое даст подсказку, забыв о простой истине – если хочешь узнать секрет фокуса, никогда не смотри на руку иллюзиониста, которую он специально показывает, наблюдай за другой.

Лесник повернулся ко мне и хотел что-то сказать, как его глаза чуть дернулись в сторону, а через мгновение резкий громкий окрик заставил заткнуться волков.

– Сзади!!!

Я, облокотившись на ствол дерева, всё это время считал, что спина в безопасности, поэтому не сразу понял его, но машинально пригнулся вперёд. Это было единственное возможное движение в данной ситуации, и оно спасло меня. Чья-то лапа крепко впилась в правое плечо, которое стало на пути её движения. Когти, словно огромные крюки, захватили сустав, и казалось ещё немного, выдернуть его из тела. Огромный выброс адреналина не дал “насладиться” всей полнотой боли и потерять сознание, заставив лихорадочно работать мозг для выбора правильного действия, сложность принятия которого была в том, что я понятия не имел, кто это был. Затем мощный рывок чуть назад и в сторону опрокинул меня на бок. Как не старался покрепче сжать перекрещенные под веткой ноги, я стал заваливаться с неё. Правая рука беспомощно повисла и отказалась слушаться, лишь

слегка подрагивала, будто пропускала через себя малые дозы электрического тока. Левая, пытаясь ухватиться за ветку сверху, пару раз рассекла вхолостую воздух, и я продолжил падение.

Время как будто включило самую маленькую скорость, превратив секунды в минуты и, приближаясь всё ниже к земле, я видел, как волки смотрели на меня, предвкушая быструю и жестокую расправу в виде разрывания меня на куски. Белый продолжал стоять в стороне и на его морде, могу поспорить, была победоносная ухмылка довольного собой злого гения, который проведя долгую замысловатую комбинацию следующим ходом ставил мат, не беря в плен. Теперь всё стало ясно. Весь этот спектакль был для того, чтобы затянуть время и отвлечь нас. У него это получилось великолепно.

Мой единственный шанс не встретиться с землёй был только в ногах, которые от напряжения намертво связались между собой узлом. Тело нырнуло вниз и остановилось в подвешенном состоянии. Однозначно, в тот момент, я напоминал неуклюжую летучую мышь, набравшую чересчур много лишнего веса. И если левую руку смог прижать к груди, то правая свисала, как тряпка на бельевой верёвке. Один из волков разбежался и выпрыгнул, пытаясь схватить её, но на моё счастье, ему не хватило сантиметров двадцать. Только сейчас я смог посмотреть наверх. Огибая ствол, на ветку залазила россомаха. Она не обратила никакого внимания на мои ноги и, аккуратно переступив через зажатые в замок

ступни, двинулась на Лесника.

Я никогда в своей жизни не сталкивался вживую с этим зверем, но о жадности и беспощадности присущей ей был наслышан. За прошедшие века росомаха обросла тысячами легенд разных народов, и на это было множество причин. А самая главная, это её бесстрашие. Меня учили, что только дураки ничего не боятся и, поэтому росомаху вряд ли можно было назвать интеллектуалом среди хищников, в отличие от медведей, рысей и тех же волков. Природа по неизвестной мне причине обделила её инстинктом самосохранения, а в совокупности с бесконечной прожорливостью, при встрече с ней оставалось только два выхода. Бежать или убей. Третьего не дано.

Побег, понятно, отпадал сразу, оставляя только один вариант, на исполнение которого надо было быстро найти план и время. Лесник перекинул одну ногу через ветку и, в его вытянутой вперёд руке снова блеснуло лезвие ножа. Вид куска заточенной оголенной стали привёл росомаху в бешенство, и она сразу во всей красе продемонстрировала свой оскал, которому могли позавидовать более крупные хищники. Короткие мощные лапы цепко ухватились за ветку и тело, напоминающее смесь барсука и медведя, остановилось, готовое в любую секунду кинуться в атаку. Я прекрасно снизу видел её большие острые когти, которые судя по всему, разорвали мне сухожилия на плече. Достать левой рукой пистолет из-за пояса справа в таком положении требовало неплохой сно-

ровки и, самое главное сейчас, не уронить его на землю. С трудом дотянувшись до рукоятки и схватив её двумя пальцами, начал медленно разворачивать в другую сторону, чтобы удобно взять левой рукой.

Северный брат медоеда сорвался с места и сделал выпад правой лапой в виде бокового удара, пытаясь выбить нож. Никто из нас не ожидал, что она так мастерски владеет боксёрскими приёмами. Лесник среагировал в последний момент, но один из когтей зацепил пальцы, заставив ослабить сжатый кулак на рукоятки ножа, который предательски выскользнув, бесшумно упал на землю. Росомаха, почти вприпрыжку прижав голову к ветке, ринулась в атаку, стараясь как можно быстрее насладиться вкусом человеческих внутренних органов. Вполне возможно, она попробовала бы их в первый раз. Рывок бы настолько стремительным, что Лесник не успел ничего сделать, но наше единственное спасение в виде пистолета Макарова уже плотно лежало в моей руке. В таком положении мне ещё не приходилось стрелять, да и владение стволом обеими руками не было моей сильной стороной. Только по лапам росомахи я мог определить, где она находится и чтобы попасть в неё, надо было вынести левую руку в сторону, вывернуть и направить верх кисть. Ни о какой прицельной стрельбе не могло идти и речи. Самое плохое, что я мог зацепить Лесника, но другого выхода не было.

Клыки росомахи только коснулись куртки, как выстрел и просвистевшая над ней пуля, остановили её. Она отскочила

назад, не понимая, что произошло, а затем, перегнувшись через ветку, развернула голову и с удивлением посмотрела на меня. Как для хищника у неё была симпатичная мордашка, пока снова не обнажила свой оскал. Второй выстрел, который также не отличился точностью, уже был виден, вогнав кусок металла в ветку рядом с её головой. Теперь хоть появился ориентир. Находясь в такой ситуации, сложно было не потерять самообладание и третье нажатие курка не заставило себя ждать. Минимальная корректировка ствола дала свой результат, и росомаха впервые почувствовала, что такое сквозное ранение. Пуля вошла в районе лопатки и, не столкнувшись с костью вышла навывлет, срубив ветку. Самый страшный хищник из семейства куньих не собирался сдаваться, развернулся на месте и направился к моим ногам. Я видел, как её когти шагали, крепко цепляясь за ветку. Чем ближе она приближалась, тем легче мне становилось попасть в неё снова. Главное, не пропустить этот момент. Если клыки росомахи первыми вонзятся в ступни, я вряд ли смогу удерживать замок и сорвусь вниз навстречу стаи волков, не сводивших с меня всё это время холодные мертвые взгляды. В голове пролетела обнадеживающая мысль, что у меня осталось два патрона, а это всегда лучше, чем один. Значит, есть право на промах, но это не повод расслабиться. Судя по лапам, росомаха уже была почти надо мной в сантиметрах тридцати от ног. Я поднял руку и выстрелил, услышав с разочарованием, перешедшим в злость, как пуля уходила в

небо, шелестя листьями. Росомаха замерла на мгновение и, осознав, что сейчас выстрел был сделан в пустоту, бросилась в ноги. Хоть пару последних лет не часто занимался спортом, веса я не набрал, и моя физическая подготовка не сильно пострадала за это время. Мышцам живота удалось поднять туловище, но оставаться бездвижным, чтобы не дёрнулась рука, в таком положении было невероятно трудно. Еще ко всему от этого рывка плечо отдало лавиной боли, прошедшей по всему телу. Сжав зубы, я замер, выпустив последнюю пулю практически в упор, и сразу корпус рухнул вниз, снова приняв позу летучей мыши. Росомаха осталась на месте, но было заметно, как когти ослабили хватку и лапы бессильно обняли ветку.

– Добил ты эту тварь, – услышал я голос Лесника, – подожди, сейчас скину её.

Перебирая руками, он придвинулся к ней и, ударив открытой ладонью, сбросил на землю неподвижное тело. Оно упало глухим шлепком в полной тишине. Волки потерянно молчали, они боялись подойти к ней, даже мёртвой. Я посмотрел на её оставшийся оскал и подумал о том, что такое чучело вполне украсило бы городской краеведческий музей на этаже местной фауны. Мои мысли перебил голос Лесника:

– Долго так висеть будешь? Руку давай.

Резь пробивала всё тело, но с этим приходилось мириться и, засунув пистолет за пояс, вскоре снова сидел, облокотившись на ствол дерева, левой рукой прижав правую к туловищу.

щу, пытаясь успокоить боль. Подняв глаза на Лесника, я не смог сдержать улыбку.

– Ну, вот, как-то так получилось, сосед. Патронов больше нет.

– Я знаю, я считал, – он ухмыльнулся в ответ, а через секунду уже полностью серьезный, спросил. – Что с плечом?

– Крови вроде немного, но рука не движется. Скорей всего, сухожилия рванула. Без операции, тут уже никак.

Лесник склонил голову, посмотрел на свою расцарапанную кисть, затем его глаза, прищурившись, пристально уставились на меня.

– Никому, никогда не был должен. Но ты, спас мне жизнь, – я только приоткрыл рот для ответа, как он безапелляционным голосом продолжил, – поэтому, разведка, слушай и не перебивай. Отдать долг для меня, это святое. Я не золотая рыбка, но кое-какие желания в состоянии исполнить. Когда выберемся отсюда, у тебя будет одно. На будущее, подумай об этом хорошенько.

Я промолчал, соглашаясь с ним, что такие вопросы надо рассматривать потом, в другой обстановке, а сейчас остаётся только внимательно наблюдать за волками, которые, как оказалось, гораздо умнее и хитрее, чем мы думали. Стая подошла к Белому и встала напротив. Вожак, наострив уши, отвернул морду от нас и вопросительно всматривался в лес. Затем, как будто его окликнули, он легкой трусцой направился к проходу в кустах боярышника и скрылся в нём.

– Мне показалось, или его действительно позвали? Я ничего не слышал, – поведение волка снова вызывало недоумение у Лесника.

– Я тоже, но повёл он себя так же, как собака, которую позвал к себе хозяин.

– Надеюсь, мы всё-таки узнаем, кто это, – он опустил прибор ночного видения на глаза и уставился на проём, куда ушёл Белый.

Остальные волки, расслабившись, развалились на земле, лениво поглядывая на нас. Создавалось впечатление, что сегодняшние боевые действия их уже начали утомлять. Минут через пять вожак вернулся и такой же легкой трусцой пересёк двор, направившись к стае. Только теперь в нём ощущалась уверенность. Волки поднялись, встав полукругом, ожидая, когда он займет своё место в центре. Белый начал издавать что-то среднее между рычанием и подвыванием, а остальные, все до единого, подняли уши, демонстрируя полное внимание к его речи.

– Указания раздаёт?

– Похоже на то. Что они опять задумали? – вопросом на вопрос, ответил я.

– Уверен, скоро узнаем.

Вожак замолк и направился к хижине, обходя нас на безопасном расстоянии. За ним последовала вся стая. Он подошел к тлеющим, а местами, вяло горящим брёвнам и, на собственном примере, начал показывать, что надо делать. Впив-

шлись клыками в брус, он начал трепать головой, пытаясь вырвать обугленную большую щепку, на конце которой ещё жило небольшое пламя, и у него это получилось. Затем оттащил её прямо под ствол дерева и положил огнём к стволу. Белая морда, испачканная высохшей кровью лисицы, теперь окрасилась местами в черный цвет сажи. Он отхаркнулся от золы и сурово посмотрел на остальных волков, молча гневно спрашивая, почему стоим. Стая всё поняла без лишних объяснений, и волки бросились к догорающей хижине, начиная разбирать её, а Белый схватив за холку труп росомахи, брезгливо оттащил его в сторону.

– Я не верю своим глазам! Они хотят нас поджарить, – впервые за всё это время на лице Лесника появились морщины тревоги.

– Похоже на то, – как можно спокойней ответил я, и мысли о том, что делать дальше, завертелись в голове, заставив забыть о боли.

Белый, оторвав очередную щепку, теперь подтащил её не к дереву, а прямо под свисавшие ноги напарника. Стая сразу же разделилась на две группы. Одна продолжила складывать горящие деревяшки под ствол, а вторая начала пытаться разводить костёр под нами. И хоть огонь ещё не разгорелся, тепло, поднимаясь вверх, говорило, что скоро нам будет очень жарко. Я с надеждой увидеть хоть одну дождевую тучу, посмотрел на небо, но свет ярких звёзд прогнал моё чаяние прочь.

– Не понимаю. Эти твари должны бояться огня... – больше для самоуспокоения проговорил Лесник.

– Они сегодня много сделали того, что не должны делать. Ещё раз убеждаюсь, наркотики приблизили их к людям.

– И не поспоришь. Думал, сделаю их ручными, а тут вот оно, как получилось.

Единственное, что меня радовало на тот момент, это промокшие доски, которые с большим трудом разгорались, и поэтому у нас было время. Я снова поднял голову, но теперь не в поисках туч, а найти новое место дислокации и визуально проложить к нему путь, учитывая, что теперь я могу использовать только одну руку. И этим задача усложнялась. Лесник, видя, как я рассматриваю ближайшие ветки, без слов понял мой замысел и сам начал внимательно подыскивать новое место. Но чем выше, тем ветки были всё тоньше, и вариаций у нас оставалось не так много, а точнее, всего две. Первая, ветвь прямо над нами, в разветвление которой встрял филин, а второй вариант, это большая ветка на другой стороне ствола, находившаяся всего метр выше нашей. И у обоих были изъяны. Та, что над нами, вполне могла не выдержать наше присутствие и представление, как она ломается, а затем летим прямо в костёр, не добавляло позитива в этой ситуации. Которая была напротив, могла только отвести нас от одного очага. Я периодически посматривал то наверх, то оглядывался за ствол, решая какой выбор лучший.

– Я тоже, кроме этих двух ничего не вижу, – Лесник за-

думался на несколько секунд и продолжил, – предлагаю такой расклад. Когда костёр подо мной разгорится и уже будет невмочь, я перебираюсь на ветку за стволом и потом помогу тебе залезть выше. Как думаешь, разведка?

– Зачем ждать? Давай сейчас.

– Э, нет, рано. Пусть таскают свои брёвна. Переберусь сейчас, они начнут распаливать огонь там, а так немного подустанут и потом, когда перелезу, поймут, что все усилия поджарить меня были тщетны. Это их разозлит. Хоть так им немного насолим.

– Логично, и даже издевательски. Как запечёт, говори.

Всё-таки больших познаний, как развести огонь стая не имела, тогда знала бы, что подпалить ствол не сухого дерева, просто подкладывая огненные к нему палки, довольно сложно и проблематично. Поэтому жар, если можно было его так назвать, не сильно беспокоил меня в отличие от Лесника. Костер под ним становился всё сильнее и волки не могли подойти близко и просто бросали щепки рядом с ним, а Белый проталкивал их лапой к огню, после каждого раза поднимая глаза вверх, смотря на нас пристальным, полным ненависти взглядом. Слаженность в их действиях производила впечатление, хотя после ночного шоу, закончившегося полчаса назад, в принципе, удивляться уже было нечему. Я наблюдал за этой командной работой, и поразила одна вещь – никто из них не пытался халтурить, каждый старался изо всех сил. И это меня натолкнула на две мысли, либо они ещё далеко не

люди, несмотря на явно прыгнувшие вверх интеллектуальные способности, либо дисциплина в стае была на таком уровне, которой мог позавидовать любой командир взвода.

Лесник, как и говорил, терпел до последнего. Когда языки пламени уже напоминали небольшой пионерский костёр, и находиться над ним стало, мягко сказать, неуютно, он медленно поднялся, взявшись за ветку сверху, предельно аккуратно, так как раненая нога ещё не окрепла, подошёл ко мне, протянув руку.

– Давай, разведка, лапу. Перелазь на эту ветку. Думаю, одного тебя она выдержит легко.

Волки остановились, вдумчиво вглядываясь на наши перемещения. Я видел, как Белый, не сводил с меня взгляда, оценивая, насколько сильно моё ранение. Казалось, что он довольно ухмыляется, наблюдая за непроизвольными сокращениями мышц на моём лице от резкой боли. Через пять минут мы заняли новые позиции, и Лесник шутливо обратился к стае:

– Чего стоим, собаки? Всё заново придётся делать.

Вожак сердито буркнул в ответ и неторопливо провёл суровым взглядом по сородичам. Было видно, что он еле сдерживает захлестнувшую его злость. Волки с двойной энергией бросились к хижине, с остервенением вырывая новые щепки. Они явно не собирались сдаваться, а даже наоборот, начали работать ещё энергичней. Только теперь все деревяшки они подносили к стволу, который так и не желал

разгораться. Это обнадёживало.

– Кстати, разведка, может, потом забуду сказать. Запомни адресок.

Он произнёс название соседней области, а потом неизвестного мне района с одноименным названием населенного пункта.

– Зачем мне это? – недоуменно спросил я.

– Просто запомни, ничего сложного здесь нет. Это село с одним почтовым отделением. Соответственно, и номер у него один. Поверь, в жизни бывают повороты не то, чтоб в обратную сторону, а туда, куда даже никогда не подумаешь, – Лесник привычно ухмыльнулся, – не мне тебе объяснять. Так вот, если вдруг надо будет найти меня, высылай телеграмму до востребования на имя Ивана Трофимова. И я об этом узнаю.

– Хорошо, запомнил, – а в глубине души подумал, что когда мы разойдёмся, вряд ли эта информация мне потребуется, и от любопытства спросил. – А кто такой Иван Трофимов?

– Тебе не к чему это знать. Всё остального достаточно.

Наш спокойный диалог вывел из себя Белого, который снова поднял лай, в бешенстве крутясь на месте. Видя, что все попытки подпалить дерево не приводили к должному результату, злость, которую он сдерживал, уже полностью охватила его. Затем он с остервенением начал выхватывать горящие головешки из костра и перекидывать их к стволу, кото-

рый всё также стойко продолжал переносить лизание языков пламени.

– Как думаешь, Лесник, сколько у нас времени? Когда-то дерево загорится.

– Думаю, часа полтора есть. А к этому времени мои должны подойти. Так что, разведка, сидим и ждём.

Стараясь не шевелиться, чтобы не тревожить плечо, я прикрыл глаза, размышляя о том, что все эти события кажутся оторванными от реальности. Ведь, действительно, в них сложно было поверить. В своей жизни я никогда не любил фантастические фильмы и книги, считая, что в них нет настоящей жизни, а соответственно, и смысл их также был далёко не полный. Это как обёртка от конфеты. Мы смотрим на неё и представляем, что лежит внутри, делая вывод только по этой красивой бумажке, а на самом деле реальность оказывается совершенно другой. И всё чаще я сталкивался с тем, что чем красивей фантик, тем противней и омерзительней субстанция, скрытая под ним. Кто-то скажет, что это приходит с возрастом, кто-то, что надо смотреть на вещи проще, а кто-то проговорит, что он старается вообще не заглядывать внутрь и ему вполне хватает наслаждаться видом блестящей упаковки. Затем я переключился на мысли о том, что между мной и Лесником до нашей встречи, была огромная пропасть в понимании настоящих мужских жизненных принципов, а сейчас её не стало. Были небольшие разногласия, но если копнуть глубже, то основа, по сути, одинакова, несмот-

ря на наши совершенно противоположные координаты в социуме. Меня даже не отвлекало движение вниз и, приоткрыв глаза, я посмотрел на Лесника. Казалось, что он безмятежно дремлет, отдыхая и набираясь сил. О недооценки нашего противника уже не могло быть и речи, но судя по всему, подпалить дерево это был их последний довод. Ощущение, что они уже использовали все свои ресурсы, стойко застряло внутри. Росомаха, словно элитное подразделение спецназа, как и полагается, было брошено только после неудавшихся попыток остальных родов войск этой лесной армии зачистить территорию. Поэтому, я был уверен, что осталась только одна схватка. С волками, с теми, с кого всё и началось. Только теперь мы были более, чем безоружны. Я, однорукий со штык-ножом и хромой Лесник с ракетницей, а по ту сторону девять озлобленных волков и две волчицы, которые всё это время продолжали сидеть в стороне, наблюдая за происходящем. Силы явно были не в нашу пользу и, как бы я за свою жизнь привык надеяться только на себя, реально оценивая расстановку, понимал, что без идущих на выручку друзей Лесника, наши шансы равны нулю. Он тоже это понимал и поэтому спокойно дремал, пытаясь таким нехитрым способом убить ожидание подкрепления, а заодно и расслабиться, благо, было от чего. Я снова прикрыл глаза и последовал примеру своего соседа.

Глава 15. Встреча

Пять выстрелов, выпущенных мною в росомаху, были услышаны группой, идущей нам навстречу. Башкир поднял верх ладонь, давая команду остановиться и повернувшись к остальным, не скрывая озабоченности, спросил:

– Все слышали?

– Ну да, пять раз пальнули, – ответил голос Хирурга, – а что тебя так смутило?

– Насколько мне известно, у Лесника была только двустволка, а это явно не она и очень похоже на пистолет Макарова. Значит, там не только звери. Ускоряемся, пацаны, оружие наготове.

Возникшее напряжение, созданное выводом Ильдара, придало сил, заставив забыть о приближающейся всё ближе усталости. Снова появилась та решительность, с которой они выезжали из депо. Каждый шаг становился всё более твёрдым и Башкир уже не сильно обращал внимание на преграждающие путь заросли деревьев, просто проламывал их своим телом, выставив плечо вперёд и подняв руку с фонариком перед слегка опущенным лицом в виде боксёрского блока. Не хотелось, чтобы в этой темноте какая-нибудь ветка предательски встряла в глаз или залезла в ноздрю, что тоже не доставило бы много радостных ощущений. В его голове голосом кукушки звучала лишь одна дилемма из двух слов:

«Кто стрелял? Кто стрелял?». Он обратил внимание, что лай прекратился уже давно, но эти пять выстрелов прозвучавшие практически один за другим, задали ещё больше вопросов, которых за эту ночь собралось на целую оптовую партию.

Группа вышла на большую поляну и, Башкир остановился, подняв голову вверх. Всё это время, пока они двигались сквозь дебри глухого леса, он не мог видеть небо, а сейчас чистое сияние далёких светил и стоявшие по стойке смирно верхушки деревьев подсказывали, что погода, по крайней мере, в ближайшие часы будет тихой. Это радовало. Его острый взгляд привлекла небольшая, растворяющаяся в тёмноте ночного неба, еле заметная пелена, которую он сначала принял за мерцающий свет звёзд, который прорывается через облака, но их полное отсутствие говорило о другом происхождении этой дымки. Первая мысль, конечно же, что она была от костра. Он несколько раз глубоко вдохнул носом, пытаясь уловить запах дыма, но воздух был полон только лесной свежестью после небольшого дождя. Причиной было абсолютное безветрие. Ильдар подсветил компас, чёрная стрелка которого смотрела строго на объект его внимания. Не было никаких сомнений, они уже рядом и дым исходил из пункта назначения. Довольный тем, что за этот рейд хоть кое-что прояснилось, и направление не было потеряно, он, сфотографировав взглядом следующий ориентир, молча, сделал шаг вперёд.

– Что ты там присмотрел, командир? – Хирург не мог не

спросить, увидев утвердительный кивок Башкира самому себе.

– Подходим. Осталось совсем немного. Я видел дым. Не знаю, пацаны, что нас ждёт, но готовьтесь к худшему, – эти словами он хотел сказать, что, ни в коем случае нельзя расслабиться даже на секунду и потерять контроль.

Звездное небо спряталось за листвой деревьев над головами, и бегающие лучи фонариков снова стали единственным источником света. Лес уже не выглядел таким зловещим, глаза привыкли к этой невесёлой картине, которую вряд ли нарисовал бы художник. Всю её мрачную глубину можно было только представить. Башкир прикинул, что в таком темпе оставалось идти минут тридцать или чуть больше. Жаль, что прекратился волчий лай, он был хорошим направляющим. Ильдар оказался прав в своих расчётах и через полчаса, в тридцати метрах от себя, он увидел сплошную стену кустарника, явно искусственного происхождения, из-за которой на фоне открывшегося небо, ясно был виден поднимающийся прямо вверх дым. И дал команду рукой остановиться остальным, а затем, обернувшись, еле слышно, сказал:

– Тушим свет. Все ко мне.

Башкир рассчитывал лицезреть хижину за невзрачным забором, но никак эти заросли в виде неприступного частокола, через которые лезть напролом было бы вершиной идиотизма, как с тактической точки зрения, так и с рациональной стороны. Он обвёл взглядом подошедших товарищей, держа

указательный палец на губах, а затем, опустив его вниз, медленно шёпотом начал проговаривать:

– Впереди большие кусты, судя по всему, это забор. Наша задача, по-тихому найти вход. Пойду я и Илюха. Хирург, расположитесь вкруговую, чтобы не было атаки со спины и внимательно наблюдайте. Как я подам знак, два раза сверкнув фонариком, перемещаетесь ко мне, главное, без шума. Всё понятно?

Он увидел, как четыре силуэта одновременно кивнули в ответ, и тихо добавил:

– Давай, Илюха, за мной. Прикрой мой зад.

Синий, пусть и довольно тусклый свет звезд был хорошим подспорьем и Башкир, пригнувшись, направился вперёд, прижав приклад автомата к плечу и положив палец на спусковой крючок. Достигнув кустарника, он присел на одно колено, остановившись перед выбором дальнейшего направления. Влево или вправо? Дым был левее, соответственно, и двигаться надо туда, поскольку проход должен быть ближе к дому, а скорей всего горел он. Конечно, такой вывод не был стопроцентным, но другого варианта не было. Ильдар встал в полный рост и медленно пошёл вдоль кустов в поисках проёма. Метров через десять он увидел тёмную нишу. Никаких сомнений, это был вход, который был точно такой, как и тот, через который зашёл я. Сначала вперёд, а потом налево и перед тобой открытый двор. Башкир выглянул и увидел тлеющую хижину, за которой играли блики огня, затем вернул-

ся назад, достал фонарик и подал знак. Меньше, чем через полминуты они в полном составе стояли около прохода.

– Как заходим, справа дом. Хирург и Илья, обходите его с дальней стороны, а мы сразу с ближней. Первые, кто откроет огонь, занимает позиции, а вторые возвращаются назад на подмогу. Нельзя выходить навстречу, ещё перестреляем друг друга в этой тьме. Дальше по ситуации, – чётким тихим голосом Ильдар определил план действий, – ну, пацаны, как сказал бы Боцман, с нами Бог и Андреевский флаг. Хирург, пошёл. Илюха, следом.

Я приоткрыл глаза и увидел, как Белый замер на месте и наострил уши, пристально всматриваясь на северную сторону.

– Псс, – шёпотом окликнул Лесника и, увидев его вопрошительный взгляд, сказал, – глянь на Белого. По-моему твои бойцы уже совсем рядом.

Он посмотрел вниз на жоака, который продолжал всё также стоять, как истукан, не поведя и ухом на мои слова.

– Уверен, это они. – И дальше Лесник сделал то, что я никак не ожидал, звучно, резко, с хрипотцой во всеуслышание прогремев. – Башкир, это ты?

Ильдар только сделал первый шаг во двор, как раздался этот крик знакомого до боли голоса. Он увидел, как остановились Хирург и Илья, понимая, что план обхода дома меняется. Они обернулись и смотрели на Башкира в ожидании новой команды, который не мог скрыть довольную улыбку,

услышав, что Лесник жив. Значит, успели.

– Да, это мы, – прокричал в ответ он, – что нам делать?

Теперь все волки остановились и недоуменно смотрели то на нас, то в сторону, откуда прилетели непонятные для них звуки, то на вожака, который смог лишь выдавить из себя дежурный оскал, в котором уже не было дикой решимости, а ощущалась тень обреченности.

– За домом дерево. Мы на нём. Здесь одиннадцать волков. Надеюсь, патронов хватит, – Лесник не заставил себя ждать с ответом.

Местоимение “мы” резануло слух Ильдару, но не сейчас время это выяснять. Он махнул рукой Хирургу и Илье, чтобы вернулись к проходу, а сам с ухмылкой посмотрел на автомат.

– Оружие к бою, становимся цепью, обходим дом с ближней стороны и начинаем отстреливать этих тварей. Все слышали, их одиннадцать, – и со вспыхнувшим огнём в глазах, добавил, – в плен не брать, раненых добивать. Пошли, пацаны.

Как только они показались из-за дома, волки отбежали от дерева и встали в строй немного позади Белого. Ильдар узнал его и, не дав возможности начать атаку, сразу открыл по нему прицельный огонь, выпустив короткую очередь. Убить вожака стаи, это уже полдела. Три пули вошли в переднюю часть груди чуть ниже гордо поднятой головы, выпустив весь воздух из легких и раздробив в щепки ниж-

ние рёбра. Белый рухнул и умер так стремительно, что даже не успел закрыть глаза, в наполнявшейся луже своей крови. Поднялся дикий лай и остальные, без мыслей броситься в разброс, все вместе кинулись вперёд. Выстрелы Ильдара прозвучали как интродукция музыкального произведения, а затем одновременно заиграл весь ансамбль, благодарными слушателями которого стали мы. Казалось, что лес содрогнулся от этих звуков, разбудив всю птичью братию, поднимающих невероятный гам, которая никогда не слышала ничего подобного. Вскоре ко всей этой какофонии прибавилось скуление раненых волков.

Я посмотрел на волчиц, которые всё также продолжали сидеть на месте в стороне от дерева. Они вели себя, словно приговорённые, как будто жизнь уже не имела смысла после смерти альфа-самца. Их взгляд был пустым, а на мордах не было никакой реакции на происходящее. Они напоминали больше каменные статуи, чем живых зверей. Я не знал, как правильно назвать такое поведение, преданность или любовь, но оно завораживало. За эту ночь я понял, что людям есть много чего взять и научиться у волков. В какой-то момент мне даже стало жалко их, но ставки в сегодняшней игре были слишком высоки. Треск автоматов перешёл на одиночные выстрелы, что означало только одно, стаю добивали. Я продолжал смотреть на самок, так как не видел происходящее за домом. Они одновременно поднялись и, опустив головы, медленно побрели к трупу вожака. Подойдя к нему,

они сели рядом, не поднимая морды. Тут из-за угла появился Башкир, посмотрел на дерево и затем уставился на волчиц.

– Что с этими делать? Почему они смиренные такие?

– Они просят, чтобы ты убил их, – Лесник тоже, как и я, всю перестрелку наблюдал за ними, угадав их желание.

– Легко.

Он подошёл почти вплотную и два выстрела сверху в черепные коробки раскидали их содержимое по сторонам. Наступила тишина. Появились остальные.

– Ну, здравствуй, Башкир, как говорится, поближе. Время пришли. Подсобите слезть отсюда.

Откинув ногами горящие доски у ствола, нам помогли опуститься на землю. Ильдар пристально смотрел на меня и спокойным, но твёрдым голосом сказал:

– Я узнал тебя. По фото в паспорте, что мент показывал и куртка та же, что на регистраторе была. Это он убил Толяна.

– Знаю. Забудь об этом, – голос Лесника не требовал никаких объяснений и, выдержав паузу, таким же тоном добавил, – это моё дело.

Башкир развёл руками, показывая, что абсолютно не возражает. Лесник внимательно обвёл всех взглядом и спросил:

– А где остальные?

– Лысого больше нет, А Бодман с Петрухой на опушке остались. Длинная история. На обратной дороге расскажу. Мы же не собираемся здесь рассиживаться?

– Да, Ильдар, скоро тронемся. Пацану помогите лапу ра-

неную зафиксировать, да спиртом обработайте, – он кивнул на меня, стоящего чуть в стороне, видя, как рукой прижимаю её к телу и достал знакомую мне флягу.

В дело пошла ещё одна разорванная майка и пока двое помогали мне, Башкир наткнулся на труп россомахи. Он, ухмыляясь, смотрел на неё, а затем абсолютно безобидным голосом, спокойно произнёс:

– Дааа... знатная тварь, – и, повернувшись к Леснику, стрельнув взглядом в мою сторону, тихо спросил, – это он её приговорил?

В ответ был утвердительный кивок.

– Кстати, братва, забыл сказать, что рад видеть вас, но оставим эти сантименты. Скоро пойдем. Я думаю, на окраину выйдем к рассвету. Быстрее навряд ли, не сильный я сейчас ходок, – Лесник поднял голову и задумчиво посмотрел на лес.

– Думаешь, ещё остались? – Ильдар перехватил его взор.

– Да, один точно, и не знаю кто это. Хотя, как ты там, разведка, сказал, что генерал без армии – никто, и зовут никак. Поэтому, вычёркиваем это неизвестное из уравнения. Все готовы? Двинулись, пацаны, – и, увидев вопросительный взгляд Башкира, добавил, – по пути расскажу.

Как же приятно было снова ощущать под ногами землю и я даже немного расслабился, чувствуя себя освобожденным из плена. Башкир возглавил строй, а Лесник, выломав ветку в качестве трости для ходьбы, занял место чуть сза-

ди и, опустив на глаза прибор ночного видения, подсказывал так хорошо знакомую ему тропу. Я расположился третьим и прекрасно слышал всю историю о ночном вояже наших спасателей, а также предшествующим событиям. Криминальные разборки и засада на выезде из городка вызывала не более, чем обычный интерес, а вот поход стаи волков на завод, встреча с кабанами и рысями, заставила снова думать о лесном “смотрящем”. Несмотря, что от его войска остались крошки, можно было смело успокоиться и забыть, но мысли постоянно возвращались к нему. Мозг требовал ответа на этот вопрос, но я понимал, что чем дальше мы отходим и чем ближе будем к городу, тем скорее перестану думать о нём.

Лесника же, наоборот, история с атакой диких зверей не сильно волновала. Он несколько минут молчал и не задавал никаких вопросов, узнав, что случилось с Лысым. Затем, спокойным нейтральным голосом, словно старец, произносящий очередную мудрость, произнёс:

– Перехороним Лёху. Там кладбище есть недалеко. Негоже пацану в канаве лежать. Не заслужил он этого, – и, перейдя снова на участливый тон, спросил, – говоришь, двое ушли? И на опушке нас могут уже встречать?

– Да, упустили, а прочёсывать дома на окраине, времени не было.

– Всё правильно ты сделал, Ильдар. А насчёт встречи на опушке... ну что же, бегать я не собираюсь. Будем решать проблему на месте.

Мысль о том, что всё ещё далеко не закончилось, и следующий противник гораздо опаснее, не поднимала настроение. В какой-то момент я почувствовал себя разменной монетой. Лесник, словно услышав своим внутренним приёмником в голове мои размышления, обернулся, и сказал эту фразу так, что слова не вызывали и намёка на недоверие:

– Разведка, повторяю, мы теперь в одной лёжке.

Эти слова заставили Башкира оглянуться и посмотреть на меня. Хоть в темноте мы не видели глаза друг друга, но то, что они встретились, не было никаких сомнений. Я ощутил оценивающий взгляд Ильдара, который, после сказанного, во мне видел уже своего. Это передалось и остальным, молчавшим всю дорогу, не смея встревать в их разговор.

Ранение Боцмана вызвало у Лесника одновременно и досаду, и беспокойство. Досаду от того, что им явно не будет хватать такого бойца, а беспокойство, что они с Петрухой остались там вдвоём, и пусть даже хорошо спрятались и замаскировались, как уверял Башкир. Уже позже, узнав о его рваной ране на спине и увидев её, я мысленно отдал ему должное: за весь путь, он ни разу не заикнулся о ней, убивая боль своей железной волей. В молчание мы прошли следующих метров триста, нарушаемое изредка подсказками Лесника о дальнейшем направлении.

– Давай, хоть какой-нибудь план сообразим. Судя по всему, осталось немного, – ненавязчиво сказал Ильдар, – а то идём в такой тишине, словно, сука, на казнь.

– Нечего тут соображать. Когда подойдём к опушке, все останетесь в лесу. Я один выйду к ним, они меня хотят видеть.

– Мне кажется, это опрометчиво. Ты слишком хорошо думаешь о них. Они работают по беспределу и им плевать на понятия, сам знаешь. Пристрелят тебя, как собаку и всё.

– Тем самым подпишут себе смертный приговор, и они это знают, – уверенно ответил Лесник.

– Кто об этом узнает, если они и нас перещёлкают, как семечки? Патронов у нас не так много, пришлось потратиться. А лес, как болото, захочешь, не найдешь, – в голосе Ильдара звучало несогласие.

– Башкир, давай так. Вот, когда меня пристрелят, возьмёшь командование на себя, а сейчас, план такой и не хрен его обсасывать. Точка, – жёстко ответил Лесник, ему очень не понравился резко вспыхнувший запал своего помощника.

– Как знаешь. Не злись, тяжелая ночка выдалась. Нервы на пределе.

– Вот расслабься и иди спокойно вперёд. Всё будет в ажуре.

В интонации и словах Лесника звучала уверенность. Я даже подумал о том, что у него спрятан джокер, о котором никто не знает. Как оказалось позже, я ошибался, не было даже козырной карты, была лишь непоколебимая убеждённость в своей правоте. Весь оставшийся путь мы прошли в тишине, каждый со своими мыслями, лишь Хирург безмятежно ти-

хо насвистывал себе под нос только ему известную мелодию, демонстрируя полную невозмутимость.

Серость начала понемногу охватывать черноту ночного небосклона, проявляя на его фоне макушки деревьев. Я пытался уловить встревоженные крики птиц и определить по звуку расстояние до них, но лесные пернатые, как будто вымерли, не подавая и намёка на своё существование. Даже мы их не беспокоили. Лес, словно внимательный зритель, замер в напряженном ожидании скорой развязки этой не рядовой истории, боясь шелохнуться. Вскоре впереди начали редко пробиваться тусклые просветы, что говорило только об одном, мы подходим к опушке. Судя по всему, оставалось не больше тридцати метров. Лесник, легко хлопнув по плечу Башкира, остановился и дождался, когда все собрались вокруг него.

– Дальше я иду один. Без моей команды, не вскрывайтесь, – и, опираясь на свою трость, при этом стараясь держать спину ровно, как человек полностью уверенный в своих действиях, направился к дороге.

Стоять на месте без дела было выше сил Ильдара и, подождав рукой Хирурга, он тихо сказал:

– Видишь, левее густой кустарник. Пошли вдвоём, и оттуда будем наблюдать за происходящим. Пацаны, распределитесь здесь. Если что, прикройте наш отход.

Даже не могу сказать почему, но у меня непроизвольно вырвалось:

– Я пойду с вами. Здесь оставаться от меня толку нет, а там, может кого-нибудь, и достану им, – левая рука вытащи-ла из берестовых ножен штык-нож.

Башкир с Хирургом, чуть прищулив глаза, посмотрели на меня и, не сказав и слова, слегка пригибаясь, последовали к зарослям. Их молчаливый ответ был очевиден, они не возражали. И вскоре мы втроём видели и слышали всё, что происходит на опушке.

Лесник уже стоял на дороге рядом с джипом без лобового стекла. Он посмотрел на машину, затем мельком его глаза пробежались по тушам диких кабанов, валяющихся на дороге и, подняв гордо голове вверх, уставился на старую пашню. Там было самое интересное.

На поле, выстроившись в ряд передом к лесу, как в автосалоне, стояли четыре идеально чёрных “Мерседеса”, прозванными в народе “кубиками”. Глубоко затемнённые все стёкла, даже лобовое, не давали возможности увидеть находящихся внутри людей, лишь только эмблема на решетке радиатора светилась под лучами восходящего солнца, хромом. Лесник продолжал стоять на дороге, приглашая к себе.

Ильдар резко повернул голову к Хирургу и спросил:

– Ты номера видишь? Или мне кажется?

– Нет, они в пыли. А что там?

Я тоже не мог разобрать выбитые на них символы и вопросительно посмотрел на Башкира, который не заставил ждать с ответом:

– Цифры, это не наша область. Не могу точно увидеть, но, по-моему, они столичные.

– Контора? – в голосе Хирурга проснулась тревога. – Тогда нам надо валить, Ильдар. И чем скорее и дальше, тем лучше.

– Тогда почему они не выходят? Как-то странно всё это.

Спустя минут пять открылась задняя дверь одного из “Мерседесов”, и медленно, неспешно появилась фигура мужчины с сединой на голове, лет сорока пяти. Он положил руку на окно и, облокотившись на торец двери, смотрел на Лесника, который продолжал также стоять на месте. Мы все трое не могли понять, что происходит. Эта пауза длилась минуты две, и я всё это время не сводил взгляд с моего бывшего соседа по лесу. Вдруг на его лице появилась ухмылка, и он опустил голову. В этот момент утреннюю тишину разрезал волевой голос незнакомца:

– Только ради тебя, я готов в своих корочках пройтись по этой пахоте.

Он, захлопнув дверь, расслабленно направился к дороге, широко улыбаясь и согнув руки в локтях, открыл ладони.

– Ну, здравствуй, Володя. Рад тебя видеть. Сколько лет, сколько зим, – Лесник сделал два шага навстречу, и они крепко обнялись так, как это делают два старых закадычных друга, – не ожидал тебя увидеть. Как ты тут очутился?

– Сорока на хвосте принесла, проблемы у тебя. Вот и вырвался в провинцию со своими архаровцами, кореша из беды

выручать. Как видишь, успел. Вчера прибыл в область. “Центральные” теперь подо мной, правда, нашлось парочку несогласных, которые уже раков кормят. Как говорится, каждому – своё. Остальным не довелось столь категорично объяснять. А где твои бойцы?

Хирург посмотрел на Башкира и шёпотом спросил:

– Ты его знаешь?

– Судя по всему, это его единственный друг. Он пару раз упоминал, что есть такой.

В этот момент Лесник обернулся к лесу и крикнул:

– Выходите, пацаны. Здесь, свои.

Его друг поднял руку и махнул. Четыре машины одновременно заурчали и поехали к дороге. Это нельзя было назвать встречей союзников на Эльбе. Никто не обнимался и не выпускал очередь из-за автомата в небо, а только обменялись рукопожатиями и разделились, встав за спинами своих авторитетов. Вдруг в поле, рядом с местом, где стояли “гелендвагены”, с земли поднялся человек весь в грязи с автоматом наперевес. Башкир узнал его сразу.

– И давно ты в засаде лежишь? – его голос заставил всех обернуться и посмотреть на Петруху, который, как ни в чём не бывало, направлялся к ним.

– Да, – ответил он, вызвав на себя уважительные взгляды приезжих гостей. Немногословие родилось за секунду до того, как он появился на свет.

– Где Бецман?

– Там, – и махнув рукой в сторону, добавил, – метров триста.

Ильдар направился к брошенной машине, достал оттуда аптечку и, подзвав Хирурга, по ходу дал команду Илье с Петрухой, найти Боцмана.

– Залей это все перекисью и зеленкой, а потом перебинтуй.

Он скинул куртку на землю и, слегка скорчивши лицо от боли, стянул толстовку. Картина была нелицеприятная, увидев которую, я не мог, не проникнуться почтением. С таким ранением через всю спину, он весь обратный путь вёл себя более, чем достойно.

– Ильдар, терпи. Здесь надо полностью отдирать прилипшую ткань и заново перевязывать.

– Занимайся, Саня.

На дороге появился джип, за рулём которого сидел Илья. Судя по скорости, он явно нервничал, даже не пытаясь аккуратно объехать валяющихся убитых вепрей. Остановившись, с пассажирского сиденья выскочил Петруха:

– Там.... Он..., – на его лице была тревога и незнание, что делать.

Мы все, кинулись к машине и вытащили Боцмана наружу, положив на траву. Его лицо было бледным и казалось, вот-вот, полностью пожелтеет, а пальцы мелко дрожали. По всему было видно, что один из внутренних органов серьёзно повреждён. В такой ситуации точный диагноз не поставил

бы никто. Он пытался выдавить улыбку и что-то сказать, но губы слиплись от полного обезвоживания.

– В лазарет его, срочно. Принесите бутылку воды, ему надо, и давайте в мою машину, – раздался за спинами голос друга Лесника, – времени мало. Надеюсь, тут есть больница.

Башкиру налаживали последний виток бинта на спине, и только Хирург закончил, он в секунду оделся и посмотрел на Петруху:

– Я тебе сказал, оставаться с ним, – в его словах не было ничего, кроме злости, – потом поговорим.

– Успокойся, Ильдар. Это я ему приказал уйти в поле и если что, быть на подхвате, – раздался в ответ тихий голос Боцмана. Вода сделала своё дело, смыв с губ белый клейкий налёт сухости.

Через пару минут мы все расселись по машинам. Я ехал в первой на заднем сиденье, которая осталась без люка, далее следовало четыре “кубика” и замыкал колонну Хирург. Лесник повернулся ко мне и спросил:

– Разведка, ты знаешь, где врача сейчас можно найти толкового?

Я вспомнил лишь главного терапевта, живущего на окраине, который рассказывал Ивану о странном поведении его собаки, когда она смотрела в лес, и предложил его. На крайний случай, он поможет хорошим советом.

“Айболит” вышел из дома почти сразу же, после того, как палец Лесника нажал кнопку звонка на калитке. Он мельком

кинул взгляд на наш кортеж и, открыв створ ворот, без лишних слов, спокойно произнёс:

– Показывайте больного.

Ему хватило всего одной фразы “вепрь проткнул” и пару минут для осмотра раны, чтобы поставить свой первичный диагноз.

– Едем в больницу и по пути заскочим к хирургу. Без него я не справлюсь. Сейчас разбудю его, пусть выходит, – он достал мобильный и сел рядом, с удивлением взглянув на меня.

– Если вытянете его, не обижу, – Лесник твёрдо посмотрел в глаза доктора.

– Сделаем, всё, что в наших силах. Обещать ничего не могу, – он был настолько спокоен и сосредоточен, как будто такие ситуации у него происходят по несколько раз каждый день.

“Айболит” относился к той категории врачей, коих в наше время становилось всё меньше, делящих людей только по двум признакам – нужна помощь или нет, а внутренние органы одинаковы у всех, несмотря на социальный статус. Второй врач также оказался быстр на подъём и уже ждал нас. Он сел во вторую машину и через семь минут мы въезжали на пустую стоянку городской больницы, заняв её почти полностью.

Прибывшие из столицы гости остались сидеть в машинах, кроме Володи, который вместе с нами расположился на старых стульчиках в коридоре около операционной.

– Нам надо поговорить, Лесник, – тихо сказал Башкир, предлагая отойти в сторону, – это серьёзно.

– Тем более, говори при всех. У меня от пацанов секретов нет, – он обвёл всех взглядом и пристально посмотрел на Ильдара, пытаясь угадать тему разговора, который, не выдержав взгляда, опустил лицо.

– Я устал...., – и этим было сказано всё.

Теперь уже все перевели глаза на Башкира, который бессмысленно уставился в покрывшийся небольшими волнами линолеум на полу.

– Мы все устали, Ильдар. Тяжелая ночка выдалась. Отдохнётся с месяц где-нибудь на юге, на тёплом песочке, а потом возвратишься и возьмешь свои слова обратно. Всё проходит и это пройдёт. Ты лучше о своей спине сейчас подумай. Как лекари освободятся, надо сказать, чтоб зашили, – как можно рассудительней проговорил Лесник.

– Зашивать там уже поздно, сама зарастёт. А насчёт, взять слова обратно, Лесник, это не ко мне. Ты же знаешь, я ими не бросаюсь, – и, поднимаясь со стула, твёрдо добавил, – я долго думал. Пойду на улицу, покурю.

У Башкира всегда в куртке лежала пачка сигарет “Camel” без фильтра, воспетые американскими морскими пехотинцами. Хотя назвать его обладателем этой вредной привычки было сложно. Он изредка позволял себе выкурить пару штук за вечер и то, только тогда, когда внутри приятным теплом разбегался по телу любимый бурбон “Red Stag”.

Мы слышали, как в утренней тишине, захлопнулась входная дверь, и Лесник посмотрел на своего друга, который старательным видом показывал, что этот диалог не сильно его заинтересовал.

– Что скажешь, Володя, не морозься.

– Тебе кумекать, я его впервые вижу. Как поступил бы? Ты прекрасно знаешь. Вся грязную работёнку на него, а там и до нар недалеко. И второй вариант, он же последний, закрыть этот вопрос кардинально. Но сейчас я не вправе судить, твой боец и это только твоё решение.

– В этом вся проблема. Если бы не он, то мы ни сегодня, и, скорей всего, уже никогда бы не встретились.

– Не заставляй меня повторяться, дружище... Это только твоё решение.

На этаже снова стало тихо. Я посмотрел на Лесника, который задумчиво смотрел на дверь операционной. По его лицу было видно, он уже точно знал, что скажет Ильдару, когда тот вернётся. Не буду скрывать, очень интересно было услышать его слова, да и не только мне. Башкир, судя по времени, выкурил не одну сигарету и вскоре скрип двери центрального входа пронесся по коридору, а затем послышались тяжёлые шаги. Он шёл не спеша, моральная и физическая усталость брала своё, и вскоре, слегка выдохнув, присел на свой стул, уткнувшись снова взглядом в пол, наполнив воздух запахом табака. Лесник продолжал смотреть в сторону и, как бы невзначай, произнёс:

– И куда лыжи наострил? За кордон?

– Домой вернусь, в Уфу. Куплю маленький магазинчик и буду по-тихому заниматься. Капусты за это время насоби-
рал, так что хватит спокойно, – ответил Ильдар, всё также, с
застывшим взором на порванный местами линолеум.

Лесник выдержал паузу, и пристальный взгляд перемене-
стился на Башкира:

– Одно условие. Если буду в твоих краях и понадобится
помощь, ты не откажешь.

Ильдар кивнул головой и медленно поднял её. Их глаза, в
которых было лишь уважение друг к другу, встретились.

– Конечно. По-другому и быть не может. Даже, если не
нужна будет помощь, просто заезжай погостить. На речку
сходим, посидим, полялякаем, – он замолчал и через пару
секунд, добавил, – спасибо, Лесник. Кстати, насчёт кассы ла-
боратории, в рюкзаке, в багажнике.

В этот момент открылась дверь операционной, и вышел
“Айболит”. Со свойственным ему рассудительным спокой-
ствием и чёткостью в каждом своём слове, он сказал:

– Надо в областную больницу везти. Здесь мы сделали всё
возможное. Требуемые препараты только там. Я позвонил,
объяснил ситуацию, нас уже ждут. Времени немного. Карета
во дворе, нужен водитель. Наш уже давно уволился.

– Я сяду за руль, – Башкир поднялся в полной готовности
и вместе с доктором направился к машине скорой помощи.

Вскоре появился хирург и сказал, что ему надо два чело-

века в помощь. Боцман лежал на каталке без сознания, подключенный к капельницам.

– Анестезия, – тихо ответил врач на вопросительный взгляд Лесника.

Я не знал, что делать и просто бессмысленно наблюдал за происходящим движением. Через пару минут в коридоре не было никого. Выйдя в холл, я через окно начал смотреть во внутренний двор, где аккуратно загружали Боцмана в белую карету с красной полосой, а Лесник, почувствовав мой взгляд, обернулся, посмотрел на меня и, показав пальцем, чтобы я оставался там, несмотря на раненую ногу, довольно уверенно пошёл назад в больницу. Он явно хотел мне что-то сказать. Его силуэт появился в другом конце коридора.

– Разведка, будь там, сейчас подойду, – и он исчез в двери центрального входа.

Снова послышалась его хромающая походка и вот мы уже стояли напротив друг друга. Он залез в карман и достал стопку купюр американского происхождения, перетянутую обычной резинкой для волос. Не считая, вытянул больше десятка банкнот и протянул мне:

– Одна просьба, сделаешь?

– Говори, что надо.

– Хирург, Петруха и Илья сейчас займутся перезахоронением Афганца. Я им сказал, новую могилу сделать на восточной стороне кладбища, напротив леса. Это деньги на памятник. Организуй его ближе к лету, я думаю, здесь хватит.

Справишься?

– Сделаю. Что на камне написать?

– Вверху пусть нарисуют крест. Внизу – Алексей Строганов. И всё, никаких дат и портретов. Ну, может, пусть добавят панаму-афганку со звездой. Любил он её надевать. Как-то так, разведка.

– Сделаю, – повторил я.

– Вот и чудно, – он протянул мне руку и, вспомнив о моей травме, улыбнулся, хлопнув по левому плечу, – не забывай, я твой должник. Всех мастей тебе. Может, ещё увидимся, пути... как говорится, сам знаешь. Кстати, я доктору сказал, сейчас тебя посмотрит.

– Угу, спасибо. И тебе удачи, Лесник.

Я смотрел в окно и видел, как он сел в машину скорой помощи, которая стояла в ожидании только его. Внутренний двор опустел, а через минуту и центральная стоянка.

Лучи восходящего солнца уже смело освещали безукоризненно чистое небо, недвусмысленно намекая, что сегодня будет хорошая погода и всё увереннее заглядывали в окна больницы. Только сейчас, когда наступила полная тишина, я осознал, что эта ночь, которая казалась нестерпимо долгой, закончилась. Ночь, которую никогда не забудешь. Ночь, в которую никогда не поверишь, не прожив её. И с приходом мысли о завершение моего приключения, адреналин окончательно покинул кровь, разрядив на полную боль в плече, которая начала охватывать всё тело. Небольшое истощение

организма было хорошим подспорьем для этого процесса, и вскоре всё тело начало ныть, ощущая проникающий холод. Я присел на стул и видел, как мимо в белоснежном халате, напоминая маленькую красивую яхту, плывучей походкой прошла медсестра в операционную, а через пять минут появился доктор.

– Заждался, извини, надо было чуть передохнуть. Теперь, посмотрим тебя. Заходи, – он открыл дверь и пропустил вперёд.

Ощупав плечо, при этом, абсолютно не обращая никакого внимания на моё перекошенное лицо от боли, он спросил:

– А тебя кто?

– Росомаха, – шёпотом ответил я.

Хирург ухмыльнулся и с присущим всем докторам чёрным юморком, сделал нравоучение:

– Нечего по грибы ночью шастать. Аккуратней надо быть. Ложись на стол. С анестезией, надеюсь, осложнений нет, – в его руках появилась маска, и это было последнее, что я увидел, провалившись в беспамятство.

Когда сознание вернулось ко мне, я открыл глаза и был приятно удивлён, осмотревшись вокруг. Это была довольно просторная палата на одного человека, напоминающая скромный гостиничный номер. Часовая стрелка настенных часов подкрадывалась к цифре четыре, говоря, что я проспал целый день. Уставившись в потолок, и не зная, чем себя занять, провалялся в таком положении около получаса, ров-

ным счётом не думая ни о чём. Затем поднялся с кровати, подошёл к плотно зашторенному окну и открыл его. Берёзка, стоявшая чуть в стороне, отбрасывала лёгкую тень от солнца, которое уже перебралось на запад небосвода, готовясь уйти за горизонт. Эта была крайняя палата в правом крыле первого этажа.

За спиной тихо открылась дверь, и вошёл “Айболит”, присев на стул для посетителей.

– Здравствуй, Олег. Смотрю, всё хорошо. Рад был увидеть тебя тогда, в машине, а то слухи в городе разные ходили. Одни говорили, что ты уехал, другие, что у тебя большие проблемы с криминалом. Резко ты исчез. Сам понимаешь, здесь все друг друга знают, и такая молва разлетается быстрее скорости света. Мне не интересно, как ты оказался вместе с нами, главное, что у тебя всё в порядке. По поводу плеча, скажу прямо, там не всё нормально. Помимо сухожилий у тебя была разорвана суставная губа, поэтому в больнице придется побыть несколько недель, это плохая новость. Хорошая – операция прошла успешно. Тебе наложили шину и полностью зафиксировали плечо, поэтому никаких движений. Теперь слушаю тебя, вопросы, пожелания.

– Не знал, что в этой больнице есть такие палаты. Как-то не привычно.

– Да, мы сделали три таких. Хоть небольшая, но копейка капает. За деньги не волнуйся, всё решено. Главный, которого называли “Лесником”, оплатил твоё лечение и пребы-

вание здесь с лихвой. Может сообщить кому-то, что ты нашёлся?

– Ване, газовщику, охотнику, у него русский спаниель Чак, – кроме, как не лучшего друга, вспомнить мне было некого.

– Так это совсем легко. – Он достал мобильный из кармана и, пролистав книгу контактов, нажал кнопку дозвона. – Иван, здравствуй, тут один человек с тобой поговорить хочет.

Телефон сразу оказался в моей ладони и я, не сдерживая улыбку, слегка уставшим голосом произнёс:

– Привет, Ванька. Узнал?

– Конечно, – я услышал его быстрые шаги, он уходил в сторону, чтобы поговорить без свидетелей, – ты где? Тебя братва искала.

– Всё закончилось, всё хорошо. Я в нашей больнице, угловая палата в правом крыле на первом этаже. Будет время, заезжай.

– Жди через полчаса. Уже собираюсь, – и гудки довольно громко зазвучали из телефона.

Глава 16. Ответ на вопрос

Иван каждый день проводывал меня и искренне был поражён моей историей, рассказ которой я растянул на три дня. Слушая его, он добавлял некоторые неизвестные мне детали, происходившие в это время в городе, наполняя общую картину важными штрихами. Единственное, о чём я умолчал, так это о “смотрящем” среди диких зверей. Чем больше проходило дней, тем мои сомнения в его существовании только увеличивались. Мы с Лесником не видели его, и всё чаще я думал, что эта обычная игра воображения, вызванная стрессовой ситуацией, поэтому начал забывать о нём.

Прошло пять недель моего пребывания в больнице. За это время я один раз покинул её территорию на пару часов вместе с другом, придумывая очень вескую причину для моего лечащего врача и, в конце концов, уговорив его. Мы сели в машину и отправились на кладбище к оврагу, туда, где меньше двух месяцев назад спрятал пакет под камнем. Место нашёл сразу, хотя внутренне казалось, что я не был здесь несколько лет. Иван отодвинул небольшой валун в сторону и аккуратно, словно археолог на раскопках, достал пакет.

– Так понимаю, здесь телефон и деньги, о которых ты рассказывал?

– Да. Можешь сотку поменять, а остальные дома у себя положить? А когда меня выпишут, я заберу, – Ваня сразу же

кивнул в ответ. – Интересно, телефон включиться?

– А что с ним могло случиться? – он закинул две стопки купюр в большой карман своей охотничьей куртки и протянул мне мобильный с засветившимся экраном, – держи, разблокируй. Завтра зарядное тебе привезу.

– Спасибо за помощь, Ваня!

– Спасибо, это много, – широко улыбнулся он, – когда выйдешь из больницы, с тебя бутылка коньяка, посидим, выпьем за твоё здоровье.

– Не вопрос. Кстати, пока мы здесь, к родителям схожу, скажу, что живой. И тут у меня ещё одно дельце, надо пройти по восточной стороне кладбища, там должна быть неизвестная свежая могила. Хочу сразу найти её.

Постояв пять минут и, решив, что после выписки из больницы, надо будет ещё раз навестить предков и прибраться вокруг общего памятника, пошёл на поиски перезахоронения, о котором сказал Лесник. Крест из свежего дерева сразу бросился в глаза, и я целенаправленно направился к нему, не в силах удержаться, чтобы не поглядывать в сторону леса, который угрюмой темной стеной, окончательно сбросив зелень, стоял за полем. Казалось, что он внимательно смотрит на меня, точнее кто-то в нём. Потушив это неприятное ощущение, я подошёл к могиле и посмотрел на крест. Аккуратно ножом на нём было вырезано только имя “Лёха”. Больших сведений мне не требовалось и, обернувшись к другу, который остался стоять чуть поодаль, сказал:

– Всё, Ванька, поехали назад.

Все эти дни я много думал, что буду делать с деньгами и о будущем, всё реже вспоминая ту цепь событий, которые привели меня на больничную койку. В городе появились слухи, которые постоянно подтверждались, что сталелитейный завод за копейки выкупил какой-то крупный холдинг и вскоре будет набор персонала. На его территорию начали приезжать составы с новым оборудованием и, судя по всему, впереди была большая модернизация. Я позвонил своему бывшему начальнику цеха, который подтвердил эту информацию, в общих словах сказав, что ему предложили вернуться, и он рад будет меня видеть снова у печи. Ориентировочно запуск предприятия был запланирован на март. Конечно, я дал согласие. Можно было подумать о небольшом бизнесе в виде магазинчика, но занятие торговлей, это было не моё, и поэтому часть денег решил в будущем потратить на покупку недорого поддержанного автомобиля, о выборе которого часто советовался с Иваном. Насчёт остальной части суммы решил отложить этот вопрос на более поздние времена. Как говорится, будет день и будет пища. Будущее всё чаще выглядело в моих глазах более радужно, отблёскивая появившимся светом в конце серого тоннеля бытия последних двух лет.

Я вспомнил про книгу “Каторга”, которую начал читать в подвале хижины по совету Лесника и благодаря Айболиту, заходившему ко мне каждый день на пару минут поин-

тересоваться моим здоровьем, нашёл её. Теперь каждый вечер не спеша погружался в эту историю, наслаждаясь литературным языком Валентина Пикуля. Погружался понемногу, растягивая удовольствие, хотя на тумбочке около кровати лежали ещё два его романа, принесенные терапевтом – “Крейсера” и “Три возраста Окини-сан”. Их оставил на десерт. Всё-таки читать книгу в лежачем положении одной рукой было не очень комфортно, и я искренне сочувствовал людям, кто по разным причинам лишились её навсегда, временно попав на их место. Днём часто выходил в маленький больничный сквер с пятью лавочками и сидел там, каждый раз находя разный вектор своим мыслям. Позавчера, например, вглядываясь в небо над горизонтом, думал о том, как люди умудрились дать название и придумать знак понятию, которое не способны представить, имея в виду бесконечность. А вопрос о том, что случится, когда человеческий мозг полностью откроет для себя это понимание, ставил меня в глухой тупик. Вчера же размышлял о более приземленной вещи. Куда уходят умирать коты? Мне с детства рассказывали, что это или подвал многоэтажек, или лес, но я никогда не видел их там. На улице я наблюдал лишь убитых машинами на дороге. А ведь их несколько тысяч и каждый день в свой кошачий рай отправляются несколько десятков усатых, а может и больше сотни. Где они? По большому счёту, это касалось и собак.

Сегодня мои мысли ушли во времена тамплиеров и поче-

му до сих пор никто не нашёл их сокровища, спустя столько веков. Ведь этим занимаются огромное количество людей во всём мире, от историков и археологов до обычных кладоискателей и любителей приключений. Неужели никто за все эти годы даже случайно не набрёл на них? Остановившись на том, что это золото давно уже было конвертировано во что-то другое, которое все знают и видят, я успокоился. Вот так в эти дни мой мозг развлекал себя.

Ноябрьское солнце только в середине дня дарило мягкое приятное тепло, а уже под вечер было не в состоянии остановить холодный воздух, который заставлял меня покинуть сквер и вернуться в палату, бесцельно смотря очередное наигранное шоу по телевизору. И только когда за окном становилось темно, я включал ночник, и рука сразу тянулась за книгой.

Восстановление плеча, по словам хирурга, шло согласно графику. Всё чаще появлялось ненавязчивое чесание, и только во время перевязки я напрочь забывал о нём, но это не сильно меня беспокоило. Больше всего мне хотелось посетить парикмахерскую, потому что уже не мог без улыбки смотреть на себя в зеркало, созерцая заросшие виски, постоянно прилизывая их за уши водой. Палата была очень уютной, но больница, это здание, из которого всегда хочется сбежать. По крайней мере, для меня так исторически сложилось ещё с детства. Как бы хорошо за тобой не ухаживали, и вокруг ты был окружён комфортом, не нуждаясь ни в чём, кро-

ме цирюльника, всё равно ощущение свободы здесь не присутствовало. Иногда очень хотелось выйти из неё утром, после завтрака и незаметно исчезнуть, погуляв по городу целый день, но не понаслышке знакомый с такими понятиями, как субординация и режим, сразу отбрасывал это желание в сторону. Командиром для меня на данный момент был хирург, и я беспрекословно выполнял все его требования. Сказал находиться здесь и дальше сквера не уходить, значит, так тому и быть.

Книга “Каторга” произвела на меня большое впечатление и, отдышавшись после неё один день, я взял в руки “Три возраста Окини-сан”. Эпиграфом были прекрасные строки японской поэтессы Есано Акико, которые сразу и на всю жизнь заняли своё видное место в моей памяти:

Вдвоём или своим путём,
И как зовут, и что потом.
Мы не спросили ни о чём,
И не клянёмся, что до гроба...
Мы любим. Просто любим оба.

Нить самого светлого чувства вела этот роман, и я не мог не поддаться этому порыву. Пролистывая свою небольшую телефонную книгу на мобильном, я всегда останавливался на одном имени. Елена работала в заводской лаборатории химического анализа, куда однажды мне пришлось занести пробу металла, так как не работала пневматическая почта. Там увидел её впервые и уже не смог забыть. Девушка, ко-

торая свободно оперировала химическими терминами, досконально знала механизм реакций, явно обладала высоким интеллектом, что сразу со всей силы зацепило меня. И вскоре, как мальчишка, искал любую причину посетить лабораторию, чтобы встретиться. Однозначно, я тоже её заинтересовал, но... как всегда найдётся этот предлог. В её понимании у нас была большая разница в возрасте, она только окончила университет, а у меня на горизонте уже начал светиться четвёртый десяток, поэтому наши отношения не перешли границу дружбы. После закрытия завода она уехала с родителями в центр, и эти два года ничего не знал о ней, кратко поздравляя с праздниками, стараясь не мешать ей своим вторжением в личную жизнь. Я смирился с этим, но эта книга снова заставила часто думать о ней, наивно полагая, что после запуска завода, она вернётся в город. И лишь откидывая чувства, ставил себя на место более рассудительной и холодной мыслью, что за эти пару лет, скорей всего, она уже вышла замуж.

Несмотря, что ночи становились всё холоднее, я спал с открытым наполовину окном, так как на удивление, отопление в больнице и непосредственно у меня в палате было весьма ощутимо. В этот вечер температура на улице приблизилась к нулевой отметке, и на ночь небо затянуло тяжелыми облаками. На улице был штиль, и штора лишь изредка слегка выгибалась под действие небольшого забрédшего ветерка, который разбавлял свежестью сухое тепло от батареи, напол-

нявшее всю палату. Время приближалось к десяти вечера. Отложив книгу, чувствуя, что глаза уже закрываются сами, я потушил светильник на тумбочке и сразу уснул, не успев даже подумать о чём-нибудь бесполезном. За всё время пребывания в больнице я не видел нормальных снов. Они напоминали коллажи из непонятных отрывков, не связанных друг с другом и, как правило, проснувшись, сразу забывал это ассорти. Мозг, наверное, так был перегружен моим поведением, что на время стёр его, так как ни разу во сне не нарисовав мне малоприятные сюжеты с лесом и волками.

Этой ночью всё было по-другому. Я крепко спал, когда в голове отчётливо услышал обращение к себе. Были только звуки и никаких картин. Неприятный голос из ниоткуда, растягивая каждый слог, медленно с усилием убирая рычание, выдавливал их из своего нечеловеческого нутра, собирая в слова:

– Тыы... рааз-руу-шиил... моой... миир... Нее-наа-виижуу... тее-бя....

Я резко открыл глаза. Ощувив холодный пот на лбу, растёр его по всему лицу рукой и потянулся к выключателю ночной лампы. Приглушенный свет успокаивающе мягко занял всё пространство палаты. Она была абсолютно пуста. Не скрою, в этот момент страх уверенным шагом прошёлся по всему моему телу. Я пролежал так минут пять, смотря в потолок, не понимая, что произошло. Маленькая стрелка на настенных часах приближалась к цифре три. Если этот кош-

мар теперь будет преследовать меня всю жизнь, то настроение от такой перспективы не поднималось. Даже сейчас не могу объяснить, что меня подвигло тогда подняться с кровати и подойти к окну. Отдёрнув штору, я полностью открыл его и высунул голову на улицу. Прямо под окном на первом выпавшем ноябрьском снегу чётко были видны следы волка или большой собаки. В свете фонаря было видно, что они уходили в сторону леса. Я поднял глаза и уставился вдаль. Передо мной, метрах в ста пятидесяти, находился небольшой холм, так любимый мной в детстве, когда часами катался с него на санках, останавливаясь у самой проезжей части. Тучи, занявшие вечером всё небо, немного разошлись, дав возможность луне не быть забытой. Её свет поглаживал макушку холма, на которой появился тёмный силуэт четвероного зверя. Лишь только отбрасываемая им тень и его странная походка, которую я сразу узнал, дали мне столь долгожданный ответ и успокоение.

Понятно, что уснуть до утра уже не представлялось возможным, и я просто лежал, закрыв глаза при включенном ночнике. Теперь у меня осталось только одно дело, но для этого надо выйти в город, о чём попрошу лечащего врача на утреннем обходе.

Хирург с ухмылкой посмотрел на меня, когда я сказал, что мне надо срочно на главпочтамт, отправить телеграмму, с сарказмом спросив:

– В век мобильных телефонов и sms, тебе надо отправить

сообщение на бумаге?

– Поверьте, я не обманываю. Туда цивилизация ещё не дошла.

Он снова посмотрел на меня и, видя, что я не вру, ответил:

– Ну, раз надо, значит надо. Через час, чтоб был в палате.

– Спасибо, доктор. Буду раньше.

Девушка за окошком в отделение связи с удивлением взглянула на меня и протянула бланк.

– Заполняйте, пример под стеклом на столе.

Я достал из кармана купленную по пути шоколадку специально для этого случая и как можно печальнее сказал:

– Не могу писать. Рука не двигается. Заполните, пожалуйста, сами. А это вам к чаю, – моя улыбка была сама доброта.

– Ой, – и шоколадка мгновенно исчезла под стойкой, – что с вами делать? Говорите кому и куда.

Я бойко выдал адрес, что мне сказал Лесник и она, вписав его, в ожидании подняла глаза:

– Диктуйте текст.

– Там немного, девушка, всего два слова. Пишите. Генерал Дурачок.

– В оформлении обложки использована фотография <https://pixabay.com/ru/illustrations/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%84-%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82-%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0->

%D1%85%D0%B8%D1%89%D0%BD
%D0%B8%D0%BA-221568/